

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
ПЛАТОНА
Митрополита Московскаго.

Книга 8.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

Здѣсь примѣтить надлежитъ, что поставленіемъ епископа въ Вологду учреждена вновь епархія Вологодская, которая включила въ себѣ и прежнюю епархію, Пермскую.

Въ томъ же году былъ отъ папы Римскаго посолъ Павелъ, а почему, не объяснено; но примѣчательно, что онъ старался великаго князя примирить съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, между коими происходила война.

Въ 1521 году, при устроеніи вновь церкви, открыты мощи святаго Макарія, игумена Калязинскаго.

Въ 1522 году, Варлаамъ митрополитъ оставилъ свое правленіе и пошелъ въ монастырь. Лѣтописцы не объявляютъ, по какой причинѣ; а князь Щербатовъ пишетъ, что онъ единственно для того сіе учинилъ, дабы остатокъ дней своихъ посвятить на едино служеніе Богу, безъ всякаго отъ дѣлъ смущенія.

Въ тотъ же годъ поставленъ митрополитъ всея Россіи Даніилъ, игуменъ Іосифова монастыря. И въ томъ же году митрополитомъ Даніилемъ поставлены епископы: въ Рязань Іона, а въ Тверь Акакій; а изъ какихъ, не показано.

БИБЛІОТЕКА СИНОДАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Въ 1525 году поставлены епископы: на Коломну Вассіанъ Топоркинъ, а на Вологду Алексѣй, игуменъ Кириллова монастыря.

Въ томъ же году устроенъ Новодѣвичь монастырь, у града Москвы за посадомъ, близъ монастыря святаго Саввы, коего Саввы монастыря уже нѣтъ; а обращенъ въ приходскую церковь. А первая игуменья опредѣлена изъ Покровскаго Суздальскаго монастыря, благовѣрная и благочинная инокиня, Елена Дѣвочкина.

Въ 1526 году великій князь Василій Ивановичъ постригъ жену свою Соломониду въ Покровскомъ Суздальскомъ монастырѣ, по ея согласію и по великой просьбѣ ея, и по умоленію митрополита Даніила, какъ пишетъ Лѣтописецъ, печатанный въ Сунодальной типографіи въ 1774 году, по причинѣ ея бездѣтства: 20 лѣтъ съ нею жилъ, а дѣтей не было; и женился вторымъ бракомъ на дочери князя Василія Львовича Глинскаго, на княжнѣ Еленѣ; а вѣнчалъ ихъ митрополитъ Даніилъ.

Въ томъ же году преосвященный митрополитъ Даніилъ поставилъ во архіепископа Новуграду и Пскову Макарія, архимандрита Лужецкаго; а въ Ростовъ во архіепископа же—Спаскаго Суздальскаго архимандрита Кирилла.

Въ томъ же году былъ у великаго князя посолъ отъ папы Римскаго Климента, Иванъ Францискъ бискупъ, съ какимъ намѣреніемъ,— не объяснено; и великій князь посла папскаго съ граматою отпустилъ, и съ нимъ отъ себя отправилъ двухъ пословъ, а по какому дѣлу,—въ Лѣтописцахъ не видно. Но извѣстно по духу папства, чтобы, хотя подъ

другимъ видомъ, къ себѣ въ унію привлечь. Въ томъ же году великій князь, по прошенію съ Поморія, съ Киндолажской губы, Лоплянъ или Лопарей,—велѣлъ архіепископу Новогородскому Макарію послать къ нимъ священника и діакона; и они, бывъ посланы, освятили тамъ церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, и многихъ крестили Лопарей въ нашу православную вѣру.

Въ 1527 году поставилъ великій князь церковь каменную съ придѣлы на своемъ дворѣ, Спаса Преображенія, что нынѣ называется Спасъ на Бору; да церковь каменную святаго Георгія у Флоровскихъ, что нынѣ—у Спаскихъ воротъ; третію на Арбатѣ во имя Бориса и Глѣба. Двѣ первыя и нынѣ стоятъ; а вмѣсто третьей сдѣлана новая.

Въ 1528 году Новогородскій архіепископъ Макарій, видя во многихъ монастыряхъ своей паствы неустройство, яко каждый монахъ готовитъ себѣ пищу и одежду, учредилъ во всѣхъ монастыряхъ общежительство, или общее содержаніе.

А еще большее безчиніе уничтожилъ, что въ женскихъ монастыряхъ управляли игумены, и жили нѣкоторые монахи, видно, для службы; но какъ сіе дѣлало соблазнъ, то благоразумный архіепископъ игуменовъ и монаховъ вывелъ въ мужскіе монастыри, а въ женскихъ поставилъ игуменей.

Въ 1530 году родился великому князю отъ второй супруги, Елены, сынъ и нареченъ Іоанномъ; и отъ великой радости, что чрезъ столь долгое время не было у него чадъ, поѣхалъ и съ новорожденнымъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь; и тамъ его крестилъ игуменъ Троицкій Іоасафъ Скрыпицынъ, и по крещеніи положилъ его въ раку преподобнаго Сергія. А воспріемники были старцы Осипова монастыря: Кассіанъ Босой, Переяславскій Даніилъ и Троицкій Іовъ Курцовъ.

Въ томъ же году преставился епископъ Суздальскій Геннадій въ Москвѣ, а погребенъ въ Суздали.

1531 году преставился епископъ Смоленскій Іосифъ, и въ Смоленскѣ погребенъ.

Въ томъ же году устроена церковь каменная въ селѣ Коломенскомъ, во имя Вознесенія Господня, а въ слѣдующемъ году освящена Даніиломъ митрополитомъ, архіепископомъ Ростовскимъ, епископами: Вассіаномъ Коломенскимъ и Дороѳеемъ Крутицкимъ; и пированіе было великое три дни.

Въ томъ же году, а по инымъ въ 1533 году, родился великому князю другой сынъ, Юрій или Георгій, и бысть ему и всѣмъ радость велія; а крестилъ его въ Москвѣ на Троицкомъ Богоявленскомъ подворьѣ Троицкій игуменъ Іоасафъ Скрыпицынъ, и воспріемникомъ былъ Даніилъ старецъ изъ Переяславля.

Въ томъ же году, а по инымъ въ 1534 году, женилъ великій князь брата своего, князя Андрея Ивановича, на дочери князя Хованскаго, на княжнѣ Евфросиньи; а вѣнчалъ ихъ въ соборной Успенской церкви Даніилъ митрополитъ.

Въ 1535 году, повелѣніемъ великаго князя, слитъ колоколъ большой, въ тысячу пудовъ.

Въ семъ же году преставился великій князь Василій Ивановичъ, государь и самодержецъ всея Россіи, писался же иногда и царемъ; но вообще и обыкновенно былъ писанъ великимъ княземъ, государемъ и самодержемъ всея Россіи,—преставися же кончиною благочестивою и христіанскою. По исповѣди и по маслособороваціи, многократно святыхъ Таинъ пріобщался, даже требовалъ отъ духовника, чтобы примѣчалъ часъ его кончины и въ самое то мгновеніе съ симъ святымъ напутствіемъ отпустилъ бы его къ Богу, Его же душею возлюбилъ и усердно Ему служилъ. А при самомъ исходѣ, по горячему и неотступному его желанію и требованію, постриженъ въ монашескій чинъ и нареченъ Варлаамомъ. И хотя сему его постриженію бояре зѣло противились, говоря, что и безъ чернеческой одежды можно спастись; но митрополитъ Даніилъ, не хотя оскорбить набожное желаніе и требованіе умирающаго государя, не послушалъ, сказавъ: „серебро хорошо, а злато лучше того“.

Умирающій государь благословилъ сына своего Іоанна на всероссійское государство, и возложилъ на него крестъ; и другого сына Юрія отечески благословилъ же, и крестъ на него возложилъ. Простился же нѣжно и съ супругою своею, великою княгинею Еленою, и со всѣми ближними христіанскимъ духомъ, и написалъ духовную, гдѣ все порядочно распорядилъ. Таковой благословенной кончины Богъ его сподобилъ для того, что и вся жизнь его была благочестива и добродѣтельна. Былъ государь къ вѣрѣ весьма усерденъ, государствомъ своимъ управлялъ благоразумно, и государства своего не только не уменьшилъ, но еще оное умножилъ. Былъ человѣколюбивъ и всегда сердцемъ преклоненъ болѣе къ прощенію преступленій, нежели къ наказанію. Къ войнамъ, яко къ источникамъ несчастій человѣческихъ, не былъ расположенъ, а болѣе къ миру и любви.

Въ войны же не иначе вступалъ, развѣ по необходимости и для сущаго блага своей державы. Достоинъ отъ Церкви во блаженныхъ почитаемъ быть. Похвала его истинная заключалась въ томъ, что кончину его и погребеніе сопровождали безъ изъятія всѣ плачемъ и рыданіемъ; а погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, будучи выносимъ монахами Троицкими и Іосифовскими.

По кончинѣ его тотчасъ Даніилъ митрополитъ привелъ къ присягѣ братьевъ покойнаго государя и бояръ, чтобы они служили вѣрно на-

реченному великому князю, Ивану Васильевичу, и матери его, великой княгинѣ Еленѣ, коей покойный государь поручилъ правленіе до возраста сына ея, и чтобы она ему содѣйствовала во всемъ противъ басурманства и латинства.

ГЛАВА XLVIII.

Итакъ, на великое княженіе всея Россіи вступилъ, по завѣщанію родительскому, сынъ его Іоаннъ, который былъ еще по четвертому году, а въ правленіе—мать его Елена.

Въ 1535 году архіепископъ Новогородскій Макарій пріѣзжалъ въ Москву поздравить государя съ возшествіемъ на престолъ, и поднесъ ему крестъ златомъ обложенъ, да крабійцу хрустальну, оковану серебромъ съ финифтью; и отпущенъ.

Въ томъ же году святители Петръ и Алексѣй положены въ новыя серебряныя раки, и мощи святаго Алексія переложены въ новую раку преосвященнымъ Даніпломъ митрополитомъ, со епископы: Іоною Рязанскимъ и Досиѳеемъ Крутицкимъ, и того монастыря архимандритомъ Іоною, въ присутствіи великаго князя Ивана Васильевича и матери ихъ, благовѣрной великой княгини Елены, и множества боляръ. А раки сіи заказалъ сдѣлать еще покойный великій князь Василій Ивановичъ по обѣщанію, ежели Богъ ихъ молитвами даруетъ ему чадъ.

Въ семъ же году заложенъ каменный въ Москвѣ городъ Китай по рву землянаго града.

Въ 1536 году, въ Смоленскъ поставленъ во епископа Савва Слѣпушкинъ, старецъ Іосифова монастыря, митрополитомъ всероссійскимъ Даніиломъ.

Въ томъ же году великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи ѣздилъ къ Троицѣ и преподобному Сергію молиться изъ Москвы, въ первый разъ по кончинѣ отца своего; и, братію милостынею и кормомъ учредивъ, возвратился въ Москву.

Въ томъ же году, стараніемъ архіепископа Новгородскаго Макарія, переведена съ латинскаго языка толковая Псалтырь, а толкователей Псалтыри шесть: Брунонъ епископъ, Іеронимъ, Августинъ, Григорій великій, Беда пресвитеръ и Кассіодоръ; при томъ и Лѣтописецъ переведенъ изъ книги Исидора, епископа Испаленскаго. А переводилъ въ старости своей Димитрій, зовомый толмачъ, онъ же и схоластикомъ себя называлъ, и много архіепископу послужилъ. Примѣчателенъ сей переводъ, что онъ принятъ въ тогдашнее время, когда все на латин-

скомъ языкѣ писанное почиталось подозрительнымъ: видно, что сей архіепископъ просвѣщеніемъ тогда отличался, да уже и другіе на оное начали подниматься.

Въ 1537 году: и въ семъ году великій князь былъ у Троицы для богомолія и съ матерію, и въ слѣдующихъ годахъ также былъ почти каждый годъ.

Въ 1538 году преставилась великая княгиня Елена, мать великаго князя; и онъ остался по осьмому году, а погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Въ 1539 году бояре, правивъ государствомъ въ малолѣтствѣ государя и между собою враждуя, ища всякъ своихъ выгодъ, а не государства, многихъ бояръ изгнали, иныхъ казнили и много кровопролитія учинили. За то, что въ семъ мятежѣ не приступалъ къ злымъ ихъ умысламъ Даніилъ, митрополитъ всея Россіи, онъ лишенъ своего престола, и сосланъ въ Осиповъ монастырь. А на его мѣсто въ митрополита всероссійскаго поставленъ Троицы-Сергіева монастыря игуменъ Іоасафъ Скрыпицинъ. А на посвященіи его были: Макарій, архіепископъ Новгородскій; епископы: Акакій Тверскій, Іона Рязанскій, Вассіанъ Коломенскій, Досифей Сарскій, Алексій Вологодскій.

Примѣчанія достойно, что епископы приступили къ поставленію новаго митрополита, не возъимѣвъ пастырской ревности и зная, что митрополитъ—въ живыхъ, отъ правленія самъ не отрекся, а изгнанъ безъ всякаго суда и обличенія, по единой волѣ мятежныхъ бояръ, безъ согласія и государева, что не только съ правилами и порядкомъ несходно, но ниже съ самою справедливостію; а чрезъ то постыдили свой санъ малодушіемъ и слабостію.

Въ томъ же году Іоасафомъ митрополитомъ поставленъ во архіепископа въ Ростовъ игуменъ Кирилловскій Досиоей.

Въ томъ же году поставленъ имъ во епископа въ Суздаль игуменъ Ѳерапонтова монастыря Ѳерапонтъ.

Въ томъ же году имъ же поставленъ во епископа въ Смоленскъ Гурій Заболотскій, изъ архимандритовъ Симонова монастыря.

Въ 1540 году, по предстательству митрополита Іоасафа, великій князь изъ задержанія освободилъ князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, и за то князь Иванъ Шуйскій вознегодовалъ на митрополита и на бояръ, и не сталъ къ великому князю ѣздить и съ боярами въ государственныхъ дѣлахъ совѣтываться, а на князя Бѣльскаго вельми началъ враждовать; и между бояръ великъ мятежъ возсталъ.

Въ 1541 году, по предстательству митрополита и бояръ, великій князь освободилъ изъ задержанія князя Владиміра Андреевича, сына несчастнаго князя Андрея Ивановича, дяди государева, и мать его.

Въ 1542 году, а по инымъ въ 1543 году, возмятежничали бояре противу князя Бѣльскаго, что онъ у государя въ особой былъ милости, и на митрополита Іоасафа, что онъ по его предстательству государемъ изъ задержанія освобожденъ; и князя Бѣльскаго въ заточеніе сослали на Бѣлое озеро, да тамъ его и убили. А митрополита, взявъ его изъ самыхъ комнатъ великаго князя, съ безчестіемъ и ругательствомъ изгнали, едва его не убили, и сослали его въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь; и толикъ былъ отъ междоусобія бояръ мятежъ, яко и самъ государь былъ въ страхѣ и опасности. Се—судьбы Божіи! яко, вступивый на мѣсто неповинно изгнаннаго митрополита, и самъ тоже пострадалъ.

Сего митрополита Іоасафа Скрыпицына гробъ обрѣтается въ Троицкой Лаврѣ, и почитается онъ, яко святый, за его богоугодное житіе и за его страданіе.

И въ томъ же году скоро по изгнаніи митрополита пріѣхалъ въ Москву Макарій, архіепископъ Новгородскій, и по прибытіи скоро, избраніемъ святительскимъ и соизволеніемъ, какъ пишутъ, еще младолѣтняго великаго князя, возведенъ онъ на митрополію всероссійскую; а на возведеніи были: архіепископъ Ростовскій Досиѳей, епископы: Ѳерапонтъ Суздальскій, Гурій Смоленскій, Іона Рязанскій, Акакій Тверской, Вассіанъ Коломенскій, Досиѳей Сарайскій и Алексѣй Вологодскій.

О семъ возведеніи и о возведшихъ архіереяхъ можно тоже разсужденіе положить, какъ выше сказано о произведеніи митрополита Іоасафа, на мѣсто изгнаннаго митрополита Даніила. Новый митрополитъ Макарій, какъ изъ дѣяній его примѣчается, былъ честолюбивъ, благоразуменъ, проницателенъ и оборотливъ.

Въ томъ же году, на мѣсто Макарія, въ Новгородъ во архіепископа митрополитомъ новымъ Макаріемъ посвященъ Ѳеодосій, игуменъ Хутонова монастыря.

Въ томъ же году оставилъ епископство Коломенскій епископъ Вассіанъ Топорковъ, а на его мѣсто Макаріемъ митрополитомъ во епископа въ Коломну посвященъ архимандритъ Новоспасскій Ѳеодосій.

Въ томъ же году преставился архіепископъ Ростовскій Досиѳей.

Въ 1543 поставленъ во архіепископа въ Ростовъ Алексѣй, игуменъ Троицы Сергіева монастыря, митрополитомъ Макаріемъ.

Въ томъ же году преставился Ѳерапонтъ, епископъ Суздальскій, и погребенъ въ Суздали.

Въ 1544 году взволновались между собою бояре, и столь дерзостно и безсовѣстно, что предъ лицомъ государя и митрополита въ столовомъ покоѣ князь Шуйскій Андрей, да Кубенскіе ихъ совѣтники взяли Ѳеодора Воронцева за то, что его государь въ особой милости

содержитъ, и били его по щекамъ, и платье на немъ изодрали, и едва умолилъ митрополитъ, чтобы его не убили; а они съ великимъ посрамленіемъ вывели его изъ покоевъ государевыхъ, біюще и пхающе, на площадь и сослали его въ Кострому и съ сыномъ его.

Въ томъ же году государь былъ у Троицы для богомолія.

Въ томъ же году государь, не возмогши терпѣть безчинства бояръ, что они самовольствуютъ, безъ его велѣнія многія убійства чинятъ, велѣлъ поймать князя Андрея Шуйскаго псарямъ своимъ, и псари, взявъ его и влеча къ тюрьмамъ, убили; а совѣтниковъ его разослалъ, и съ того времени бояре начали государя бояться.

Въ томъ же году преставился епископъ Крутицкій Досиѳей.

Въ томъ же году митрополитъ Макарій посвятилъ во епископа въ Суздаль Іону Собина, архимандрита Симоновскаго.

Въ томъ же году былъ государь на богомольѣ въ Калязинѣ монастырѣ, а оттолѣ у Троицы.

Въ 1545 году государь ѣздилъ для богомолія къ Троицѣ, а отъ Троицы въ Переславль, и въ Ростовъ, и въ Ярославль, и на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, и въ Ѳерапонтовъ, и на Волгу въ Прилуцкій, и въ Корниліевъ, и въ Павловъ, и въ Борисоглѣбскій монастыри, и вездѣ кормилъ братію, и удовольствовалъ милостынею.

Въ 1546 году государь многихъ возмутителей бояръ наказалъ.

Въ 1547 году былъ государь у Троицы и въ Можайскѣ для богомолія, и на Волокѣ, и во Ржевѣ, и въ Твери, и въ Новгородѣ, и во Псковѣ—въ Печерскомъ монастырѣ, и на Тихвинѣ. Сіи богомолья дали случай государю осмотрѣть очевидно и мѣста державы своея.

ГЛАВА XLIX.

Въ 1547 году вѣнчанъ великій князь Иванъ Васильевичъ на царство Русское преосвященнымъ Макаріемъ, митрополитомъ всея Россіи, со епископы Русскія митрополіи, прародителя его вѣнчаніемъ Владиміра Мономаха, на осмьнадцатомъ году отъ рожденія. А вѣнчаніе или коронованіе, по духовному обряду происходило сицевымъ образомъ.

„Посредѣ убо соборныя церкви пречистыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успенія, уготоваша мѣсто большое на чемъ святителей ставятъ; и учиниша на томъ мѣстѣ два стула, единъ царскій, а другой святительскій. И егда приспѣ время, и облечеся митрополитъ Макарій во святительскія ризы, и всѣ архіепископы, и епископы, и архимандриты, и весь священный соборъ во священныя одежды; и велѣлъ митрополитъ посреди церкви поставить налой, и положища на

налоѣ животворящій крестъ, на блюдѣ златѣ, и вѣнецъ и бармы царя Константина Мономаха, ими же вѣнчанъ бысть князь великій Владиміръ Мономахъ на царство Русское. Егда же вниде князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руссіи въ соборную церковь, и митрополитъ со всемъ освященнымъ соборомъ начаша молебенъ животворящему кресту и Пречистѣй, и Петру Чудотворцу, и послѣ Достойна и Трисвятаго и по тропарѣхъ повелѣ митрополитъ принести крестъ животворящій къ себѣ двумъ архимандритамъ Спасскому и Симоновскому, и митрополитъ снемъ животворящій крестъ съ блюда злата, да положилъ на великаго князя Ивана Васильевича, и рече молитву сію во услышаніе всѣмъ:

„Господи Боже нашъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! Иже Самуиломъ пророкомъ избравъ раба Своего Давида, и помазавъ того въ царя надъ людьми Своими Израиля: Ты и нынѣ услыши молитву нашу недостойныхъ, и виждь отъ святаго Твоего жилища, благовѣрнаго раба Своего, великаго князя Ивана Васильевича, его же благоволилъ еси воздвигнути царя во языцѣ Твоемъ, его же стяжалъ еси честною кровію единороднаго Сына, помазати сподоби елеемъ возрадованія, и огради его силою животворящаго Твоего креста, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна. Даруй, Господи, ему долготу дней, дай же въ десницу его скипетръ царствія, посади его на престолѣ правды, огради его всеоружствомъ Святаго Духа, утверди его мышцу, покори ему вся варварскія языки, всѣй въ сердце его страхъ Твой, и еже послушнымъ милостивное око, соблюди того въ непорочной вѣрѣ, покажи его опасна хранителя святыя Твоея соборныя церкви велѣній, да судитъ люди Твоя правдою и нищихъ Твоихъ судомъ, и спасетъ сыны убогихъ, и наслѣдникъ будетъ небеснаго Ти царствія“. Возгласъ: «Яко Твоя держава, и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца, и Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

И по молитвѣ повелѣлъ митрополитъ съ налоя принести тѣмъ же двумъ архимандритамъ діадиму, сирѣчь бармы, и знаменалъ митрополитъ великаго князя Ивана Васильевича крестомъ, и положилъ на него бармы, и паки митрополитъ начатъ глаголати молитву втай:

„Господи Вседержителю и Царю вѣкомъ! иже земный человѣкъ Тобою Царемъ сотворенный, поклони главу свою Тебѣ помолитися. Владыко всѣхъ! сохрани его подъ кровомъ Твоимъ, удержави его царство, благоугодная Ти творити всегда его сподоби, возсіяй во днехъ его правду и множество мира, да въ тихости его тихо и безмолвно житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“. Возгласъ:

„Ты бо еси Царь мірови и Спасъ душамъ нашимъ, и Тебѣ славу“ и проч. И по аминѣ, велѣлъ къ себѣ митрополитъ принести шапку съ

налоя тѣмъ же двумъ архимандритамъ; и митрополитъ, вземъ шапку, сирѣчь вѣнецъ, да прекрестилъ великаго князя крестомъ, глаголя: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и положилъ на него шапку, и ектенію митрополитъ повелѣлъ глаголати: „Помилуй насъ Боже“. И глагола митрополитъ молитву Пречистѣй: „о, Пресвятая Дѣво, Госпоже Богородице“; и по молитвѣ сѣлъ царь на своемъ стулѣ, а митрополитъ на своемъ: и возшедъ на амвонъ архидіаконъ глагола велегласно многолѣтіе, и дьяки поютъ многолѣтіе. И по многолѣтіи митрополитъ здравствова великаго царя:

„Божіею милостію радуйся и здравствуй, православне царю Іоанне! всея Руссіи самодержецъ на многа лѣта“! и поклонися царю митрополитъ: и потомъ архіепископы и епископы, и весь соборъ поклонишася и здравствоваша великаго царя, и боляры здравствоваша царя и вси людіе здравствоваша такожде великаго самодержца. И митрополитъ совершилъ отпустъ молебену, и потомъ начаша литургію, и по совершеніи литургіи пошелъ великій царь Иванъ Васильевичъ, самодержецъ великія Руссіи, изъ церкви соборныя, и постилаху по пути его бархаты и камки, и до хоромъ его, куда идяше великій самодержецъ. И какъ сшелъ великій царь съ мѣста своего, и въ дверяхъ церковныхъ осыпа его деньгами златыми братъ его Юрій Васильевичъ; а мису злату со златыми деньгами за нимъ носилъ бояринъ великаго царя и конюшей князь Михайло Васильевичъ Глинской. И противу Архангела осыпаша его такожде, и на средней лѣствицѣ такожде осыпаша его“.

Сіе вѣнчаніе или коронованіе, чтобъ было по примѣру Владиміра Мономаха,—сіе испытанію подвержено, какъ выше о томъ сказано. А примѣчательно, что сіе взято изъ книгъ Степенныхъ. Впрочемъ, несомнительно, что крестъ и вѣнецъ и діадима присланы отъ греческаго царя въ даръ Владиміру Мономаху; однако, все сіе подвергаю прилежнѣйшему испытанію и справедливому рѣшенію другихъ.

Притомъ, по прописанному обряду духовному хотя поминается въ молитвѣ, дабы Богъ помазалъ его „елеемъ возрадованія“; но чтобъ онъ и муромъ помазанъ былъ и по царскому обряду въ алтарѣ (какъ послѣ сіе установлено) святыхъ Таинъ причастился,—того въ обрядѣ прописанномъ не сказано.

Послѣ вѣнчанія царь скоро отправился къ Троицѣ для богомолія и для благодаренія Богу.

Въ томъ же году митропол. Макаріемъ во епископа на Вологду и Пермь посвященъ Богоявленскій игуменъ, съ Москвы, Кипріанъ.

Въ томъ же году женился царь государь на дщери Романа Юрьевича, Анастасіи Романовнѣ; и вѣнчалъ ихъ митрополитъ Макарій въ соборной Успенской церкви.

А по бракѣ чрезъ двѣ недѣли, въ февралѣ, ходилъ царь государь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь пѣшъ, и съ царицею Анастасіею, и съ братомъ своимъ Юріемъ Васильевичемъ.

Въ томъ же году былъ великій и страшный въ Москвѣ пожаръ, а по пожарѣ смятеніе народное и убійства.

Въ слѣдующемъ году женилъ царь государь брата своего, великаго князя Юрія Васильевича, на дщери князя Палецкаго Іуліаніи, и велѣлъ имъ жить у себя на дворѣ.

Въ 1548 году поставленъ Макаріемъ митрополитомъ, во епископа на Рязань, Чудовскій архимандритъ Михаилъ.

Въ семъ же году государь царь былъ для богомолія у Троицы, ходилъ пѣшъ, съ царицею и съ братомъ.

Въ 1549 году также прежде царица, а потомъ и царь ходили пѣши къ Троицѣ, а потомъ въ Слободу, и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ, и въ Можайскъ.

Въ томъ же году митрополитомъ Макаріемъ поставленъ во архіепископа въ Ростовъ Троицы Сергіева монастыря игуменъ Никандръ.

Въ томъ же году родилась царю дщерь Анна, и царь приказалъ построить церковь Іоакима и Анны въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. И церковь въ субботу заложена, а на другой день поспѣла и освящена; и по освященіи дщерь его Анна крещена. Крестилъ игуменъ Серапіонъ Курцовъ, а воспріемникомъ былъ старецъ Адріанъ Андросовы пустыни.

Въ 1550 году государь царь положилъ итти на Казань, съ благословенія митрополита, коего и владыку Крутицкаго Савву призвавъ во Владиміръ, требовалъ отъ нихъ благословенія въ походъ. И они, благословивъ, сдѣлали увѣщаніе всему воинству, чтобы вѣрно государю служили, и за вѣру и отечество подвизались мужественно, и чтобы мѣстничество оставили; а служили бы по распоряженію государеву, а послѣ совершенія дѣла могутъ о мѣстничествѣ просить.

Въ 1551 году государь царь повелѣлъ позлатить главы Успенской соборной церкви въ Москвѣ.

Въ томъ же году поставленъ во архіепископа въ Новгородъ Серапіонъ Курцовъ, игуменъ Троицы Сергіева монастыря, митрополитомъ Макаріемъ.

Да имъ же поставленъ во епископа въ Суздаль Аѳанасій, игуменъ Кириллова монастыря.

Въ семъ же году царь государь устроилъ вновь городъ Свіяжскъ.

Въ 1552 году при походѣ царя государя на Казань, митрополитъ Макарій послалъ отъ себя поученіе къ войску государеву въ городъ Свіяжскъ, въ которомъ всѣхъ увѣщеваетъ, дабы хранили заповѣди Божіи, не оставляли бы церковныя службы, жили бы цѣломудренно и

честно, а убѣгали бы пьянства, хищенія, блуда и содомства, и страшились бы за то гнѣва Божія; а притомъ не брили бы бородъ, также служили бы государю вѣрно, и во всемъ послушно, за что у Бога милость, а у государя награду, а отъ него и церкви благословеніе получатъ. Подлинную же сію грамату можно видѣть напечатанную въ исторіи князя Щербатова.

Государь царь отправился въ походъ на Казань съ великою набожностью: ибо никогда не оставлялъ, чтобъ по уставу церковному службы не исправлять; и, взошедъ въ соборную церковь, пріемлетъ благословеніе отъ митрополита и владыкъ: проситъ ихъ, чтобъ они постились и молились о благомъ успѣхѣ, и митрополиту поручаетъ блюсти царство, брата его поучать, бояръ наставлять, а Царицу беречь и утѣшать. Пріѣхавъ же въ Коломну и слышавъ приближеніе крымскихъ татаръ, царь восписуетъ митрополиту, извѣщая, что татары разсѣяны и убѣжали, и много отъ нихъ добычи получили, которую и прислалъ въ Москву; и проситъ его о молитвахъ, а о себѣ объявляетъ, что онъ чрезъ Владиміръ и Муромъ съ воинствомъ шествуетъ въ Казань.

И къ государю, пришедшему къ своему воинству въ Муромъ, митрополитъ прислалъ писаніе, отъ лица всего собора Россійской митрополіи, въ коемъ, объявивъ ему благословеніе, увѣщеваетъ мужественно подвизаться противу враговъ за Церковь и отечество, и хранить чистоту, воздержаніе и смиреніе; а воинство содержать въ милости, въ порядкѣ и въ повиновеніи. А воиновъ также увѣщеваетъ государю повиноваться и мужественно подвизаться, и заповѣди Божія хранить; и, кои изъ нихъ уязвлены, или убиты будутъ, тѣхъ обнадеживаетъ получить прощеніе грѣховъ и вѣнчатися съ мученики.

Государь на сіе писаніе прислалъ къ митрополиту отвѣтное посланіе, въ коемъ, благодаря за присланную отъ него грамату, проситъ о молитвахъ, объ отпущеніи грѣховъ, и чтобъ Богъ помогъ ему съ побѣдою на враги возвратиться въ свое отечество. Сіи обѣ граматы подлинныя прочти въ Лѣтописцахъ.

ГЛАВА L.

Въ 1553 году взятъ городъ Казань въ присутствіи самого государя, который, во все сіе время завоеванія, явилъ удивительную набожность къ Богу и къ вѣрѣ усердіе, и со всѣми военачальниками, и съ воинствомъ поступалъ благоразумно и кротко, и всѣхъ жаловалъ премилостиво. Потомъ, устроивъ храмъ въ Казани во имя Благовѣщенія Богородицы, освятивъ и все распорядивъ, отправился въ Москву.

Прибывъ во Владиміръ и получивъ извѣстіе, что Богъ ему даровалъ отъ царицы Анастасіи сына Димитрія, крайне обрадовался и тотчасъ изъ Владиміра полетѣлъ прямо въ любимое имъ мѣсто, къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Тамъ, принесши Богу благодареніе за побѣду, предстательствомъ Чудотворца Сергія, и братію удоволивъ, государь отбылъ въ Москву.

Здѣсь примѣчать надлежитъ, что, какъ Лѣтописецъ пишетъ, въ пріѣздъ государя къ Троицѣ, встрѣтилъ его, вмѣстѣ съ игуменомъ и братіею, и бывый митрополитъ Московскій Іоасафъ Скрипицынъ; и по сему видно, что онъ, по государеву изволенію, изъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря переведенъ къ Троицѣ, гдѣ и скончался.

По пріѣздѣ государя въ Москву встрѣтилъ его митрополитъ Макарій, со архіепископы и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со кресты и съ чудотворными образами у Срѣтенскаго монастыря, гдѣ государь царь говорилъ митрополиту и всему собору слѣдующую рѣчь.

Рѣчь царская къ митрополиту и ко всему собору.

„Отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всея Руссіи, и архіепископы, и епископы и вси православніи Рустіи собори! билъ есьми вамъ челомъ о вашемъ къ всесильному Богу подвизѣ и прилежныхъ молитвахъ, чтобы есте, господине мой, молили премилостиваго Бога, и пречистую Богородицу, и великихъ Чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ о нашемъ здравіи, и о отпущеніи многихъ согрѣшеній, и о устроеніи земскомъ, и о избавленіи варварскаго нахожденія, и всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ избавленіи. Еще же и совѣтывалъ есьми съ вами о томъ, что Казанскіе цари и всѣ Казанскіе люди, отъ многихъ лѣтъ, чрезъ наше жалованіе намъ измѣняютъ, и христіанство расхищаютъ, и многіе грады и села, Богомъ дарованные намъ, нашея Русскія державы поплѣнили, и въ тѣхъ градахъ нѣколикимъ церквамъ святымъ разореннымъ и низложеннымъ, и честнымъ монастырямъ поплѣненнымъ, и множество народа христіанскаго, священническаго чина и иноческаго, князей и бояръ, юныхъ и младенцевъ, мужеска пола и женска, не имуще числа крови христіанскія пролилося; и въ плѣнъ расхищены и разсѣяны по лицу всея земли грѣхъ ради нашихъ, наипаче же моихъ ради согрѣшеній. Ибо многіе лѣты прежде бывши насъ отцы наши и дѣды, тако и мы вооружалися, во отмщеніе воеводъ своихъ посылали, и ничто же успѣхомъ за грѣхи наша. И нынѣ есьмя Божіею помощію по вашему совѣту ходили есьмя на нихъ, и въ то время приближися къ намъ врагъ нашъ, Крымской Девлетъ Гирей царь, и хотя по отшествіи нашемъ на Казань до конца православіе истребити. Ты, отецъ

нашъ Макарій, митрополитъ всея Руссіи, и съ своими, о Святѣмъ Дусѣ дѣтьми, архіепископы, епископы, игумены и со всѣми священными соборы не презрѣлъ къ себѣ моленія нашего, и помянулъ Владыки нашего Іисуса Христа слово: Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть. Исполнилъ еси Христово слово бдѣніемъ и молитвами, труды и алканіемъ и всенощнымъ стояніемъ, такожде заповѣдалъ еси и по всѣмъ святымъ мѣстомъ и всему народу христіанскому, по нашемъ отшествіи противо иноплеменныхъ, на постъ и на молитву ко всемогушему Богу Владыцѣ Христу, и пречистѣй Его Матери, и великимъ Чудотворцамъ объ избавленіи христіанскомъ, и о нашемъ согрѣшеніи. И милосердый Богъ, молитвъ ради пречистыя своея Матери и величихъ Чудотворцевъ, и твоихъ ради великихъ трудовъ и молитвъ архіепископовъ, епископовъ и всего священнаго собора, и всенародныя молитвы услышалъ и подалъ намъ помощь.

Крымскій Девлетъ Гирей царь возвратился никимъ гонимъ, но токмо Божіимъ гнѣвомъ и вашими святыми молитвами, не дождався насъ, вскорѣ возвратился. А которые его люди съ нашими людьми видѣлися, и надъ тѣми намъ Богъ милость показалъ, наши воеводы многихъ Крмскихъ людей побили, и многихъ живыхъ къ намъ привели. И мы нынѣ Богу благодареніе приносимъ, а тебѣ, отцу своему Макарію, митрополиту всея Руссіи, архіепископомъ и епископомъ, и всему священному собору челомъ бьемъ. И по отшествіи есьмя, господине, Крымскаго царя, положа упованіе на всемогущаго Бога и пречистую Его Матерь и на великихъ Чудотворцевъ молитвы, и на ваши святыя молитвы уповая, дерзнули предреченныхъ исполняти на оныхъ свирѣпыхъ кровопролитцовъ Казанцевъ, пошли есьмя съ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣмъ своимъ воинствомъ. И далъ Богъ—тамъ дошли здоровы милосердаго Бога милостію, и поспѣшеніемъ пречистыя Богоматери, и великихъ Чудотворцевъ молитвами, и вашими святыми великими труды и молитвами, и прежде почившихъ родителей нашихъ молитвами, такоже попеченіемъ, и мужествомъ и храбростію брата нашего князя Владиміра Андреевича, и всѣхъ нашихъ бояръ, и воеводъ, и всего нашего христіанскаго воинства тщаніемъ и страданіемъ за непорочную нашу истинную, святую христіанскую вѣру, и за святыя церкви, и за единородную нашу братію милосердый Богъ призрѣ съ высоты небесныя, и излія щедроты благости своея на ны, неблагодарныя рабы своя, а не по нашему согрѣшенію дарова намъ благодатію своею царствующее мѣсто, многочисленный градъ Казань, и со всѣми живущими въ немъ, подаде въ руцѣ наши. Магметову прелесть прогна, и водрузилъ животворящій крестъ въ запустенной прелести Казанской. И вси живущіи въ ней бусурмане судомъ

Божіимъ во единъ часъ безъ вѣсти погибоша, а царь Казанскій Едигеръ Махметъ единъ живъ у насъ обрѣлся. И по Божію дарованію и по Его святой воли, а вашими святыми молитвами градъ Казанскій, прежде бывшій нечестивый, освящали во имя живоначальныя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нераздѣлимое Божество; и по стѣнамъ градскимъ со кресты ходили, и церковь соборную во имя пречистыя Владычицы нашея Богородицы воздвигли по твоему преждереченному благословенію и совѣту, и иные храмы во имя угодниковъ владычнихъ воздвигли. И Божіимъ милосердіемъ и вашими молитвами изо всѣхъ Казанскихъ предѣловъ вси земскіе люди Арскіе и Луговые намъ добили челомъ; и обѣщалися намъ до вѣка давати. Итамъ есьмя съ Божіею благодатію на сохраненіе градомъ и землямъ оставили воеводъ своихъ и людей многихъ, и сама съ такимъ великимъ Божіимъ дарованіемъ сюда ко образу пречистыя Богоматери, къ мощемъ великимъ Чудотворцевъ, и ко твоей святыни, и ко отеческому своему мѣсту здраво дошли. И азъ тебѣ, отцу своему, священному собору, и съ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣмъ своимъ воинствомъ, на вашихъ трудѣхъ и молитвахъ, иже вашими молитвами сія великая чудеса Богъ содѣлалъ, много челомъ бьемъ".

И предъ освященнымъ соборомъ покланяется благочестивый царь и съ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ воинствомъ до лица земли, и глаголетъ: „и нынѣ вамъ челомъ бью, чтобы есте пожаловали, потщалися молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи, и о строеніи земскомъ; чтобы вашими святыми молитвами милосердый Богъ намъ милость свою послалъ, и порученную намъ паству православныхъ христіанъ, юже Христосъ искупилъ честною си кровію отъ клятвы грѣховныя, снабдѣлъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, и наставилъ насъ на путь спасенія, и отъ враговъ невидимо соблюлъ, и новопросвѣщенный градъ Казань, по воли Его святой намъ данный, сохранилъ, и во имя святое свое утвердилъ бы въ немъ благовѣріе истинное, законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ ко истинному христіанскому закону, да и тіи бы съ нами вкупѣ прославили великолѣпое имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь".

По семъ же глагола митрополитъ къ государю сице.

Рѣчь митрополита къ Государю.

„О, вѣнчанный царю и благочестивый государь нашъ, великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи! мы, твои богомольцы, со священнымъ соборомъ молимъ Бога и великой Его благодати хвалу воздаемъ,

Что возглаголемъ? токмо къ Нему рцемъ: дивенъ Богъ, во славахъ творяй чудеса, показавый на тебѣ, царѣ благочестивомъ, славу свою, и свѣтлыя побѣды на враги тебѣ дарова надъ Крымскимъ Девлетъ Гиреемъ, царемъ нечестивымъ, и свое христоименитое стадо отъ нахожденія иноплеменнаго Агарянина, нынѣ тобою государемъ нашимъ, сохранилъ насъ. Ты же, государь нашъ, по таковѣй Божіей благости, и по своихъ великихъ трудѣхъ, съ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми своими христолюбивыми воинствы, поборающими по благочестіи, съ Божіею помощію и заступленіемъ мужественнѣ ты, царю нашъ, добрѣ подвизася противо супостатъ своихъ, нечестивыхъ царей, и клятвопреступниковъ татаръ Казанскихъ, неповинно всегда проливающихъ кровь христіанскую, оскверняющихъ и раззоряющихъ святыя церкви Божіи, и православныхъ христіанъ въ плѣнъ расхищая и разсѣявъ по лицу всея земли. И ты, благочестивый царю, и крѣпкій во бранѣхъ, возложилъ еси неуклонную надежду и вѣру на вседержителя Бога, и показалъ еси великоподвижніи труды, потщался еси данный ти талантъ умножити, и расхищенное стадо паствы твоея свободить отъ работы. И видѣвъ Владыка неотложную твою вѣру, и чистоту и любовь нелицемѣрну, и разсужденіе благоразумное, и храбрость, и мужество, и цѣломудріе въ томъ, что не усумнился еси пострадати до крове, паче предалъ еси душу свою и тѣло за святую, чистую и непорочную нашу честнѣйшую вѣру христіанскую, и за святыя церкви, и за порученную тебѣ паству православныхъ христіанъ, за пролитіе ихъ крове, и въ плѣнъ расхищенныхъ, и всяческими отъ нихъ бѣдами томимыхъ, и многообразными страстьми оскверненныхъ, къ твоей вѣрѣ и великимъ и неизреченнымъ трудамъ, дарова тебѣ Богъ милосердіе свое.

Градъ и царство Казанское предаде въ руцѣ твои, и возсія на тебѣ благодать Его, яко на прежнихъ благочестивыхъ царехъ, творящихъ волю Господню, иже благочестивому и равноапостольному Константину царю крестомъ побѣду на враги дарова и протчимъ благочестивымъ царемъ. Такоже и прародителю твоему, великому князю Владиміру, просвѣтившему Русскую землю святымъ крещеніемъ, многихъ иноплеменныхъ побѣдить; достохвальному же великому князю Димитрію, на Дону варвары побѣдившему, и святому Александру Невскому Латинъ побѣдить. На тебѣ же благочестивомъ царѣ превзыде свыше Божія благодать. Царствующій градъ Казанскій со всѣми окрестными тебѣ дарова и змія гнѣздящася тамъ, крыющася въ норахъ своихъ, и насъ злѣ поядающаго, сокрушити благодатію своею, и силою крестною и тобою благочестивымъ царемъ, и нечестіе исторгнулъ, и благодать насади, животворящій крестъ водрузи, и святыя церкви

воздвиже, и твоею царскою рукою многихъ христіанъ плѣнныхъ отъ работы избави. И видѣвъ Творецъ всѣхъ, Владыка нашъ, Христосъ праведніи нынѣшніи подвизи и труды за имя Его святое, и за именитое стадо, врученное тебѣ отъ всесильныя Его десницы, и что хотѣніе сердца Его исполнилъ, и желаніе твое совершилъ, даровалъ тебѣ свыше побѣду на враги креста своего на иноплеменныя сія. Да освятится градъ и люди благодатію Христовою; и не забытливъ мздовоздаятель Христосъ противъ твоихъ трудовъ о имени Его и о людяхъ Его исполняя слово свое: благій рабе и вѣрный, о малѣ ми былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю. Еще же дарова тебѣ Богъ Господь изъ чреслъ твоихъ первороженна сына родити отъ твоей царицы и великой княгини Анастасіи, царевича Димитрія Ивановича. Мы же, твои богомольцы, что къ Богу возглаголемъ, противъ великія Его милости и дарованія тебѣ царю благочестивому, вѣрному Его рабу? но токмо глаголемъ: велій еси, Господи, чудна дѣла Твоя, и ни единое же есть слово довольно къ похваленію чудесъ Твоихъ! Тебѣ же царю како возможемъ бити челомъ, и кія тебѣ похвалы принесемъ? ты съ Божіею помощію избавилъ насъ отъ нахожденія варварскаго своимъ благородіемъ. Такожъ и жилища ихъ до основанія разори, и бѣдную братію нашу плѣненную отъ работы свободи, тѣмъ же со избранною братіею глаголемъ тебѣ: радуйся, благочестивый царю, и веселися, приводя сія Христови Пастыреначальнику. Здравствуй, государь нашъ, благочестивый царю! и съ своею царицею и великою княгинею Анастасіею, и съ своимъ, Богомъ дарованнымъ, сыномъ царевичемъ Димитріемъ, и съ своею братіею, съ княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, и съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и съ своими боляры и со всѣмъ христолюбивымъ воинствомъ въ богоспасаемомъ царствующимъ градѣ Москвѣ, и на всѣхъ своихъ царствахъ, и на Богомъ тебѣ дарованномъ царствѣ Казанскомъ, въ нынѣшнее настоящее время и въ предъидущія лѣта, въ родъ и родъ, и на многая лѣта. А тебѣ, царю, благочестивому государю, за твои труды азъ съ освященнымъ соборомъ, и со всѣмъ христіанскимъ народомъ, челомъ бьемъ".—И падше вси поклонишася до земли благочестивому царю, отъ радости сердечныя слезы изливающе, и много благодарныхъ и радостныхъ слезъ изливающе о Божіи дарованіи и о царскомъ здравомъ пришествіи.

Объ измѣненіи царской одежды.

„И тутъ царь благочестивый премѣнилъ воинскую одежду, и положилъ царское одѣяніе, положилъ на выю свою и на перси животворящій крестъ, и на главу свою шапку Мономахову, сирѣчь, вѣнецъ царской,

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

и на плещи діадиму, и пойде за кресты и за чудотворными образы митрополитомъ пѣшъ во градъ. И пріиде въ соборную апостольскую церковь Пречистыя Богородицы, честнаго Ея Успенія, и припадаютъ любезно къ чудотворному Ея образу Богородицы, юже написалъ Божественный Апостолъ Лука Евангелистъ, и ко многоцѣлебнымъ мощамъ Петра чудотворца и Іоны чудотворца; и многи молитвы благодарны со слезами изрече, и, пріемъ отъ митрополита благословеніе, иде въ царскія свои палаты. И пріиде къ царицѣ своей Анастасіи и новорожденному своему сыну, царевичу Димитрію, и жалуетъ свою царицу, увѣщеваетъ благодарными словесы: ей же мало отъ болѣзней рожденія свободившейся здравствуетъ Государю, и челомъ бьетъ о сбывшемся чудеси".

Потомъ государь пиршествовалъ весело въ Грановитой Палатѣ, и учреждалъ обильно три дня—митрополита, и архіепископовъ, и епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, также братьевъ своихъ—родного, князя Юрья Васильевича, и двоюроднаго, князя Владиміра Андреевича, и многихъ бояръ и воеводъ, бывшихъ съ нимъ въ походѣ. А послѣ сего дарилъ митрополита, епископовъ и всѣхъ подвизавшихся прещедро: ибо, кромѣ вотчинъ и помѣстей, роздалъ до сорока восьми тысячъ рублей, что противу нынѣшняго денегъ ходу составляетъ весьма знатную сумму.

Въ томъ же году преставился во время повѣтрія Новгородскій архіепископъ Серапіонъ Курцовъ; а на его мѣсто поставленъ во архіепископа Андріановой пустыни старецъ Пименъ Черный, митрополитомъ Макаріемъ.

Въ томъ же году крещены въ святую вѣру нашу: первый, Казанскій царь Утеметъ Гирей, Сафагирея царя сынъ, и крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ самимъ митрополитомъ Макаріемъ; а воспріемникомъ былъ Крутицкій епископъ Савва. И нареченъ Александромъ; и государь царь его симъ поздравилъ, и велѣлъ ему жить при своемъ дворѣ, и учить его граматѣ, ибо еще младъ былъ. А вторый—царь Казанскій, взятый въ полонъ, Гедигеръ Махметъ, и крещенъ въ февралѣ мѣсяцѣ на Москвѣ рѣкѣ у тайника, и нареченъ въ крещеніи Симеонъ. И крестилъ его духовникъ его, протопопъ Галстунскій Аммосъ; а воспріемникомъ былъ Макарій митрополитъ, въ присутствіи самого государя и братьевъ его, и всего духовнаго собора и множества бояръ.

Достойно похвалы: 1) что митрополитъ по прошенію и желанію его креститься, прежде крещенія, многократно посылалъ къ плѣненному Казанскому царю архимандритовъ и игуменовъ, что царь добровольно ли и усердно, а не по нуждѣ ли и опасности хочетъ вѣру Христову принять; и онъ съ клятвою извѣщался, что съ любовію и

истинно желаетъ вѣровати во Христа, а лживаго Магомета и скверный его законъ проклинаетъ. Каковое обѣщаніе и соблюдалъ вѣрно, ибо до конца жизни былъ примѣрно благочестивъ и ревностенъ по вѣрѣ Христовой,—за что, и за ревность свою, во-первыхъ, отъ Годунова ослѣпленъ; а потомъ отъ разстриги, коего онъ обличалъ, сосланъ въ Соловки. 2) что государь царь Иванъ Васильевичъ ему пожаловалъ особый домъ и всѣхъ чиновниковъ, по чину государскому, и учинилъ содержать его не яко плѣннаго, но яко царя и царскаго сына, по достоинству.

Въ 1554 году, ѣздилъ государь царь для богомолія къ Троицѣ, и по разнымъ монастырямъ—въ Кирилловъ и въ другіе; а оттолѣ чрезъ Ярославль и Ростовъ паки былъ у Троицы, и прибылъ въ Москву.

При семъ случаѣ, былъ въ Троицкомъ монастырѣ, что царю будто представляли, Максимъ Грекъ; а въ Пѣсношѣ живший на обѣщаніи, какой-то епископъ, не извѣстный по имени и по епархіи, прозваніемъ Топорковъ, какъ разсказываетъ князь Щербатовъ. О семъ помянуто будетъ ниже.

Въ семъ для богомолія походѣ скончался первый сынъ государя царя, Димитрій. Но прежде сего государь былъ въ тяжкой болѣзни, и объявилъ, что онъ наслѣдникомъ оставляетъ сына своего, младенца Димитрія; и требовалъ, чтобъ въ томъ ему присягали. Въ семъ случаѣ воспротивились многіе бояре, и желали быть государемъ двоюродному государеву брату, Владиміру Андреевичу, миновавъ сына его и роднаго брата, князя Юрья Васильевича; и что потому, по выздоровленіи государя, воспослѣдовало,—читай въ гражданской исторіи. Ибо сіе до насъ по намѣренію не принадлежитъ.

Въ томъ же году открыли ересь и соблазнъ въ людяхъ: нѣкто Матюшка Семеновъ сынъ Бакшинъ, съ Григорьемъ да Иваномъ Тимоѳеевыми, дѣтьми Борисова, и съ прочими, между коими, по повѣствованію князя Щербатова, былъ монахъ Исаакъ Бѣлобоевъ, по коихъ акибы поборалъ Кассіанъ, епископъ Рязанскій. Ересь ихъ состояла въ томъ, что они отвергали Божество Іисуса Христа, церковныя правила, и обряды, не признавали святыхъ угодниковъ, а паче святаго Николая; а сей ереси научились они отъ одного литовскаго аптекаря Матюшки, да Андреяшки Хотѣева, отъ латинниковъ, и отъ нѣкоторыхъ старцевъ Заволоскихъ, кои злости ихъ не хулили. Изслѣдовавъ о семъ, по повелѣнію государя царя и митрополита, бывшій Троицкій игуменъ Артемій и монахи—Пероилъ малый и Савва Шакъ, и нашедши ихъ, по многомъ увѣщаніи, нераскаянными,—заблужденія ихъ соборнѣ посрамили и прокляли; а они сами, властію государскою, въ заточеніе посланы, дабы не разсѣвали своего зла къ безпокойству и развращенію христіанъ. Но,

чтобъ епископъ былъ осужденъ,—того не видно; или—что онъ въ семъ оказался невиненъ, или, какъ князь Щербатовъ пишетъ (чего въ Лѣтописцахъ не видно), онъ пощаженъ, за случившимся ему параличемъ.

Въ 1555 году на Крутицы поставленъ во епископа Нифонтъ, архимандритъ Новоспасскій.

Митрополитъ Макарій упросилъ государя царя со владыки, чтобъ князя Семена Ростовскаго и князя Никиту Лобанова Ростовскаго, и прочихъ, хотѣвшихъ въ Литву бѣжать, отъ казни смертной свободилъ,—что государь и учинилъ, пославъ только въ заточеніе на Бѣлое Озеро.

Въ томъ же году на Рязань во епископа поставленъ Троицкій игуменъ Гурій.

Въ семъ же году родился государю царю сынъ Іоаннъ отъ царицы Анастасіи, и крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ протопопомъ Благовѣщенскимъ; а воспріемникомъ былъ Макарій митрополитъ.

Въ 1556 году ѣздилъ государь царь къ Троицѣ для богомолія.

ГЛАВА LI.

Въ томъ же году, а по инымъ въ 1554, или въ 1555 годахъ, установлено вновь архіепископство во градѣ Казани, также, гдѣ въ той епархіи быть монастырямъ и архимандритамъ и игуменамъ, и какимъ церквамъ и городамъ ту епархію составлять. Для сего, повелѣніемъ царя, собранъ былъ соборъ всѣхъ россійскихъ архіереевъ, и архимандритовъ и игуменовъ, въ предсѣдательствѣ митрополита всероссійскаго Макарія; и положена, съ соизволенія государева, на содержаніе архіепископа и всѣхъ церквей, посвященная Богу десятина, изо всѣхъ доходовъ Казанской земли. А на первый случай опредѣлено митрополиту и всѣмъ владыкамъ и монастырямъ учинить помощь Казанскому архіепископу деньгами и хлѣбомъ.

На сіе архіепископство первый по жребію избранъ Селижаровскій игуменъ Гурій, и поставленъ во архіепископа митрополитомъ Макаріемъ, со архіепископами Новогородскимъ Пименомъ, Ростовскимъ Никандромъ и съ епископы—Аѳанасіемъ Суздальскимъ, Гуріемъ Смоленскимъ, Гуріемъ Рязанскимъ, Акакіемъ Тверскимъ, Ѳеодосіемъ Коломенскимъ, Нифонтомъ Сарскимъ, Кипріаномъ Вологодскимъ. При семъ были—архимандритъ изъ Владиміра Рожественскій Закхей, архимандритъ Новоспасскій Никифоръ, Юрьевскій изъ Новогорода Геннадій, Чудовскій Левкій, Троицкій игуменъ Иларіонъ, Симоновскій архимандритъ Алексій, Андроньевскій архимандритъ Іосифъ, игуменъ Хутынскій Маркеллъ, Кирилловскій игуменъ Симеонъ, Богоявленскій игуменъ Варлаамъ,

Пафнутьевскій игуменъ Веніаминъ, Осиповскій игуменъ Галактіонъ; протопопы: изъ Владиміра Евсигней, Успенскій Іоаннъ, Софійскій Новогородскій Димитрій, Архангельскій Тимоѳей, Благовѣщенскій Андрей, Спасскій изъ дворца Ермолай, Вознесенскій Димитрій, Рождественскій Тихонъ, Никольскій Галстунскій Аммосъ, Рождества Христова Борисъ, и прочіе игумены и священники соборные. А всѣхъ, съ митрополитомъ и съ новопоставленнымъ архіепископомъ Гуріемъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, протопоповъ и поповъ и діаконовъ, опричь подъдьяковъ, было семьдесятъ шесть человѣкъ. Сей великолѣпный обрядъ былъ совершенъ въ присутствіи государя царя и братьевъ его—Юрья Васильевича и Владиміра Андреевича, и царя Симеона Казанскаго. Да тутъ же были, короля Польскаго посланникъ, Волоскіе послы, старцы Хилиндарскіе, и всѣ бояре, и князья служивые и дворяне многіе. А степень Казанскому и Свіяжскому архіепископу опредѣлена, по изволенію государеву и всего собора, послѣ Новогородскаго архіепископа. И тако новая Казанская епархія учреждена, и доселѣ пребываетъ.

Какъ Лѣтописцы пишутъ, что сей соборъ былъ созванъ не токмо для учрежденія новой епархіи и для избранія новаго архіепископа, но для разсужденія и о другихъ многоразличныхъ чинахъ церковныхъ и о многихъ дѣлахъ, къ утвержденію христіанской вѣры: то думаю, что надлежитъ къ сему отнести и соборъ, называемый „Стоглавный“. Ибо имѣется особая книга, содержащая въ себѣ положенія сего собора, который и называется Стоглавнымъ потому, что въ немъ содержится положительныхъ сто главъ. Но болѣе надлежитъ сей соборъ, ежели онъ былъ, отнести до 1551 года: ибо въ той, изъясняющей положенія собора книгѣ, точно пишется, что онъ созванъ въ 7059 году, царемъ Иваномъ Васильевичемъ на 21 году его рожденія, а на 18 его царствованія. Но въ какомъ бы то году ни было, соборъ сей созванъ государемъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который по особой ревности къ благочинію церковному предложилъ собору, состоящему изъ митрополита всероссійскаго Макарія и всѣхъ Россійскихъ архіереевъ, и многихъ изъ священнаго чина, различные въ большомъ числѣ вопросы, заключающіе въ себѣ, примѣченныя имъ въ Церкви и въ духовенствѣ многія злоупотребленія; а объ иномъ не находилъ онъ опредѣлительнаго положенія, почему и требовалъ на все то разсмотрѣнія и положительнаго опредѣленія, по правиламъ и правамъ церковнымъ.

Соборъ все то разсматривалъ, и на все то учинилъ опредѣленія. А какіе тѣ царскіе вопросы, и какія на то учинены опредѣленія,—желающій да прочтетъ ту самую книгу, которая во многихъ мѣстахъ находится. А мы сдѣлаемъ на то нѣкоторыя примѣчанія. 1) Зѣло

похвальна таковая по благочестіи царская ревность, которая до того простиралась, что взошелъ онъ и въ самыя мелкости, даже и уваженія большого не стоющія. 2) Что царь предложилъ отъ себя собору какъ бы нѣкоторую пространную рѣчь, въ которой объясняетъ, что во время его малолѣтства правительствующими боярами учинены многія разстройства, насилія и государству пагубы. Потому примѣчаетъ не малые и въ церковномъ чинѣ и въ духовенствѣ непорядки и злоупотребленія, и оные требуетъ, чтобъ взяты были въ разсмотрѣніе и поправленіе, дабы за нерадѣніе о семъ не понести гнѣва Божія. 3) На томъ соборѣ многіе суевѣрные обычаи отмѣнены, и злоупотребленія исправлены. 4) На томъ же соборѣ положено, что книги церковныя отъ переписчиковъ не исправны и требуютъ поправленія, и что надлежитъ ихъ „соборнѣ“ исправить. Это служитъ противу раскольниковъ, кои говорятъ, что якобы патріархомъ Никономъ книги церковныя во многомъ испорчены. А изъ сего видно, что они и до Никона были не исправны; а потому патріархъ Никонъ, не самъ собою одинъ, но соборомъ къ поправленію книгъ приступилъ, весьма разумно и для Церкви благополезно, и съ онымъ опредѣленіемъ Стоглавнаго собора сходственно. 5) На томъ соборѣ, между прочимъ, разсуждено, чтобъ крестное знаменіе христіанамъ полагать двуперстное такъ, какъ нынѣ раскольники употребляютъ. И хотя сіе доказываетъ, что тогда въ обычай у нѣкоторыхъ взошло сіе двуперстное крестное знаменіе; однако, сіе положеніе, кромѣ многихъ другихъ причинъ, во многихъ книгахъ объясненныхъ, симъ однимъ довольно опровергается, что отцы сего собора о двуперстномъ сложеніи точно говорятъ: „аще кто двумя персты не благославляетъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, якоже и Христосъ“ и проч. Всякому и малопросвѣщенному христіанину весьма извѣстно, что Христосъ, благословляя, двуперстное ли, или троеперстное сложеніе имѣлъ, или никаковаго,—никакъ доказать сего не можно; а паче явно, яко и совсѣмъ до Его Божественнаго благословенія сіе сложеніе перстовъ было не нужно. Его благословеніе не въ сложеніи перстовъ состояло, но въ изліяніи на благословляемыхъ Его всемогущей благодати и силы. А при томъ иное перстовъ сложеніе при благословеніи архіерея или іерея, иное изображеніе крестнаго знаменія каждому на себѣ. И нынѣ архіереи и іереи, благословляя, слагаютъ персты нѣкоторымъ образомъ похоже на двуперстное сложеніе. Обычай же тогдашній взошелъ, примѣчательно, оттого, что видѣли на иконахъ изображаемую руку Христа Спасителя, и другихъ святителей, похоже нѣсколько на двуперстное сложеніе. Но то была „рука благословляющая“; и дерзостно, таковое благословляющее сложеніе, каждому и простолюдину себѣ присвоять; и введенная просто-

народіемъ сія пословица: „якоже благословится, тако и крестится“,— никакого основанія не имѣетъ. Да и обычай сей тогдашняго времени былъ не общій, но нѣкоторыхъ. Ибо почто бы отцамъ собора столь сильно и подъ проклятіемъ сіе двуперстное сложеніе утверждать, ежелибъ не усматривали они, что многіе троеперстное сложеніе употребляютъ? а иначе, ежели бы у всѣхъ безъ исключенія двуперстное сложеніе было въ употребленіи: то не было бы причины о семъ собору разсужденіе и положеніе чинить. 6) На томъ же соборѣ положено, чтобъ Аллилуія „не трегубить, а сугубить“. Но изъ самаго сего собора видно, что тогда въ Новгородѣ и въ Псковѣ и въ ихъ области Аллилуія не сугубили, но трегубили. А положили сугубить, взявъ отъ неизвѣстнаго писателя, что якобы Богородица явилась преподобному Евфросину, и велѣла Аллилуія не трегубить, а сугубить. Но гдѣ дѣло идетъ о чинѣ церковномъ, тамъ должно утверждаться не на явленіи неизвѣстнаго писателя, но на древнемъ обыкновеніи Церковію общепринятомъ. 7) Что былъ сей соборъ, и на немъ были о предложенныхъ отъ царя вопросахъ разсужденія, и заготовлены на то положенія,—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но чтобъ тотъ соборъ тѣ положенія утвердилъ, никакъ нельзя увѣриться, первое, потому, что нигдѣ не находится подлиннаго соборнаго дѣянія, за руками бывшихъ на соборѣ. Второе, что нигдѣ въ Лѣтописцахъ о семъ соборѣ ни мало не упоминается; хотя о прочихъ бывшихъ, и не столь важныхъ, соборахъ не оставили написать. Третіе, что и въ самыхъ Степенныхъ книгахъ, писанныхъ о всѣхъ дѣлахъ царствованія царя Ивана Васильевича, особливо церковныхъ, самимъ митрополитомъ Макаріемъ, ни мало о семъ не упомянуто. Какъ же бы сей митрополитъ, который самъ предсѣдательствовалъ на семъ соборѣ, пиша о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ своего времени, совсѣмъ его оставилъ и глубокому предалъ забвенію? Изъ сего весьма видимо, что отцы собора, хотя разсужденія и положенія Стоглавникѣ описанныя велѣли написать, но всего того, по какимъ-либо сомнительнымъ обстоятельствамъ, точно опредѣлить и руками своими подписать не разсудили; или, что царь всего того не утвердилъ, а потому Лѣтописцы, и самъ Лѣтописатель того времени, митрополитъ Макарій, о томъ соборѣ, яко не утвержденномъ, воспоминать, почли за ненужное.

ГЛАВА LII.

Въ семъ 1556 году скончался монахъ Максимъ Грекъ. Онъ былъ мужъ ученый, учился во Франціи въ Парижѣ и въ Италіи во Флоренціи, — зналъ совершенно еллинскій языкъ, латинскій и славянскій;

постриженникъ Аѳонской горы Ватопедскаго монастыря. Изъ Греціи, по просьбѣ великаго князя Василія Ивановича къ патріарху Цареградскому, вызванъ въ Россію въ 1507 году, для перевода греческихъ книгъ на славянскій и для поправленія славянскихъ церковныхъ книгъ съ подлинниковъ греческихъ. Прибывъ въ Москву, принятъ былъ великимъ княземъ благосклонно, и упражнялся въ переводѣ и въ поправленіи книгъ, пребывая въ Чудовѣ монастырѣ. Каковые его труды и великимъ княземъ и митрополитомъ Даніиломъ приниманы были съ похвалою и съ награжденіемъ. Но что воспослѣдовало? Взялся онъ за нѣжную струну, за поправленіе нѣкоторыхъ словъ въ церковныхъ книгахъ. Невѣжество того вѣка тѣмъ же голосомъ возопіяло, какимъ послѣ поправителя церковныхъ книгъ, святѣйшаго патріарха Никона, огласило. „Максимъ портитъ церковныя книги! Максимъ еретикъ“! Великій князь Василій Ивановичъ и митрополитъ Даніилъ, сами ли пристали къ общей невѣжественной огласкѣ, или принуждены уступить буйству мятежныхъ воплей,—сослали его въ заточеніе въ Тверь, въ монастырь Отроческій, гдѣ онъ содержанъ былъ безъисходно болѣе двадцати лѣтъ, даже съ такою строгостію, что ни до причастія святыхъ Таинъ, по многимъ его просьбамъ, допускаемъ не былъ. И хотя онъ и къ Державному, и къ митрополиту, и ко многимъ писалъ, утверждая свое православіе, и что онъ во всемъ согласенъ ученію восточной Церкви; даже справедливо требовалъ, чтобъ онъ отосланъ былъ къ Цареградскому патріарху и преданъ былъ бы его суду, почитая, что, какъ онъ въ Россію вызванъ на время и не есть ея подданный, то потому и суду здѣшнему не подлежитъ; однако, всѣ его просьбы и доказательства были безуспѣшны. Только напослѣдокъ получилъ облегченіе въ своемъ содержаніи и дозволеніе причащаться святыхъ Таинъ,—чѣмъ явно признано его православіе; а сіе признаніе есть осужденіе на тѣхъ, кои, не испытавъ и безъ суда, подвергли толикому отягощенію и посрамленію Максима, столь много достойнаго похвалы и награды. Наконецъ, по указу государя царя Ивана Васильевича, переведенъ къ Троицѣ—въ Сергіевъ монастырь, гдѣ жилъ онъ въ свободѣ и упражнялся во многихъ полезныхъ сочиненіяхъ, коихъ списки и житіе его находятся въ Троицкой лаврѣ, въ которой, по добродѣтельной жизни, въ глубокой старости благочестиво скончался и погребенъ, и почитается, яко мужъ святостію себя прославившій.

Изъ сего повѣствованія 1) выходитъ убѣдительное доказательство противу раскольниковъ, что гораздо еще прежде Никона патріарха церковныя книги признаны неисправными и требующими поправленія, и что тогда благоразумный и благочестивый мужъ Максимъ, за поправленіе книгъ, тоже претерпѣлъ, что послѣ святѣйшій патріархъ, и мы,

храня православіе и Церковь неизмѣнно. 2) Раскольники ссылаются на Максима Грека, что онъ утверждалъ въ своихъ писаніяхъ двуперстное сложеніе. Я разсматривалъ два его списка о семъ двуперстномъ сложеніи, но оба, одинъ съ другимъ, несогласны. Въ первомъ о сложеніи перстовъ такъ темно написано, что, или прямо выразумѣть не можно, или обоюдно можно толковать; а въ другомъ спискѣ не двуперстное, но троеперстное сложеніе утверждается. 3) Въ Максимѣ же еще раскольники находятъ, что онъ полагалъ Аллилуія не трегубить, но сугубить. Подлинно, сіе Максимъ утверждаетъ; но видно, что онъ почелъ написать о семъ, сообразно тогдашнему мнѣнію, и не углубляться въ сіе столь маловажное дѣло, наученъ бывъ темничнымъ заключеніемъ, чтобъ писать впредь осторожнѣе. 4) Князь Щербатовъ въ своей исторіи пишетъ, что Максимъ не соглашался, чтобъ великій князь Василій, постригши жену, на другой женился; и въ томъ его обличалъ Максимъ, за что, де, и въ изгнаніе посланъ. Но нигдѣ сего въ Лѣтописцахъ нашихъ не обрѣтается. Да и разсматриваны мною всѣ Максимовы посланія къ великому князю и къ митрополиту и ко многимъ другимъ, гдѣ ни мало о семъ бракѣ не поминаетъ; а только очищаетъ себя въ неправедномъ оглашеніи его еретикомъ и доказываетъ свое непорочное православіе. Да притомъ и никакой причины въ сіе дѣло Максимъ входить не имѣлъ, какъ простый монахъ и пришлецъ. Но, сверхъ того, и въ бракѣ томъ никакой незаконности не заключалось, какъ выше о томъ говорено; а ежели бъ какое и сумнѣніе въ томъ состояло, довольно оное отъято благословеніемъ на тотъ бракъ митрополита всероссійскаго и всего духовнаго собора. 5) Князь же Щербатовъ пишетъ, что государю царю, столь набожному и къ монастырямъ усердному, въ бытность государя въ Троицкомъ монастырѣ, Максимъ Грекъ якобы совѣтовалъ, чтобъ онъ по монастырямъ для богомолія не ѣздилъ, и напрасно не истощевалъ бы своихъ подаяній на монастыри; а обращалъ бы ихъ на пропитаніе вдовицъ и сиротъ. Сіе можетъ ли быть вѣроятно, чтобъ монахъ, живущій въ монастырѣ и на содержаніи монастырскомъ, могъ такой противу монастырей совѣтъ подавать,—оставляю на разсужденіе безпристрастнаго читателя. Да и посмѣлъ ли бы онъ сіе предлагать такому государю, который къ сей части набожности, отъ младенчества, чрезъ всю жизнь, до самой смерти, при которой и постригся, весьма былъ приверженъ? 6) Еще къ той же исторіи пишется, что нѣкоторый епископъ, а какъ его имя и какой былъ епархіи, не означено: а епископъ былъ сей Вассіанъ изъ дворянъ, епископъ Коломенскій, прозваніемъ Топорковъ, жилъ на обѣщаніи въ Пѣсношскомъ монастырѣ, гдѣ бывъ государь совѣтовался съ нимъ старцемъ, какъ править государствомъ: и онъ якобы совѣтовалъ

государю совѣты другихъ не принимать, а держаться единственно своего разсудка, почитая себя умнѣе всѣхъ. Сію повѣсть можно бы ясно опровергнуть, но довольно того сказать, что князь Щербатовъ въ томъ ссылается на какое-то повѣствованіе князя Курбскаго. Но какъ извѣстно, что князь Курбскій былъ бѣглецъ въ Литву, и противу государя писалъ многія поносныя и ругательныя письма и повѣсти: то заслуживаетъ ли таковой, чтобъ ему во всемъ безъ изслѣдованія повѣрить? А болѣе вѣроятно, что князь Курбскій, изливая свою ненависть противу государя и по той злобѣ стремясь доказать, что царь былъ якобы незаконный сынъ, вложилъ ложно въ уста Максима и епископа Топоркова то, что самъ въ себѣ чувствовалъ, дабы чрезъ то своему повѣствованію болѣе вѣроятности придать.

Въ 1557 году государь царь, въ изъявленіе своей благодарности предъ Богомъ и въ прославленіе покоренія Казанскаго царства, повелѣлъ соорудить славный памятникъ, огромную и отличную церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что нынѣ Покровскій соборъ, или Василія Блаженнаго въ Москвѣ, близъ Флоровскихъ, а нынѣ Спасскихъ воротъ, надъ рвомъ, о девяти верхахъ, или, по нынѣшнему, куполахъ; а прежде тутъ церкви были же. И сія церковь и до нынѣ стоитъ, и своею отличною и искусною архитектурою продолжаетъ славу и завоеванія царства Каканскаго, и государево благочестіе и имя. Оная церковь освящена Макаріемъ митрополитомъ, при собраніи всего духовнаго собора, пришедъ къ освященію со кресты, въ присутствіи государя и брата его, и всѣхъ знаменитыхъ.

А въ томъ же мѣсяцѣ освящена церковь Николая Голстунскаго, по возобновленіи и украшеніи ея, тѣмъ же митрополитомъ и въ присутствіи государевомъ.

Въ томъ же году крещена царица Астраханская Ельякши, и съ новорожденнымъ сыномъ Яраштою, и наименованъ сынъ Петромъ, а царица Іуліаною, которая и выдана замужъ за Захарья Ивановича Плещеева.

Были у государя царя старцы Аѳонской горы, Хилиндарскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ и съ нимъ четверо, и просили царя, чтобъ онъ ихъ монастырь взялъ въ свое покровительство и защищалъ отъ насилія Турецкаго; и государь тотъ монастырь взялъ подъ свое вѣдомство, и много ихъ снабдилъ милостынею, и на устроеніе монастыря.

Въ томъ же году Гурій, епископъ Смоленскій, по болѣзни оставилъ епархію и пойде въ монастырь; а на его мѣсто поставленъ Макаріемъ митрополитомъ, во епископа въ Смоленскъ, Кирилловскій игуменъ Симеонъ.

Въ томъ же году просили Вятчане государя, чтобъ повелѣлъ возобновить образъ Николая Чудотворца Великорѣцкаго; и государь соизволилъ. И тотъ образъ привезенъ водою, рѣками: Вяткою, Камою, Волгою, Окою и рѣкою Москвою; и встрѣченъ оный образъ братомъ царевымъ княземъ Юрьемъ на Угрѣшѣ, а самимъ государемъ—у Симонова монастыря, а Владыки—у Яузскаго моста, а митрополитъ—противу всѣхъ святыхъ на Кулишкѣ; и съ крестнымъ ходомъ поставленъ въ Успенскомъ соборѣ, противу митрополича мѣста. Возобновлялъ же тотъ образъ самъ митрополитъ Макарій, бѣ бо искусенъ въ иконномъ писаніи, съ Благовѣщенскимъ протопопомъ Андреемъ. И государь, по своей особой набожности, повелѣлъ особую церковь устроить, съ придѣломъ, къ новой къ большой Покровской церкви, гдѣ и списокъ съ того образа Николая Чудотворца поставленъ; и по обновленіи отпущенъ образъ на Вятку, съ великимъ препровожденіемъ, отъ самого царя и митрополита.

Въ семъ же году отпустилъ царь государь архіепископа Гурія въ Казань, и съ нимъ архимандриты и игумены, и проводилъ ихъ царь и митрополитъ со кресты до Спасскихъ воротъ, а до судовъ—Владыка Крутицкій; а до Симонова—архимандриты и игумены и протопопы и государевы бояре.

Тогда же поддались государю царю Черкасскіе князи и владѣльцы; и изъ нихъ же крестилися произвольно князь Кудидскъ и князь Туралыкъ: первый нареченъ княземъ Александромъ, а другой княземъ Иваномъ; и велѣлъ государь имъ жить у себя и учить ихъ граматѣ, вмѣстѣ съ царемъ Казанскимъ Александромъ.

Въ томъ же году родилась государю царю дщерь, царевна Евдокія, отъ царицы Анастасіи, и крещена въ Чудовѣ Благовѣщенскимъ протопопомъ Андреемъ; а воспріемникомъ былъ Макарій митрополитъ.

ГЛАВА LIII.

Въ 1558 году государь царь Иванъ Васильевичъ позлатилъ главу въ монастырѣ Троицы-Сергіевомъ на церкви Святыя Троицы, которое позлащеніе на оной церкви и до нынѣ состоитъ цѣло. И въ томъ же году былъ у Троицы государь, и съ царицею, и съ сыномъ Іоанномъ, и съ братомъ Юріемъ; а оттуда въ Переславлѣ въ Никитскомъ монастырѣ, гдѣ общежитіе уставилъ, и, паки въ лавру возвратясь, праздновалъ память преподобнаго Сергія 25 сентября, съ великимъ благочестіемъ, и, удоволивъ братію раздачею изъ своихъ рукъ, въ Москву 29 дня возвратился.

Тогда же пріѣзжалъ въ Москву отъ Цареградскаго патріарха Діонисія Кизическій митрополитъ Іоасафъ для испрошенія у царя милостыни. И государь царь его принялъ милостиво, и по удовольствованіи отпустилъ, снабдивъ многими дарами, а къ патріарху на сооруженіе ограды патріаршаго монастыря послалъ соболей, по цѣнѣ на двѣ тысячи золотыхъ. Съ нимъ же, митрополитомъ, отпустилъ и Хилиндарскихъ Аѳонскихъ монаховъ, снабдивъ ихъ многою милостынею; да послалъ съ ними въ монастырь „катапетазму“, то есть, завѣсу къ царскимъ дверямъ, шитую въ лицахъ золотомъ и серебромъ, унизанную жемчугомъ и каменьями, яхонтами и лалы. А при отпускѣ ихъ государь отправлялъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ; на молебнѣ, кромѣ митрополита Макарія и русскихъ соборовъ, облачался и Кизическій митрополитъ, и священники греческіе и сербскіе. А по выслушаніи литургіи, государь царь митрополита греческаго и святогорцевъ угостилъ своимъ царскимъ столомъ, и тако отпустилъ; а съ ними съ граматою къ патріарху въ Царьградъ отправилъ Ивашку Волкова, а во святую гору бываго Спасоевѳиміевскаго монастыря архимандрита Ѳеодорита.

Въ томъ же году всѣ Казанскія земли, бывыя за царемъ и князьями Казанскими, раздѣлены: иныя взяты на государя, другія архіепископу Казанскому, и намѣстнику Казанскому, и архимандриту, и дѣтямъ боярскимъ.

Въ томъ же году родился государю царю отъ царицы Анастасіи сынъ Ѳеодоръ, а крестили его въ Чудовѣ монастырѣ; воспріемникомъ же былъ митрополитъ Макарій.

Въ 1559 году Государь воевалъ Лифляндію, съ великою жестокостію, и почти всю ее покорилъ. Древле Лифляндія называлась Чудь; принадлежала къ Новогородской и Псковской области, гдѣ великій князь Ярославъ Владиміровичъ построилъ городъ Юрьевъ Ливонскій, что нынѣ—Дерптъ. Тамъ было православіе и многія церкви, и епископство принадлежащее митрополіи Русской. Но послѣ пришли нѣмцы, крыжаки, орудія папскаго властолюбія, и Лифляндію заняли: епископство упразднили, а свое латинское уставили, церкви и народъ православный насиліемъ къ латинству превратили. Государь, взявъ Юрьевъ и другіе города, въ нихъ устроилъ церкви православныя; но потомъ скоро все то обратилось иначе,—о чемъ желающій да чтетъ гражданскую исторію. И епископство Юрьевское, въ началѣ вѣры христіанской поминаемое, въ семъ ли городѣ Юрьевѣ Ливонскомъ, или въ Юрьевѣ Литовскомъ было,—требуетъ изслѣдованія. А я мню, что—въ Юрьевѣ Литовскомъ.

Во время завоеванія государемъ царемъ Лифлянціи принятъ имъ Голштинскій принцъ Магнусъ, или Арци-Магнусъ братъ Датскаго ко-

роля, коего царь Иванъ Васильевичъ объявилъ королемъ Лифляндскимъ подъ покровительствомъ Россіи и отдалъ за него двоюродную свою племянницу, княжну Марѳу Владиміровну, дочь двоюроднаго своего брата, князя Владиміра Андреевича, отъ котораго брака родилась дочь, Евдокія Магнусовна. Они по смерти принца жили въ Курляндіи, въ Пильтенѣ, оттуда вызвалъ ихъ Годуновъ въ Россію и, хотя все сродство царское истребить, ее постригъ съ наименованіемъ Марѳою, а дочь была отравлена; оная Марѳа скончалась въ 1597 году. О семъ здѣсь поминается для того, что оная Марія, или Марѳа Владиміровна, и съ своею дочерью, погребены въ Троицкой лаврѣ въ Успенскомъ соборѣ; и на ихъ надгробныхъ камняхъ названы онѣ—первая Марія Владиміровна королевою, а дочь ея королевною. А надписи суть слѣдующія,—съ лѣвой стороны отъ стѣны:

На 1-й, лѣта 7097 марта въ 17 день преставися благовѣрная Королевна Евдокія.

На 2-й, лѣта 7 іюля въ день преставися благовѣрная Королева Марѳа Владиміровна.

Въ 1561 году въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ учреждена, вмѣсто игуменства, архимандрія. И первый Архимандритъ былъ изъ игуменовъ того монастыря Елеѳерій, который въ тотъ степень, по просьбѣ братіи и по изволенію государя, произведенъ преосвященнымъ митрополитомъ всея Россіи Макаріемъ; и отъ него дана грамата архимандриту съ особыми, противъ другихъ монастырей преимуществами,—которая грамата доселѣ въ Троицкой лаврѣ хранится за печатію царскою и митрополичьею, и за своеручнымъ подписаніемъ митрополита Макарія. А преимущества, кромѣ общихъ, яко-то шапки и палицы, и особаго служенія, даны архимандриту: 1) Что ему облачаться и разоблачаться среди церкви на коврѣ. 2) Что онъ учиненъ первымъ архимандритомъ всея Русскія митрополіи, и честію и сѣданіемъ подъ владыками. 3) Что ему подчинено девять монастырей мужескихъ и два женскихъ, и въ нихъ ему, архимандриту, ставить игуменовъ и игуменей.

ГЛАВА LIV.

Въ 1565 году, а по инымъ въ 1564 году, скончался митрополитъ всея Россіи Макарій; и кончина его оплакиваема была царемъ и всѣмъ народомъ: мужъ, по всему видимо, былъ благоразумный и добродѣтельный. Ибо, болѣе двадцати лѣтъ бывъ при государѣ столь строгомъ, удержалъ до конца всю государеву къ себѣ довѣренность, и много содѣйствовалъ къ укрощенію крутаго государева нрава такъ, какъ и

супруга царева благочестивая и добродѣтельная царица Анастасія Романовна, которая скончалась въ 1561 году; и она, при жизни своей, своимъ благоразуміемъ и благонравіемъ много послужила, удерживая супруга своего запальчивость, ко благу государства. А въ 1565 году скончался и родный братъ царевъ, князь Юрій Васильевичъ. И царь, для поминанія ихъ, послалъ въ Царьградъ къ патріарху Митрофану, и во Святую гору, и въ иные монастыри съ милостынею—купца Аѳанасья Глядова.

По кончинѣ сихъ великихъ и благонравныхъ особъ, государь царь, имѣя почти всѣхъ въ подозрѣніи и въ недовѣренности своей къ нимъ, перемѣнился нравомъ и сталъ жестокъ и лютъ, и въ семъ расположеніи неслыханныхъ множество оказалъ жестокостей. Особливо онъ былъ возмущенъ и разстроенъ тѣмъ, что почти всю Лифляндію, да и многіе Россіи принадлежащіе города, у него завоевалъ Польскій король Стефанъ Баторій; а прежде сего Крымскій царь, пришедъ подъ Москву, выжегъ почти весь городъ и множество людей погубилъ.

Митрополитъ Макарій, кромѣ искусства въ иконописствѣ, былъ и въ учености не незнающъ: ибо ему приписывается продолженіе Степенныхъ книгъ, которыя начаты митрополитомъ Кипріаномъ,—и описаніе житія святыхъ, особливо Россійскихъ. Да сей же митрополитъ Макарій первый завелъ типографію, какъ князь Щербатовъ пишетъ; и была напечатана первая книга Апостолъ, чѣмъ однимъ онъ заслужилъ себѣ вѣчную память.

О Степенныхъ книгахъ я сужу, что онѣ много содѣйствуютъ къ исторіи Россійской, хотя долженъ признаться, что не мало въ нихъ внесено о разныхъ чудотвореніяхъ, или точно не утвержденныхъ, или къ исторіи прямо не принадлежащихъ.

Вездѣ въ нихъ виденъ духъ благочестивый, но по нынѣшнему времени требующій большаго разсмотрѣнія и просвѣщенія: не какое-либо пристрастіе, или суевѣріе перомъ ихъ водило, но единственно набожность, духовному мужу не предосудительная.

Отселѣ принуждаюсь я о духовномъ священноначальствѣ и о церковныхъ дѣлахъ писать, собирая изъ разныхъ, кой-гдѣ разбросанныхъ, повѣствованій. Ибо доселѣ, начиная отъ самаго Нестора, всѣ дѣла не только гражданскія, но и церковныя описаны по теченію годовъ, весьма обстоятельно. Не только объяснено по годамъ, когда всероссійскіе митрополиты были и гдѣ скончались, и кто на ихъ мѣста, какъ, и кѣмъ, и изъ какихъ произведены, но и о другихъ епископахъ всероссійской Имперіи, когда, и изъ какихъ, и кѣмъ посвящены, и когда умерли, или на обѣщаніе сошли; даже и о монастыряхъ, когда, гдѣ устроены, и кѣмъ, и какія знаменитыя церкви въ Россіи созиждены,

или по ветхости, или по сгорѣніи возобновлены и освящены, и кѣмъ; также и какіе были дѣла церковныя, по отношенію къ гражданскимъ, или гражданскія къ церковнымъ. Все сіе продолжалось до 1560 года. Но отселѣ къ великому сожалѣнію все то умолкло: ибо хотя о церковныхъ дѣлахъ индѣ и поминается, но случайно и мимоходомъ, и то необстоятельно и не по теченію годовъ. Новѣйшіе же историки отъ сего времени, а особливо осмнадцатаго вѣка, хотя и продолжали до насъ свои повѣсти, но единственно о дѣлахъ гражданскихъ, а о церковныхъ или ничего, или весьма мало,—и то случайно, а не по порядку теченія времени и дѣлъ. Хотя же они и прописывали, что предпріяли описывать одни дѣла гражданскія, а церковныя описывать не почитали для себя принадлежащимъ; но довольно примѣтно, что сія матерія по новому обращенію вещей была имъ не пріятна, и со вкусомъ новаго мудрованія мысли ихъ и сердца несходственна.

По кончинѣ митрополита Макарія, въ томъ же году на мѣсто его избранъ и посвященъ въ митрополита всероссійскаго Аѳанасій, архимандритъ Новоспасскій, какъ явствуетъ въ каталогѣ, у меня имѣющемся; и на митрополіи пребылъ не болѣе года, какъ пишется въ житіи св. Филиппа митрополита, и паки сошелъ на обѣщаніе въ тотъ же монастырь. А по какой причинѣ оставилъ онъ правленіе, не видно; но примѣчательно, что учинилъ-то по смутнымъ обстоятельствамъ поведенія государева, какъ скоро увидимъ то на преемникѣ его. И князь Щербатовъ пишетъ, что онъ нѣсколько по неволѣ престолъ свой оставилъ; а посему, какія были дѣла его правленія, обрѣсти не могъ.

Около 1567 года, на мѣсто Аѳанасія, избранъ въ митрополита всероссійскаго Филиппъ, игуменъ Соловецкаго монастыря.

При его избраніи примѣчательно: 1) что онъ былъ изъ рода дворянскаго Колычевыхъ, и въ младолѣтствѣ жилъ при дворѣ царя, а потому ему довольно знаемъ былъ; 2) Филиппъ не соглашался принять митрополію, ежели государь не отставитъ „опритчину“ или „опричню“; а ежели и поставятъ въ митрополиты, онъ отъ митрополитства откажется, ежели государь опритчины и таковаго между своими подданными раздѣла не отмѣнитъ; 3) государь, хотя тѣмъ былъ не доволенъ, однако, архіереевъ склонялъ, чтобы они уговорили Филиппа не отказываться отъ митрополіи; но только съ тѣмъ, чтобы онъ въ опричну и въ царскій домовой обиходъ не вступался и, ставъ митрополитомъ, по сей причинѣ отъ митрополитства не отказывался бы; 4) Филиппъ, по сему и по склоненію архіереевъ и бояръ—стать митрополитомъ, предалъ себя въ ихъ волю и обѣщался въ „опричню“ и въ царскій домовый обиходъ не вступаться, и по сей причинѣ отъ митрополіи не отказываться; 5) на семъ основаніи учиненъ письменный приговоръ, къ коему

подписался избранный на митрополію игуменъ Филиппъ, Новгородскій архіепископъ Пименъ, Ростовскій архіепископъ Никандръ, епископы: Симеонъ, Филоѳей, Іосифъ, Галактіонъ, а какихъ епархій, не означено; Іоасафъ Пермскій и Вологодскій: сіе видно изъ граматы, найденной въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ коллегіи и напечатанной при исторіи князя Щербатова.

По таковомъ соглашеніи, коимъ духовный чинъ и бояре, бывъ убѣждены о добродѣтели и свойствѣ духа, склонили Филиппа принять святительство, уповая, что онъ удержитъ горячесть и суровый нравъ государевъ,— Филиппъ посвященъ былъ въ митрополита всея Россіи съ явнымъ его прискорбіемъ.

Но царь о его поставленіи былъ радостенъ, и принималъ митрополита благосклонно и ласково.

Между тѣмъ государь былъ раздраженъ междоусобными бояръ ненавистями и раздорами, и, побуждаемый совѣтами злыхъ ласкателей, сродниковъ своихъ и пріятелей началъ опасаться, а на бояръ своихъ неукротимо гнѣваться. Лишась же притомъ супруги и брата, и имѣя всѣхъ въ подозрѣніи, яко бы всѣ на его жизнь покушаются (что было дѣйствіемъ угрызаемой совѣсти), онъ предпріялъ собрать духовный соборъ въ Москву: Новгородскаго архіепископа Пимена, Казанскаго Германа, Ростовскаго Корнилія, Крутицкаго Германа, Суздальскаго Пафнутія, Рязанскаго Филоѳея, Смоленскаго Ѳеофила, Тверскаго Варсонофія, Вологодскаго Макарія, и прочихъ епископовъ, и архимандритовъ и игуменовъ, и всѣхъ бояръ своихъ; и объявлялъ имъ свою царскую мысль, чтобы ему свое царство раздѣлить, и свой особый царскій дворъ устроить, и на сіе бы его благословили. „Раздѣленіемъ“ симъ почтено, что государь вздумалъ себя окружить особыми людьми, коихъ почиталъ онъ себѣ приверженными, и ихъ однихъ употреблять для истребленія подозрительныхъ себѣ людей, и сихъ, по большой части изъ низкаго состоянія, по своему вкусу, набранныхъ людей, называлъ „опричниками“, и ихъ сонмище„—опричнею“; а лучшихъ бояръ и всѣхъ знаменитыхъ мужей отъ себя удалилъ, да еще чрезъ оныхъ подлыхъ опрочниковъ, по ихъ клеветамъ и доносамъ, жестоко мучилъ и умерщвлялъ. А сіе причиняло, какъ бы раздѣленіе государства, поелику подданные одного государства чрезъ то другъ противъ друга возставали ненавистію и гоненіемъ,—и дѣлало въ государствѣ нѣкоторый родъ раздѣла и междоусобія.

Митрополитъ Филиппъ согласился въ епископы, чтобы всемѣрно государя отъ таковаго опаснаго предпріятія отвести, яко имѣетъ оно возбудить подданныхъ къ ненависти и гоненію однихъ противу другихъ и къ междоусобію. Но сіе ихъ согласіе перенесъ царю Пименъ Нов-

городскій. Представъ предъ царя, епископы отъ страха иные молчали, иные приговаривали; но митрополитъ Филиппъ твердо государю представлялъ, чтобы онъ отъ сего начинанія престалъ и послѣдовалъ бы доброму и мудрому правленію предковъ своихъ. Потомъ, обратившись и къ епископамъ, увѣщевалъ ихъ, чтобы они ни молчали, а по истинѣ поборали бы. Но на сіе одни молчали, бояся; а Пименъ Новгородскій, Пафнутій Суздальскій, и Филоѳей Рязанскій, и ключарь Благовѣщенскій, и духовникъ государевъ Евстаѳій, бывый тогда подъ запрещеніемъ по правиламъ отъ митрополита, къ государеву изволенію приставали и на его митрополита разными клеветы на гнѣвъ побуждали; только способствовалъ Филиппу Германъ, архіепископъ Казанскій. Царь, видя, что всѣ на его изволеніе пристаютъ, началъ по своей волѣ и по совѣту другихъ дѣло свое совершать. И которые князи и боляре и прочіе вельможи ему были угодны, тѣхъ называлъ „опричниками“, сирѣчь дворовыми, или отдѣльными отъ другихъ; иныхъ же князей и боляръ и прочихъ вельможъ нарицалъ „земскими“. Итакъ, изъ сего выходило раздѣленіе, и одни другихъ ненавидѣли и убѣгали. А опричники, почитаемые ему вѣрными и присвоенными, были охотными орудіями всѣхъ государскихъ жестокостей, и притомъ оклеветывали другихъ всѣми мѣрами, дабы, всѣхъ истребивъ, себя однихъ сохранить и возвысить; а потому обще отъ всѣхъ были ненавидимы.

По таковомъ совѣтѣ и учрежденіи, царь, убѣгая Москвы, пребывалъ въ любимомъ своемъ мѣстѣ, въ Александровой свободѣ, гдѣ чрезъ оныхъ опричниковъ многоразличныя мученія и казни неповиннымъ производили, изъ коихъ многіе прибѣгали къ митрополиту Филиппу и съ рыданіемъ просили, чтобы онъ потщился утолить гнѣвъ царевъ. Потомъ царь прибылъ въ Москву, нося въ рукѣ обнаженный мечъ, въ черномъ одѣяніи, и все воинство опричниковъ въ таковомъ же одѣяніи черномъ. Входитъ же въ соборную церковь, гдѣ, срѣтивъ царя, митрополитъ Филиппъ дерзаетъ его увѣщевать, дабы онъ подданныхъ своихъ управлялъ милостиво и кротко, и таковымъ раздѣломъ однихъ отъ другихъ не творилъ бы между ними взаимной ненависти и междоусобія. Услышавъ сіе, царь митрополиту глаголетъ съ яростію: „что тебѣ, чернецу, до нашихъ царскихъ совѣтовъ дѣло? того ли не вѣси, яко мене мои же хотятъ поглотити“? На сіе Святитель: „якоже ты, царь, вопервыхъ, и азъ, яко пастырь Христовы Церкве, одолжены попеченіе имѣть о благочестіи и о спокойствіи всего православнаго христіанства“. На то царь: „едино, отче святый, глаголю ти, молчи; а насъ сіе благослови по нашему изволенію“. Святитель же: „наше молчаніе грѣхъ душѣ твоей налагаетъ, и всенародную наноситъ смерть“, и прочее подобное. Царь же на сіе: „Владыко святый! восташа на мя, якоже и Давидъ

скорбящи глаголаше, други мои и искренніи мои прямо мнѣ приближившася и сташа, и ближніи отдалече мене сташа и нуждахуся, ищущіи душу мою, и ищущія злая мнѣ". На то Филиппъ: „сіе внушаютъ тебѣ, государь царь, лукавые люди и льстители. Пріемли благіе отъ благихъ совѣты, а не отъ ласкателей, ищущихъ своея пользы, а не твоея. Почто, единыхъ избравъ, ихъ единыхъ слушати, а другихъ всѣхъ, якобы враждебныхъ, до себе не допускати? Сіе есть вина раздѣленія, а не соединенія"; и прочее таковое. Царь на то: „Филиппе! не преколови державѣ нашей, да не постигнетъ гнѣвъ мой на тя, или санъ сей остави". На сіе Святитель: „благочестивый царю! азъ сего сана не искахъ, но еще и умоляхъ тебе, да онаго избавиши. Почто мя лишилъ еси пустыни и отецъ? аще же предпріемлеши поступити противу каноновъ Церкви, твори, еже хощеши". Послѣ сего царь отшелъ въ палаты свои въ великомъ размышленіи. Сей случай уловили ласкатели, а особливо Малюта Скуратовъ, начальникъ опричниковъ, и другіе, и не преставали великими клеветами возжигать государя противъ Филиппа; а между тѣмъ чрезъ опричниковъ происходили великія возмущенія и насилія.

Времени же нѣкоему минувшу, служилъ митрополитъ Филиппъ въ соборѣ въ день недѣльный; пришелъ и государь въ церковь, и всѣ прочіе за нимъ, въ черномъ одѣяніи, имѣя на главахъ высокіе шлыки, якоже халдеи, т. е., колпаки высокіе остроконечные. Сему прибытію обрадовался Филиппъ, укрѣпивъ себя надеждою на Бога. Царь, пришедъ къ нему къ мѣсту, трижды благословенія просилъ; но Филиппъ молчалъ. Потомъ, когда приближенные рекли: „Владыко святый! благочестивый государь царь пріиде ко твоей святыни, требуетъ благословенъ быти отъ тебе",—тогда Святитель возглаголалъ: „Царю благій! кому поревновавъ, измѣнилъ ты образъ царскаго своего благолѣпія, и въ такое неподоболѣпное облекся сіи одѣяніе? Никогда въ Россіи сего не видано, чтобъ цари между своими подданными таковое творили раздѣленіе. Убойся, о царю, Божія суда! Колико страждутъ православные христіане! Мы, о царю, мы здѣсь во храмѣ приносимъ Богу жертву безкровную, а за алтаремъ неповинно кровь льется христіанская! Аще бо и образомъ Божіимъ почтенъ ты, но персти земной, яко человѣкъ, участенъ". Царь же, возгорѣвся яростію, глаголетъ: „о, Филиппе, наше ли изволеніе преложити хочеши? Лучше было тебѣ съ нами единомысленну быти". Святый же: „тщетна убо будетъ вѣра наша, тщетно и проповѣданіе, аще на сіе соглашусь. Не буди намъ то, дабы молчати въ неповинномъ многихъ крови проліяніи. Взыщетъ сего Господь отъ руки твоея". Царь сего не слушалъ, а только руками грозилъ, изгнаніемъ и муками, и напослѣдокъ сказалъ: „о Филиппе! нашей ли державѣ противишися?

Посмотримъ, какова крѣпость твоя". На то Пастырь: „я не боюсь прещенія, ни мукъ предложенія: азъ пришлецъ есмь на земли и пресельникъ, якоже вси отцы мои; готовъ за истину и благочестіе пострадати". Царь послѣ сего вышелъ изъ церкви въ великомъ гнѣвѣ и ярости, а клеветники и ласкатели и паче то возжигали. Однако, и доселѣ царь еще противу Филиппа ничего не предпріялъ, а только въ случайномъ свиданіи ничего любовнаго съ нимъ не говорилъ. Потомъ святый Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда прибылъ и государь царь со всѣми боярами. Филиппъ, увидя, что многіе изъ бояръ на головѣ имѣли тафіи, или, яко скуфьи, по обычаю татарскому, глаголетъ царю: „по Евангельскому слову, на молитвѣ должно быть съ непокрытою главою; почто же сіи, будучи единовѣрные, стоятъ съ покрытою главою, по татарскому обычаю"? Царь на сіе: „кто они—таковые?" А они, между тѣмъ, услыша то, тафіи съ себя сняли и скрыли; и на вопросъ царевъ отвѣчали, что „нѣтъ никого"—и никто не смѣлъ объявить, ибо тѣ въ тафіяхъ были любимые царемъ. „Митрополитъ не истину глаголетъ, наругаяся державѣ твоей царствѣй". Царь отъ сего и болѣе воспалился, и, не хотя его просто изгнать, да не будетъ смущенія въ народѣ, по совѣту злыхъ, посылаетъ въ Соловецкій монастырь Епископа Суздальскаго Пафнутія и Архимандрита Ѳеодосія, и князя Василія Темника, и многихъ отъ воинскаго чина. Туда прибывъ, сіи хотя не всѣхъ, но многихъ изъ монаховъ, и игумена Паисія то угрозами, то обѣщаніями склонили—на Филиппа нѣкоторыя клеветы представить; къ тому побуждалъ Суздальскій епископъ. Однако, многіе въ истинѣ стали и ничего порочнаго противу святаго произнести не могли. Съ таковыми клеветными доносами и съ игуменомъ Паисіемъ посланные предстали предъ царя; и онъ повелѣлъ тѣ доносы предъ всѣми читать, не вопросивъ противу того Филиппа и не учинивъ надъ нимъ слѣдствія и суда духовнымъ соборомъ,—приказалъ боярину Алексѣю Басманову со многими воины идти въ соборную церковь, куда призвалъ онъ митрополита, и въ слухъ всѣхъ заставилъ читать лжесоставные на него доносы. А по прочтеніи, напали на святаго посланные и, сорвавъ съ него святительскій санъ, облекли его въ изорванныя чернеческія ризы, изгнавъ изъ церкви и посадивъ его на телѣгу, ругали и били метлами, и тако отвезли въ Богоявленскій монастырь, что въ Москвѣ, за ветошнымъ рядомъ. Подвижникъ, выходя изъ соборной церкви, изрекъ: „радуюся, яко Церкве ради сія вся пріобрѣтохъ. Настоитъ бо время, яко вдовство пріиметъ Церковь; и пастыріе, яко наемницы, презираемы будутъ". А народъ съ плачемъ его провождалъ. Потомъ царь потребовалъ Филиппа къ себѣ и доносителей ему представлялъ, а паче игумена Соловецкаго Паисія. Святый стоялъ противу волковъ, яко ягня, именемъ Господнимъ про-

тивлялсь имъ; а царя не преставалъ увѣщевать, дабы отъ таковаго начинанія престалъ, помнилъ бы смерть, яко добрые владѣтели и по смерти блажимы суть, а злые съ клятвами воспоминаются. Царь же, ничего не отвѣчая, повелѣлъ посадить его въ смрадную клевину, заковавъ, и морить голодомъ; и пребылъ Филиппъ безъ пищи седьмицу, а изъ темницы переведенъ былъ въ монастырь къ Николѣ старому, или на Перерву. Потомъ царь повелѣлъ казнить родного брата митрополита, Михаила Ивановича Колычева, и отрубленную его голову послалъ къ Филиппу въ монастырь, а Филиппъ поклонился ей до земли, благословилъ ее и поцѣловалъ. Наконецъ, сосланъ былъ подвижникъ въ изгнаніе въ Тверь, въ Отрочъ монастырь; по прошествіи же яко года въ Отрочѣ монастырѣ, царь шествовалъ въ Новгородъ и, не достигши еще Твери, послалъ напередъ къ митрополиту въ Отрочъ монастырь начальника опричниковъ, Малюту Скуратова. Онъ, пришедъ въ келью, сказалъ: „подаждь, Владыко святый, благословеніе царю идти въ великій Новгородъ“! Святый отвѣчалъ: „твори, о любимиче, на неже пришелъ еси. Вскую мя искушаеши и даръ Божій лестію восхитити хочеши?“ Потомъ, возставъ на молитву, вручалъ духъ свой Богу; а между тѣмъ, злое орудіе, Скуратовъ задушилъ святаго подушками. Однако, злодѣй укорялъ настоятеля и наставниковъ, что, по ихъ нерадѣнію, онъ умеръ отъ угара; и при себѣ велѣлъ его погребсти. И тако скончалъ подвигъ свой Евангельскій исповѣдникъ и мужественный Христовъ мученикъ, святый Филиппъ, въ 7078 году, а отъ Рождества Христова 1572 г., а по инымъ 1570 года. Явился подобенъ оному, великому во святителяхъ, Амвросію Медіоланскому, обличившему императора Ѳеодосія и до церкви не допустившему, и также за неповинное пролитіе крови. Но великій Ѳеодосій возвеличилъ себя смиреніемъ и покаяніемъ, а царь Іоаннъ помрачилъ имя свое таковымъ поступкомъ. И хотя послѣ царь пришелъ въ нѣкоторое раскаяніе, и наказалъ клеветниковъ св. Филиппа, яко игумена Соловецкаго Паисія сослалъ на островъ Валаамъ, а Филоѳея Рязанскаго лишилъ чина; но главнаго убійцу св. Филиппа, мучителя Малюту Скуратова, и другихъ пощадилъ.

По кончинѣ св. Филиппа, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, по просьбѣ Соловецкой братіи, изъ Отроча перенесено тѣло его въ Соловецкій монастырь, а при государѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ, по совѣту митрополита Новгородскаго Никона, перенесены его мощи тѣмъ же самымъ митрополитомъ изъ Соловковъ въ Москву и поставлены въ соборной Успенской церкви, для прославленія святыхъ подвиговъ Филиппа и къ подражанію оныхъ.

Пришедъ же въ Новгородъ, въ ужасной ярости, какія въ немъ неслыханныя лютости и мучительства производилъ царь,—сего описы-

вать страшуся, ибо и въ Лѣтописцахъ нашихъ довольно описано. А кратко, по памѣренію моему, скажу, что тамъ претерпѣли духовнаго чина люди. Царь возымѣлъ подозрѣніе, или увѣреніе по доносу одного, который доносъ всѣ писатели почитаютъ ложнымъ и злодѣйскимъ, что аки бы архіепископъ Новгородскій Пименъ и другіе знаменитые Новгородцы согласились и учинили приговоръ—сдаться Польскому королю. Прежде пріѣзда государева въ городъ, посланы многіе бояре и дѣти боярскія съ воинствомъ, которые со всѣхъ монастырей собрали въ городъ монаховъ болѣе пятисотъ человѣкъ, также всѣхъ поповъ и діаконовъ, и, оковавъ ихъ, били отъ утра до вечера на правежѣ, взыскивая по двадцати рублей Новгородскихъ съ каждаго. А предъ самымъ пріѣздомъ повелѣлъ царь всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ старцевъ избивать палками до смерти; также и священники и діаконы разнымъ образомъ мучены и умерщвлены, иные въ Новгородѣ, а иные въ Александровой слободѣ. Послѣ сего царь въѣхалъ въ городъ; и его по обычаю, со всѣмъ духовнымъ соборомъ въ священномъ облаченіи на Волховскомъ мосту встрѣтилъ архіепископъ Новгородскій Пименъ. И когда хотѣлъ архіерей благословить царя и сына его крестомъ, ни царь ко кресту не пошелъ, ни царевичъ. А яростно царь возгремѣлъ къ архіепископу: „ты убо, злочестиве, держиши не крестъ животворящій, но вмѣсто креста нѣкое оружіе, имъ хочеши уязвити наше царское сердце, своимъ зломысліемъ, съ единомысленниками града сего жители; хочеши нашея державы отчину, великій Новгородъ, предати иноплеменникамъ, королю Польскому Жигомонту. Отселѣ убо не наречешися пастырь и учитель и настоятель великія церкви святыя Софіи, но волкъ и хищникъ и губитель; наречишися измѣнникъ, и нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель“. Выговоривъ сіи яростныя слова на мосту, велѣлъ идти со кресты въ церковь Софійскую и литургію служити, со всѣмъ соборомъ. И царь и царевичъ и всѣ пошли, и слушали обѣдню. Потомъ пошелъ и самъ и со всѣми бояры въ столовую къ архіепископу на обѣдъ. Въ самое же время обѣда, воскричалъ царь великимъ гласомъ, что было „ясакомъ“ или „знакомъ“. И въ тотъ же часъ начали расхищать архіепископову казну и весь его домъ; а бояръ и слугъ владычныхъ всѣхъ велѣлъ взять за приставы. Самого же архіепископа Пимена велѣлъ крѣпко стрещи, выдавая ему по двѣ деньги на день.

Потомъ велѣлъ его со священниками и съ діаконами повести въ Александрову слободу. А пріѣхавъ въ Москву и въ слободу, повелѣлъ снять съ архіепископа святительскій санъ, и сослалъ въ заточеніе въ Веневъ монастырь на Тулу, а прочихъ—иныхъ казнилъ, иныхъ по мученіямъ разослалъ въ ссылки. Сію страшную трагедію желающій читать безъ содроганія, можетъ то видѣть въ Лѣтописцахъ нашихъ,

ГЛАВА LV.

Въ семъ 1572 году, а по инымъ въ 1570, произведенъ на мѣсто блаженнаго Филиппа во всероссійскаго митрополита Кириллъ, изъ игуменовъ Московскаго Новинскаго монастыря. Ибо въ слѣдующемъ 1573 году, а по инымъ въ 1571 г., Крымскій царь Девлетъ Гирей, на Вознесеньевъ день, нашелъ на Москву и посады зажегъ, отъ чего вся Москва погорѣла, и людей отъ того сгорѣло и подохло и потонло, столь великое множество, что Москва рѣка мертвыхъ не пронесла; и приставлены особые люди, которые бы мертвыхъ внизъ по рѣкѣ пропускали, а хоронить ихъ некому было. Въ то время митрополитъ Кириллъ со священнымъ соборомъ просидѣли въ соборной Успенской церкви.

Въ 1575 году или въ 1577, послѣ толикаго въ Новгородѣ кровопролитія, послѣ таковаго всей Москвы разоренія, и когда Польскій король, кромѣ Лифляндіи, отбиралъ многіе и Россійскіе города, и приближался къ Москвѣ, царь помышлялъ о новомъ своемъ, на четвертой женѣ, бракѣ. И для того собралъ соборъ епископовъ Россійскихъ и другихъ духовныхъ; но митрополита на то время не было, чтобъ ему разрѣшили четвертый бракъ, т. е., простить и благословить: ибо онъ уже въ четвертый бракъ самъ собою вступилъ. Въ чемъ состояло сіе царево предложеніе, и каково послѣдовало на то духовныхъ опредѣленіе,—прилагается при семъ точный тому списокъ: Въ лѣто 7080-е апрѣля въ 29 день, благочестивый государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи прислалъ по своихъ богомольцевъ, и велѣлъ имъ быти у себе, архіепископамъ и епископамъ, архимандритамъ и игуменамъ и всему священному собору на свой царскій духовный совѣтъ, и имъ соборнѣ извѣщаяся, прощенія просилъ и билъ челомъ, и молилъ о прощеніи, разрѣшеніи и облегченіи четвертаго брака и сочетанія. Понеже дерзнулъ онъ къ четвертому браку пріобщитися вины ради сицевыя, что прежде сего царь и великій князь женился первымъ бракомъ, поялъ дщерь Романа Юрьевича Анастасію, и жилъ съ нею полчетвертанадцата лѣта, и вражьимъ навѣтомъ злыхъ людей, чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію изведоша, отъ нея же осташася два сынове ея, царевичъ Иванъ и царевичъ Ѳеодоръ. Потомъ же царь и великій князь приложилъ совокупитися ко второму браку, и поятъ себѣ изъ Черкасъ Пяти-Горскихъ дѣвицу и крести ю, и нарече во святомъ крещеніи Маріею, и съ тою осмь лѣтъ жилъ, и та также вражьимъ злокозньствомъ отравлена бысть, и на мнозѣ болѣзни многоразличны претерпѣвши ко Господу отъиде. Царь же и великій князь

пожда времени не мало, восхотѣ третьему браку сочетатися, ово ради нужды тѣлесныя, ово же и чадъ своихъ ради, яко совершенна возраста не достигшихъ. И того ради во иночество отъити невозможно, а безъ супружества въ міру жити блазнено; и того ради онъ благословеніе пріемлетъ у Кирилла митрополита. А къ третьему брака совокупленію, испытанію о дѣвицахъ многу бывшу на долзѣ, избра себѣ невѣсту дщерь Василія Сабакина, именемъ Марѳу. Ненавидяй же добра врагъ воздвиже многихъ людей враждовати на царицу Марѳу, еще въ дѣвицахъ сущей ей, и точію имя царское возложено на нее, и тако ей отраву злую учиниша. Благовѣрный же царь и великій князь положи упованіе на щедроты Божіи, либо исцѣлѣетъ, поять за себе дѣвицу Марѳу; и только бысть за нимъ двѣ недѣли, и преставися. Понеже дѣвичество не разрѣшилъ третьяго брака. И царь и великій князь о таковыхъ много оскорбися и хотѣлъ облещися во иночество; но паки, видя христіанство растлѣваемо и погубляемо, также и чада его не у совершенна возраста дошедша, сего ради дерзнулъ и четвертому браку пріобщитися.

И нынѣ молю Святительскій соборъ, и припадая умильно прощенія прося и разрѣшенія, и милися дѣя, болѣзнуя о семъ, дабы прощено было дѣло се, и молитвовано за него: на се подвизаше боголюбивые архіепископы и епископы.

Они же таково царево смиреніе и моленіе видѣша, умилишася, и слезы многи отъ очію испустиша о таковомъ великомъ Божіемъ наказаніи, и о царской великой скорби, на милосердіе приклонишася, и сѣдоша Боголюбивые архіепископы и епископы въ преименитомъ храмѣ соборныя и апостольскія церкви, пречистыя Богородицы честнаго Ея Успенія, и великихъ Чудотворцевъ—Петра, Алексія и Іоны, и избраша отъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ вселенскихъ седми соборовъ о семъ великомъ дѣлѣ. Пишетъ о семъ правило, еще въ Неокесаріи третіе о впадающихъ въ большія женитвы: многоженца убо и троеженца и четвероженца именуетъ правило се: время же запрещенія и покаянія ихъ лежитъ въ четвертомъ и восемьдесятомъ правилѣ великаго Василія. Пять бо лѣтъ повелѣваетъ троеженца отлучити; обаче же не отнюдь отрѣваетъ того отъ церкви, но за два и за три лѣта Божественныхъ писаній послушая. И потомъ даже до исполненія стояти съ вѣрными; благаго же общенія не причащатися, и тако прилежно всѣмъ сердцемъ покаявшагося на общеніе святыни пріяти. Многоженцемъ же, рекше, четвероженцемъ, иже большими паче блудодѣяніи согрѣшаютъ, лѣто едино да плачутся, трижъ лѣта да припадаютъ, и лѣто едино да стоятъ съ вѣрными, и по скончаніи пяти лѣтъ да будутъ пріяты на общеніе. Власть же имать епископъ, якоже правило се глаголетъ, умножити, или

умалити время покаянія, взирая на житіе и на вѣру кающагося. Въ Номоканонѣ постничествѣ пишетъ въ первомъ избраніи: не лѣтомъ бо судится покаяніе, но любовію души, яко же рече божественный Златоустъ; и паки Василій: яко не лѣтомъ судити таковыхъ, но образъ покаянія даемъ, яко власть имать умножити епитимію, или умалити, взирая на раскаяніе и сокрушеніе кающагося. Яко же Ниневитяне не многихъ требоваху дней, и разбойникъ не въ три, но въ единъ часъ единъ глаголъ изрекъ, вшествіе въ рай сотвори. И мы, твои государевы богомольцы: архіепископъ Леонидъ Новогорода и Пскова, архіепископъ Корнилій Ростовскій и Ярославскій, архіепископъ Антоній Полоцкій и Великолуцкій, епископъ Макарій Вологодскій и Великопермскій, епископъ Варлаамъ Суздальскій и Тарускій, епископъ Сильвестръ Смоленскій и Брянскій, епископъ Сергій Рязанскій и Муромскій, епископъ Савва Тверскій и Кашинскій, епископъ Германъ Сарскій и Подонскій, епископъ Давидъ Коломенскій и Каширскій, Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Ѳеодосій, Вассіанъ, архимандритъ Спасскій съ Новаго,—Евѳимій, архимандритъ Чудовскій,—Іовъ, архимандритъ Симоновскій,—Евѳимій, архимандритъ Андроньевскій,—Іона, архимандритъ Лужецкій,—Ѳеодосій, игуменъ Богоявленскій,—Ѳеодоритъ, игуменъ Калязинскій,—Вассіанъ, архимандритъ Солотченскій,—Кипріанъ, игуменъ Пафнутьевскій,—Евѳимій, игуменъ Колоцкій,—Авраамій, архимандритъ Даниловскій,—Тихонъ, игуменъ Угрѣшскій,—и весь священный соборъ, уповая на милость Божію, и человѣколюбнѣ о семъ поболѣзноваша, и благовѣрнаго царя, ради его теплаго и умиленнаго покаянія, во всемъ простиша и разрѣшиша. А покаянія ради и очищенія грѣховъ заповѣдь положиша царю и великому князю въ церковь не входити до Пасхи, а на Пасху царю государю въ церковь войти, и въ томъ его государя духовнику его по нашему благословенію и прощенію разрѣшити, и къ дорѣ ему государю меньшей ити. И Пасху ему, государю, вкушати для свѣтлаго Христова Воскресенія: тотъ ему день данъ на разрѣшеніе. Потомъ лѣто едино быти съ припадающими, и какъ прейдетъ то лѣто, и въ томъ его государя на Пасху духовнику его по нашему благословенію и прощенію разрѣшити, и къ дорѣ ему государю большей и меньшей ити. Потомъ лѣто едино съ вѣрными стояти; и какъ прейдетъ то лѣто, и въ томъ его государя тако же на Пасху духовнику его разрѣшити, и божественныхъ Христовыхъ Таинъ царю государю причаститися. А съ лѣта 7081 благословили есьма и разрѣшили государя царя и великаго князя къ пречистому хлѣбу послѣ стола ходити, и пріимати по Владычнимъ праздникамъ и по Богородичнымъ, когда его, государя, Богъ сподобитъ ко святѣй водѣ и къ Чудотворцовымъ медамъ. Милостыню же о семъ государь царь да творитъ,

елико изволитъ. А человѣколюбія ради архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, и всѣ богомольцы должны за благочестиваго царя государя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи самодержца, и за его благовѣрную царицу и великую княгиню Анну молити Бога и пречистую Богородицу, и великихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія и Іону, и всѣхъ святыхъ о государскомъ здравіи и о многолѣтіи; и о его благовѣрной царицѣ, и о его благородныхъ чадѣхъ, о благородномъ царевичѣ Іоаннѣ и о благородномъ царевичѣ Ѳеодорѣ. А пойдетъ государь, благочестивый царь, противъ своихъ недруговъ невѣрныхъ за святыя Божія церкви и за православную вѣру, и ему государю, сію епитимію разрѣшити. А по правиламъ святыхъ апостоловъ и богоносныхъ святыхъ отецъ, мы, богомольцы, уповаемъ на милость Божію и пречистую Его Матерь, и великихъ Чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, взяли есьмы на себе на три года епитимію, и на весь священный соборъ.

Прочіе же человѣцы отъ мірскихъ царска Синклита и до простыхъ никакоже кто дерзнетъ се сотворити. Аще же кто дерзнетъ четвертому браку, гордостію дмяся, или отъ неразумія, грознымъ клятвамъ преданъ будетъ по священнымъ правиламъ. Даша же сіе писаніе и уставъ за своими руками благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Россіи. Тѣмъ ему исправляти свою безсмертную душу.

О семъ разрѣшеніи можно судить: 1) Что оно страхомъ исторгнуто отъ малодушія. Однако почти при очахъ предстоящей смерти, епископы не мало оказали твердости, что тотъ бракъ, хотя по правиламъ почли незаконнымъ и за то наложили на царя епитимію, и входъ въ церковь ему воспретили; но дабы, или его тѣмъ сильнѣе побудить понести епитимію, или, чтобъ царскій гнѣвъ противъ себя умягчить, дали видъ, что на случай акибы они ту епитимію понести принимаютъ на себя. Ибо оную понести имъ не возможно было, яко не законно; да чрезъ то должны бы они не только не служить, но и въ церковь не входить. 2) Что оно учинено между митрополитствомъ; ибо митрополита не упоминается, а поминается Кириллъ, но яко уже бывшій, а не настоящій, ибо Кириллъ преставился въ 1577 году. 3) Странно, что царь, получивъ прощеніе за вступленіе въ четвертый бракъ, не почелъ за нужное, чтобъ уже на другіе еще браки требовать разрѣшенія, или прощенія: ибо онъ еще женился, всего на седьми женахъ, да еще сватался на осмой, какой-то англичанкѣ, о чемъ смотри въ исторіи князя Щербатова, въ 1780 году.

На мѣсто Кирилла опредѣленъ во всероссійскаго митрополита Антоній. Откуда былъ сей Антоній,—обрѣсти не могъ. А какъ въ приговорѣ

о четвертобрачіи поминается Антоній, архіепископъ Полоцкій и Великолуцкій: то по вѣроятности заключаю, не сей ли Антоній учиненъ митрополитомъ всероссійскимъ; а болѣе то предаю тщательнѣйшему испытанію.

Что при семъ митрополитѣ по духовнымъ дѣламъ происходило, и куда какіе епископы посвящены,—какъ и о прежнихъ послѣ Макарія митрополитахъ, какія ихъ были дѣянія по церковному правленію,—ничего въ Лѣтописцахъ обрѣсти не могъ; а только пишетъ князь Щербатовъ, что при семъ митрополитѣ былъ соборъ, гдѣ предсѣдательствовалъ онъ. И, по требованію царя, положено, чтобъ имѣющіяся при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ вотчины не отнимать и никому ихъ не выкупать; а съ сего года никому вотчинъ въ монастыри не давать, а давать вмѣсто того деньгами; также монастырямъ земель не покупать и закладной не держать; а имѣющіяся нынѣ закладныя взять на государя, и доставшіяся издревле послѣ князей вотчины отдать въ волю государеву, а впредь вотчинъ княжескихъ въ монастыри не брать. Сіе соборное дѣяніе утверждено государевою печатью, а всѣ присутствующіе подписали и печати приложили.

1580 года, или по иныхъ въ 1581 году, скончался великій князь Иванъ Ивановичъ, достохвальный царевичъ, сынъ большой царя Ивана Васильевича, который отъ ярости отца своего, получилъ уязвленіе, а отъ болѣзни смерть. И въ сей, безъ умысла причиненной сыну, смерти царь весьма раскаявался и сокрушался: видно въ описаніи въ Троицкой лаврѣ, что онъ, пришедъ въ соборную Троицы церковь, по утрени, палъ ницъ на полъ церковный, плакалъ и рыдалъ, прося, чтобъ молили Бога о прощеніи сего согрѣшенія его. Да о таковомъ же моленіи послалъ купцовъ своихъ—Трифона Коробейникова и Юрья грека, въ Царьградъ, и въ Антіохію, и въ Александрію, и въ Іерусалимъ, и въ Синайскую гору, и въ прочіе монастыри; а въ Синайскую гору послалъ девять сотъ рублей, чтобъ тамъ устроить храмъ во имя святыя великомученицы Екатерины. А какимъ образомъ отъ него приключилась смерть сыну его,—сего испытай въ исторіи гражданской.

Въ семъ несчастномъ положеніи царь прибѣгъ къ весьма ненадежному средству, зная, что папская власть весьма сильна у европейскихъ государей, а паче въ Польшѣ, разсудилъ просить папу, чтобы онъ своимъ посредствомъ преклонилъ Польскаго короля къ миру. Злохитрый папа симъ восхищенъ былъ отъ радости: ибо думалъ, что, при такомъ затруднительномъ положеніи царя русскаго и по всему своему въ Польшѣ могуществу удобно, можетъ свою мучительную власть и въ Россіи такъ же, какъ во всей Европѣ, утвердить и церковь россійскую своему игу покорить. Для сего выбранъ папою коварнѣйшій езуитъ

Антоній Пассевинъ. Онъ, бывъ прежде у Польскаго короля и положивъ съ нимъ, что ему на-руку было, явился и къ царю Ивану Васильевичу. Царь, понуждаемый обстоятельствами, поручилъ ему всю свою довѣренность въ заключеніи мира, и своимъ посламъ велѣлъ во всемъ къ нему относиться. Какъ же то происходило? Злоковарный езуитъ, давая видъ, что акибы нашу пользу наблюдаетъ, весь преданъ былъ Польской сторонѣ; и заключенъ былъ, наконецъ, миръ, весьма для насъ невыгодный, который непремѣнно былъ бы лучше, ежелибъ сего езуита не было. Когда, при заключеніи мира, царь крайне желалъ, чтобъ онъ признанъ былъ отъ Польскаго короля царемъ, чего король не признавалъ (конечно, по совѣту того езуита), то просилъ царь езуита, чтобы онъ о томъ постарался. Езуитъ безстыдно и безсовѣстно отвѣтствовалъ, что сему никакъ нельзя быть, ибо никто ни императоромъ, ни царемъ быть не можетъ, развѣ кого папа тѣмъ пожалуетъ. Почему и онъ, царь, можетъ того отъ милости и отъ всемогущества папскаго ожидать, если признаетъ власть его, папы, надъ всею Церковію и надъ всею землею, и свою Церковь ему подчинитъ. Царь далекъ былъ отъ того, ибо къ своей вѣрѣ и Церкви зѣло былъ приверженъ. И хотя езуитъ всѣ способы къ тому употреблялъ, даже, царь дозволилъ ему имѣть съ собою открытое при многомъ собраніи о вѣрѣ преніе, и имѣлъ; но, Богу насъ защищающу, ни въ чемъ не преуспѣлъ, и какъ принятъ, такъ и отпущенъ езуитъ, съ честію выше мѣры пославшаго его, не столько по изволенію государеву, сколько по принужденію затруднительныхъ государевыхъ обстоятельствъ. О семъ всемъ имѣется книга на латинскомъ языкѣ самого езуита Пассевина, съ описаніемъ всего того, каковая печатная книга и находится въ библіотекѣ Виѳанской семинаріи. Любопытный можетъ оную прочесть, гдѣ описано нѣсколько езуитомъ Россійское государство въ тогдашнемъ состояніи. Но кто сему езуиту во всемъ повѣрить можетъ? Также не оставилъ езуитъ предложить способы, какими можно папскую вѣру ввести въ Россію. А между прочими надежнѣйшимъ почитаетъ, чтобъ младыхъ людей изъ россіянъ какимъ-нибудь образомъ привлекать въ Литву въ езуитскія школы и, тамъ ихъ обучивъ и напоивъ своимъ духомъ, надежно чрезъ нихъ ученіе папское разсѣвать и укоренять. И сей способъ не употребленъ ли при явленіи въ Польшѣ Гришки Отрепьева, впослѣдствіи увидимъ. Ибо сіе скоро послѣ сего езуита воспослѣдовало; и езуитамъ въ Польшѣ сія выдумка Пассевинова была, конечно, извѣстна, да и самъ онъ, Пассевинъ, еще въ живыхъ былъ; да и жилъ въ самое сіе общей разгромности начало и произведеніе: ибо онъ уже умеръ 1611 года, какъ показываетъ Гофмановъ Лексиконъ, когда уже сія буря вскорѣ послѣ его смерти утихать начала.

Въ 7090 году, а отъ Рождества Христова въ 1582, или 1583 году, родился царю сынъ Димитрій, отъ царицы Маріи Нагія.

Около сихъ же годовъ, а именно въ 1580, или въ 1582 году, митрополитъ Антоній скончался, а на мѣсто его произведенъ въ митрополита всероссійскаго въ томъ же году Діонисій; а изъ какихъ онъ былъ, найти не могъ.

При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, въ 1581 году, заведена вновь типографія въ Москвѣ, преосвященнымъ митрополитомъ всероссійскимъ Макаріемъ. И такъ печатаніемъ книги пришли въ лучшее совершенство; а чрезъ печатаніе умноженіемъ ихъ, особливо въ нынѣшнее время, больше ли пользы или вреда произошло,—рѣшить не безъ трудности.

При семъ же государѣ царства Астраханское и Сибирское присовокуплены къ Россіи; а какимъ образомъ, о семъ читай въ гражданской исторіи.

Въ 1584 году скончался царь Иванъ Васильевичъ, на 54 или 55 году, и при смерти, по желанію его, митрополитомъ Діонисіемъ постриженъ и нареченъ Іоною, и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

Какъ о скончавшемся царѣ судить, сіе уже въ новѣйшихъ свѣтскихъ Лѣтописателяхъ довольно объяснено. Въ разсужденіи его привязанности къ вѣрѣ, подлинно онъ былъ весьма набоженъ, особенно къ монастырямъ усерденъ. Однако, судя по чрезмѣрномъ его гордостномъ мечтаніи о себѣ самомъ и о безчеловѣчныхъ и страшныхъ лютостяхъ, имъ причиненныхъ, кромѣ разныхъ кровопролитныхъ браней, едва ли всѣхъ справедливыхъ,—заключить можно, что набожность его состояла болѣе въ наружности, нежели во внутренности, и была дѣйствіемъ болѣе воспитанія и привычки, нежели Евангельскаго въ сердцѣ просвѣщенія и благодати: была болѣе плодъ мірской мудрости, а не Христовой.

ГЛАВА LVI.

По кончинѣ царя Ивана Васильевича, по завѣщанію его и по праву наслѣдія, вступилъ на всероссійскій престолъ сынъ его, царь Ѳеодоръ Ивановичъ, и по прошенію всѣхъ государственныхъ чиновъ, чтобъ не медлилъ государь вѣнчаться на царство, вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ митрополитомъ Діонисіемъ съ духовнымъ соборомъ. А какимъ образомъ происходилъ сей обрядъ вѣнчанія,—Лѣтописцы не описываютъ; а потому надобно заключить, что онъ таковымъ же образомъ былъ совершенъ, какъ было и при вѣнчаніи царя Іоанна Васильевича, отца государева.

Государь Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ нрава тихаго, кроткаго, простосердечнаго, милостиваго и весьма набожнаго, за что повѣствователи древніе до небесъ превозносятъ сіи его добродѣтели, а новѣйшіе предосуждаютъ. Супруга его Ирина Ѳеодоровна также была царица добродѣтельная и благочестивая, и своимъ супругомъ зѣло любима. Братъ ея родной, а царю шуринъ, бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, былъ человѣкъ остроумный, проницательный и безмѣрно честолюбивый. Притомъ, по привычкѣ ли воспитанія, или по видамъ честолюбія, для преклоненія къ себѣ другихъ, былъ очень набоженъ и щедръ. Сей бояринъ умѣлъ столь уловить государя, что онъ ему все почти правленіе поручилъ, и только именовался государь; а все зависѣло отъ Годунова.

Сей хитрый и сильный вельможа началъ утѣснять всѣхъ тѣхъ бояръ, кои дѣлали, или казались дѣлать преграду честолюбію его. Да и царевича малолѣтняго Димитрія, и съ матерію его, и съ сродниками его, отправилъ въ Угличъ, съ видимымъ злоумышленіемъ. Сіи, видя таковое насиліе Годунова, а притомъ усматривая, что государь бездѣтенъ, и чтобъ изъ сего Годуновъ, яко честолюбивый и яко сродникъ царевъ, не взялъ случая со временемъ и на царство свой замыслъ устремить,—разсудили, чтобъ государя просить, дабы онъ, разведшись съ царицею, яко безплодною, вступилъ во второй бракъ, отъ коего бы могъ имѣть наслѣдниковъ престола, а чрезъ то бы и Годунова лишить довѣренности царской.

Къ сему предпріятію, яко духовному дѣлу, бояре склонили пристать и митрополита Діонисія. Но Годуновъ, узнавъ о семъ предпріятіи, толико для замысловъ его вредномъ, уговорилъ митрополита, чтобъ онъ отъ сего дѣла отсталъ и нарушенія бы законному браку не чинилъ; особливо, что и при бездѣтствѣ царя имѣется законный наслѣдникъ, царевичъ Димитрій.

Митрополитъ, по своему добросердечію, былъ имъ преклоненъ отмѣнить таковое намѣреніе, а при томъ и съ первыми боярами, по его же просьбѣ, его примирилъ.

Но сіе Годуново примиреніе было наружное и злосовѣстное. Онъ простосердечнаго государя (а можно думать, что помогла въ томъ ему и сестра его, царица, бывъ раздражена предпріятымъ съ своимъ супругомъ разводомъ) склонилъ на то, чтобъ оныхъ всѣхъ, въ предпріятіи развода имѣвшихъ участіе, разослать въ дальнія мѣста, гдѣ многіе были умерщвлены, а иные казнены.

Митрополитъ Діонисій, мужъ благаго житія, твердый и чувствительный къ несчастіямъ другихъ, вмѣстѣ съ подобнымъ ему въ добродѣтельной ревности Крутицкимъ архіепископомъ, видя многихъ непо-

винно изгоняемыхъ и умерщвляемыхъ, предстали предъ государя и свободно предлагали о всѣхъ мучительныхъ поступкахъ Годунова. Государь простодушный все то открылъ шурину; а сей протолковалъ, что сіи духовныя особы на него клевещутъ, бывъ сами съ осужденными боярами участны въ злоумышленіи на государя, чему въ доказательство приводилъ соглашеніе ихъ на разводъ государевъ. Царь, водимый Годуновымъ, помогаемый царицею, увѣрялся, что сіе все чинитъ шуринъ его изъ единаго отличнаго къ нему усердія, и охраненія особы его, повелѣлъ митрополита Діонисія и архіепископа согнать съ престола и отослать въ заточеніе въ Новгородъ: митрополита въ Хутынь монастырь, а Варлаама Крутицкаго въ Антоніевъ, гдѣ они и скончались. Также и прочихъ совѣтниковъ митрополичьихъ и боярскихъ, аки буря сильная, разметалъ.

Симъ единымъ поступкомъ митропол. Діонисій довольно доказалъ свою благочестивую ревность и духъ, достойный святителя Христова. Впрочемъ, былъ мужъ ученый и просвѣщенный, ибо Лѣтописцы его именуютъ премудрымъ грамматикомъ; а сіе, по тогдашнему разумѣнію, означало мужа ученіемъ отличнаго. И потому остается память сего праведника съ похвалами во вѣки,—каковаго въ прославленіи участія достоинъ и архіепископъ Крутицкій.

На мѣсто митрополита Діонисія, въ тотъ же годъ, то есть въ 1587, возведенъ на всероссійскую митрополію Іовъ, бывый епископъ Коломенскій, а потомъ архіепископъ Ростовскій.

Какъ правила не дозволяютъ производить другаго, на мѣсто живаго и не отрекшагося и не осужденнаго судомъ епископа, то, что принялъ митрополію сію Іовъ, а архіепископы и епископы на то согласились,—доказываетъ ихъ малодушіе и несвойственное святой ревности епископа Христова расположеніе.

ГЛАВА LVII.

Въ 1588 году пріѣхалъ въ Москву Константинопольскій патріархъ Іеремія—просить милостиннаго снабдѣнія на нужды церковныя, по причинѣ притѣсненія всякимъ образомъ отъ турокъ, какъ гонителей христіанской вѣры; патріархъ благочестивымъ государемъ съ приличною почестію встрѣченъ и съ уваженіемъ принятъ. А съ нимъ прибыли: Іероѳей, митрополитъ Моновасійскій, архіепископъ Арсеній Галасунскій, архимандритъ Христофоръ, архидіаконъ Лаврентій, три священника: Макарій, Акакій и Григорій. Сей патріархъ совѣтовалъ царю, чтобъ учредить въ Россіи патріаршество, на что царь съ охотою и съ одобре-

ніемъ согласился и произведенъ въ патріарха всея Россіи вышеименованный митрополитъ всероссійскій Іовъ.

Итакъ, вмѣсто митрополитовъ всероссійскихъ, учиненъ сей Іовъ первымъ патріархомъ всероссійскимъ, въ 1588 г.

При семъ примѣчать надлежитъ: 1) Что сіе учрежденіе въ Россіи патріаршества утверждено соборнымъ дѣяніемъ, которое подписано, Іереміею, патріархомъ Константинопольскимъ, и патріархомъ Московскимъ Іовомъ, Россійскими четырьмя митрополитами, да однимъ Греческимъ, пятьми архіепископами, да однимъ епископомъ, архимандритами и игуменами Россійскими тридцатью девяти. А потомъ, по прибытіи патріарха Іереміи въ Царьградъ, сіе же самое своеручно утверждено, сверхъ Іереміи, патріархами: Александрійскимъ Іоакимомъ и Іерусалимскимъ Софроніемъ, а Антіохійскій престолъ былъ тогда празденъ; и шестьдесятъ пятьми митрополитами, одиннадцатью архіепископами Греческими. Это все напечатанное видѣть можно въ началѣ Кормчей книги. А степень ему учинена по Іерусалимскомъ патріархѣ, и чтобъ онъ въ служеніи воспомнилъ имена патріарховъ. 2) Что въ тѣхъ дѣяніяхъ прописывается, яко патріархъ Московскій учиняется пятымъ патріархомъ, поелику пятый, Римскій епископъ, или папа, какъ отпадшій отъ Церкви, изъ числа пяточисленнаго исключенъ былъ, не было бъ сомнѣнія—патріаршество въ Россіи учредить: поелику нигдѣ не положено, чтобъ въ Церкви вселенской болѣе пяти патріарховъ не быть. 3) Что въ тѣхъ, въ Кормчей книгѣ, объясненіяхъ сказано, якобы Римскій епископъ принялъ престолъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла,—сего утвердить невозможно: ибо апостолы, по Златоустову разсужденію, были не епископы, но апостолы, и не имѣли себѣ преемниковъ въ апостольствѣ; а иначе долженъ бы епископъ Римскій нарицаться не епископомъ, но апостоломъ. Апостолы же поставляли епископовъ, и потому по справедливости епископъ Римскій долженъ почитаться преемникомъ не Петровымъ или Павловымъ, но перваго епископа, отъ апостола поставленнаго. Да и сами паписты не признаютъ, чтобы епископъ Римскій былъ преемникомъ апостоловъ Петра и Павла, но только Петровымъ. Ибо сіи, изреченныя Христомъ Спасителемъ, слова апостолу Петру: „на семъ камени созижду церковь Мою; и дамъ ти ключи: и обращся утверди братію свою: и паси овцы Моя“, превратно и противъ совѣсти толкуютъ, акибы они единственно принадлежатъ всѣмъ папамъ, и тѣмъ, кои изъ нихъ были развратнѣйшіе и имени не токмо епископскаго, но и христіанскаго, недостойные; а таковымъ образомъ толкуютъ для того, дабы чрезъ то увеличить папскую власть. А какъ сихъ словъ, премудрому и до третьяго небесе восхищенному апостолу, великому Павлу акибы не сказано, то Римскіе епископы и не почитаютъ

для себя лестнымъ почитаться преемниками Павловыми. 4) Что былъ ли когда Петръ въ Римѣ,—сего въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ не видно; а колибъ былъ, какъ бы преминулъ о томъ не воспомянуть евангелистъ Лука, который и не столь важныя апостоловъ дѣйствія не оставилъ описать; а объ апостолѣ Павлѣ точно, что онъ въ Римъ приведенъ, написалъ? Но сіе папистамъ не угодно: имъ нуженъ не Павелъ, но Петръ. Петръ по исторіи былъ въ Римѣ, и тамъ пострадалъ; но, чтобъ тамъ былъ епископомъ, сего утвердить нельзя: ибо никакой апостолъ нигдѣ не нарицается епископомъ какого-нибудь мѣста, или области. 5) Что въ тѣхъ жъ объясненіяхъ въ Кормчей сказано, что епископъ Римскій былъ до отпаденія изъ первыхъ епископовъ, или патріарховъ,—и сего принять не возможно: ибо единый Пастыреначальникъ Христосъ всѣхъ епископовъ Церкви Своей учредилъ быть между собою равными и повелѣлъ почитать большимъ и вящшимъ того только, который Церкви Его болѣе услугъ окажетъ, и предъ всѣми себя смиреннымъ и униженнымъ представитъ. И хотя „первенство мѣста“ Римскому епископу и было даваемо, но не по праву, а по любви и смиренномудрію христіанскому. 6) А что паписты говорятъ, акибы епископъ Римскій есть и долженъ быть центромъ соединенія всѣхъ церквей; то самый опытъ чрезъ толико вѣковъ показалъ, что всегда онъ былъ центромъ не соединенія, а раздѣленія и мятежей, не только въ Церкви, но и въ государствахъ. 7) Что въ тѣхъ же, въ Кормчей, объясненіяхъ не оставлено сказать, что папа Римскій отпалъ отъ Церкви и изъ нея исключенъ за то, что онъ впалъ въ ересь, утверждая происхожденіе Святаго Духа отъ Отца и Сына, а не отъ единаго Отца, и за другія нѣкія нововведенія. На то сказать надлежитъ: хотя онъ за сіе и заслуживаетъ отъ Церкви отсѣченъ быть, но паче за то, что онъ помутилъ всю Церковь и сдѣлался гонителемъ ея, что не признаютъ его главою и монархомъ Церкви, чтобъ всѣ его установленія почитать какъ бы изреченіями Божіими: ибо вѣруютъ безразсудные, что онъ непогрѣшителенъ. И сіе ежели принять, то надобно намъ отрещися Христа, единыя Главы Церкви, и опровергнуть единое ея правило„—слово Божіе“, апостолами и пророками преданное. 8) Что же, какъ Кормчая говоритъ, впали паписты въ ересь, всѣхъ ересей пагубнѣйшую, „въ сластолюбіе и въ славолюбіе“, сія истина есть неоспоримая. 9) А что при концѣ Кормчей книги, неизвѣстно, почему и откуда напечатана чудовищная грамата, акибы данная царемъ Константиномъ Римскому епископу Сильвестру и его кардиналамъ, коихъ тогда еще и не было,—сіе не только отъ всѣхъ просвѣщенныхъ, но и отъ самихъ папистовъ, кои поумнѣе и совѣстливѣе, признается за сущую ложь. Всякъ, кто только вникнетъ въ исторію того и послѣдующихъ вѣковъ, тотчасъ увидитъ, что обстоятельства, прописанныя въ той гра-

матѣ, никакъ не совмѣстны съ тогдашнимъ временемъ, а притомъ, что акибы царь Константинъ крещенъ Сильвестромъ въ Римѣ,—сіе опровергаютъ не только современные историки, но и самый Евсевій Кесарійскій, мужъ ученый и любимецъ Константиновъ, описавшій всю жизнь его, который утверждаетъ, что царь Константинъ крестился при смерти въ Никомидіи Евсевіемъ, епископомъ Никомидійскимъ. 10) Въ данной о постановленіи въ Россіи граматѣ патріархомъ Константинопольскимъ полагается, чтобъ впредь патріарху Россійскому поставляему быть отъ своихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. На сіе надлежитъ сказать, что и прежде сего задолго отъ митрополита Іоны, митрополиты всероссійскіе отъ своихъ архіереевъ были поставляемы, безъ всякаго требованія на то отъ Константинопольскаго патріарха; и сіе сходственно съ правилами, да и самъ Константинопольскій патріархъ поставляется не отъ патріарховъ, но отъ Ираклійскаго митрополита. 11) Что изъ новѣйшихъ нашихъ историковъ одинъ нѣсколько относитъ сіе установленіе патріархіи въ Россіи къ ухищреніямъ Бориса Годунова, дабы, чрезъ сіе возвышеніе митрополита всероссійскаго, болѣе привязать его къ себѣ и польстить духовный чинъ, дабы они чрезъ то властолюбивымъ его намѣреніямъ или содѣйствовали, или, по крайней мѣрѣ, не препятствовали,—сей писателевой догадкѣ никакіе наши древніе Лѣтописцы нимало не утверждаютъ; и чтобъ патріархъ новый хотя мало содѣйствовалъ коварнымъ предпріятіямъ Годунова,—и слѣда не находится. Подлинно, патріархъ Іовъ склонялъ, по кончинѣ царя, Годунова пріять престолъ; но тогда, когда всѣ бояре къ Борису преклонные, и народъ, хитростями его возбужденный, усильно требовалъ того отъ патріарха. А установленіе патріаршества единственно надлежитъ приписать предложенію отъ патріарха Константинопольскаго, дабы чрезъ то угодить государю, который мнилъ чрезъ то и Церковь въ большомъ блистаніи представить, и явить къ Церкви свое благочестивое расположеніе. А по всему сему можно заключить, что Борису Годунову таковое возвышеніе перваго правителя духовнаго не могло казаться пріятнымъ: ибо онъ видѣлъ на предшественникѣ Іова митрополита, Діонисіи, чего отъ свободности духовной власти, противъ пагубныхъ намѣреній, ожидать надлежитъ. 12) Впрочемъ, новая патріаршая власть ничего не пріобрѣла, кромѣ нѣкотораго наружнаго блеска и виднаго наименованія: ибо власть митрополитовъ всероссійскихъ въ духовномъ правленіи точно та же была, какая принадлежитъ и патріархамъ. Но могу сказать, что сія власть митрополитовъ всероссійскихъ, отъ начала Владиміра до великаго князя Ивана Васильевича, гораздо была большая; и митрополиты были въ большомъ уваженіи, нежели наступившіе патріархи. Ибо какъ, при раздѣленіи Россіи на многія удѣльныя княженія, владѣніе и вели-

каго князя было очень не велико и ограничено, а власть митрополита духовная простиралась на всѣ княженія Россійскія, даже и на тѣ, кои были въ Польшѣ и въ Литвѣ (вѣры нашей); при томъ же митрополиты всероссійскіе были по большей части избираемы и поставляемы Константинопольскимъ патріархомъ, и почти всѣ не изъ россіянъ, но изъ грековъ, а потому они и не почитали себя гражданскому россійскому правительству подчиненными и подданными: то чрезъ все сіе ихъ власть была сильнѣе, нежели новая патріаршая, зависящая совсѣмъ отъ государя; и митрополиты были въ большомъ уваженіи у великихъ князей, какъ то по Лѣтописцамъ древнимъ видно, съ какими почестями они отъ великихъ князей были встрѣчаемы и принимаемы.

ГЛАВА LVIII.

При установленіи вновь патріаршества въ Россіи, учреждено быть четыремъ митрополитамъ: въ Новгородѣ, въ Казани, въ Ростовѣ и на Крутицахъ, да шести архіепископамъ и восьми епископамъ. Посему и переименованы въ митрополиты: Новогородскій и Великолуцкій, и всего Поморія Александръ,—Казанскій Германъ,—Ростовскій и Ярославскій Варлаамъ, Крутицкій, Сарскій и Подонскій, и Козельскій Геласій; во архіепископа: Іона Вологодскій и Великопермскій, Іовъ Суздальскій и Тарускій, Сильвестръ Смоленскій и Дорогобужскій, Митрофанъ Рязанскій и Муромскій, Захарія Тверскій и Старицкій, Мисаилъ епископъ Псковскій, Іосифъ епископъ Коломенскій и Каширскій.

Итакъ, устроена вновь епархія Псковская; а изъ сего видно, что первый митрополитъ въ Новгородѣ былъ сей Александръ. А дотолѣ были архіепископы, съ начала же—епископы, какъ выше показано. И потому несправедливо въ календаряхъ печатаютъ, что акибы митрополія Новогородская, да еще и Владимірская, была съ начала христіанства въ Россіи вмѣстѣ съ Кіевскою митрополіею. Митрополитъ былъ во всей Россіи единъ, и подъ его состояли властію всѣ епископы, въ томъ числѣ и Новогородскій. И сей митрополитъ всероссійскій пребывалъ сначала въ Кіевѣ, потомъ краткое время во Владимірѣ, но не именовался Владимірскимъ, а Кіевскимъ, и, наконецъ, переселился въ Москву, гдѣ и утвердилъ свое пребываніе. И потому митрополія всероссійская уже не была болѣе въ Кіевѣ, но въ Москвѣ; и хотя, пребывая въ Москвѣ, писались еще Кіевскими, но когда Кіевъ отошелъ изъ власти Россійской и подпалъ владѣнію Литовскому, и тамъ другого митрополита избрали: то уже начали писаться митрополиты, въ Москвѣ пребывающіе, Московскими и всея Россіи. И симъ Московскимъ всероссійскимъ ми-

трополитамъ подлежали всѣ архіепископы и епископы великороссійскіе; оная митрополія Московская въ сіе время, какъ выше видѣли, премѣнилась на патріаршество.

Утвердительная на патріаршество Россійское отъ патріарховъ греческихъ вышеупомянутая грамата прислана въ Москву съ митрополитомъ Терновскимъ, болгарскимъ Діонисіемъ, съ особымъ письмомъ отъ патріарха Цареградскаго, списокъ котораго при семъ прилагается.

А се—переводъ съ граматы патріарха Цареградскаго къ Іову, патріарху Московскому и всея Россіи, съ собору.

„Іеремія, милостію Божіею архіепископъ Константинопольскій, новаго Рима, Вселенскій патріархъ.

Пресвятѣйшему патріарху Московскому и всея Россіи, о Святомъ Дусѣ возлюбленному брату нашему и сослужебнику, молимъ Вседержителя Бога о здравіи вашемъ, да сохранитъ Богъ васъ на укрѣпленіе святительство твое, паству пасти, и на радость, и на душевное спасеніе. Посемъ вѣдая святительство твое, пріяхомъ произволеніе и повелѣніе святаго Царя нашего, самодержца всея Россіи, господина Ѳеодора Ивановича, сже сказа намъ на соборѣ, святѣйшій братъ нашъ и сослужебникъ архіепископъ Константинополя новаго Рима, вселенскій патріархъ господинъ Іеремѣй, что онъ поставилъ на Москвѣ патріарха Московскаго и всея Россіи, тебя святѣйшаго патріарха, и то намъ любо, и мы то доброе утвердили постановленіе, имѣя тебя себѣ всегда братомъ, и сослужебникомъ своимъ, пятымъ патріархомъ подъ Іерусалимскимъ, и во іерейскихъ молитвахъ со властьми своими тебя поминаемъ, какъ мы промежъ собою поминаемся. И для того извѣщаемъ и изволяемъ святительству твоему о Дусѣ Святѣ, да и ты насъ поминай такожъ всегда имена наша на молитвахъ, въ началѣ святѣйшаго патріарха брата нашего и сослужебника архіепископа Константинополя господина Іеремія, и имѣй его въ началѣхъ такожъ, какъ и мы его начальникомъ имѣемъ, и большимъ братомъ именуемъ, да и то тебѣ извѣщаемъ, да повелишь всѣмъ своимъ архіереямъ во всей своей власти, да поминаютъ насъ на молитвахъ. А случится который архіерей, или іерей, пріидетъ отъ нашея области и привезетъ тебѣ совершительную грамату, и ты съ нимъ служи и покой, какъ есть наша единая апостольская Церковь, такожъ, какъ и мы промежъ собою служимъ и поемъ по Божьему соединству, и любовь промежъ себя совершаемъ. А по семъ, повелѣніемъ всего собора, избрали есьмя преосвященнаго митрополита Терновскаго, господина Діонисія, мужа избранна и сродича царскаго, отъ Кантакузиновъ и Палеологовъ, иже прежде сего державали скипетръ Константинопольскій, пріятеля своего, послали къ само-

державному святому Царю нашему всея Россіи, и къ святительству твоему, челомъ бьемъ соборною совершительною граматою, и утвержденною и съ иными нашими граматы, и ты его пріими, и призри его, и помоги ему, и почти его противъ нашего лица; а онъ нашъ пріятель великаго престола, а иново было послати не возможно, опричь его. По семъ Божья благодать буди на святительствѣ твоемъ. Аминь".

О семъ Діонисіи пишетъ князь Щербатовъ, что аки бы онъ отъ Цесарскаго двора присланъ былъ, съ тѣмъ, чтобы чрезъ него государя склонить, дабы ему соединиться съ нимъ противу турокъ.

Въ 1589 году къ государю царю Грузинскій царь Александръ прислалъ посланниковъ отъ себя, прося покровительства и пособія отъ притѣсненія ближнихъ народовъ, также утвержденія ихъ въ вѣрѣ православной. О семъ ходатайства просили и у патріарха Іова, въ чемъ они отъ государя и отъ патріарха по возможности и удовольствованы. Посланы притомъ къ нимъ образа и книги, ризы всякія церковныя потребы; да съ послами въ Грузію одинъ отправленъ архимандритъ, игумены, протопопы и діаконы, изъ лучшихъ; и они тамъ православіе утвердили. Но не извѣстно, почему тамъ служить не восхотѣли на что царь Александръ въ граматѣ своей патріарху Іову жалуется, а отпущены изъ Грузіи съ великою честію и съ дарами.

Въ сихъ же годахъ, зная набожность и щедроту государеву, приходили многіе изъ Іерусалима, и изъ другихъ греческихъ мѣстъ, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и старцы для испрошенія милостыни, и многіе приносили мощи святыхъ; а государь милостиво ихъ принималъ и щедро ихъ награждалъ. Нѣкоторые изъ нихъ остались и въ Москвѣ; въ томъ числѣ Кипрскій архіепископъ Игнатій, о коемъ ниже будетъ слово.

ГЛАВА LIX.

Въ 1591 году царевичъ Димитрій, пребывающій въ городѣ Угличѣ съ матерью своею и съ сродниками ея, по злодѣйскому умыслу Бориса Годунова, чрезъ присланныхъ отъ него, яко агнецъ, закланъ на десятомъ, а по инымъ на девятомъ, году отъ рожденія. Но прежде, нежели приступилъ онъ къ сему злодѣянію, какъ пишетъ князь Щербатовъ, склонилъ царя Ѳеодора Ивановича, дабы имя его царевича въ моленіяхъ церковныхъ не упоминать, подъ тѣмъ видомъ, что онъ долженъ почитаться, яко не законный сынъ царя Іоанна Васильевича, поелику родился отъ седьмой его жены, Маріи Нагихъ. И такъ чрезъ сіе царевича убіеніе пресѣкся царскій родъ по мужскому колѣну, доселѣ отъ самого святаго Владиміра продолжавшійся.

О семъ для Россіи, а потому и для Церкви, несчастливѣйшемъ приключеніи,—и какъ все сіе Годуновъ сокрыть потщался, мать убіеннаго насильно постригъ, а родъ ея умертвилъ и изгналъ,—объ всемъ томъ пространно и обстоятельно описано во многихъ Россійскихъ Лѣтописцахъ, гдѣ, желающій болѣе знать, да читаетъ.

Въ томъ же году было нашествіе подъ самую Москву Крымскаго царя съ татары; причинивъ около города великое разореніе, онъ отошелъ. И на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли Россійскіе обозы, царь повелѣлъ устроить и поставить монастырь во имя Богородицы Донскія; и потому монастырь наименованъ Донскимъ.

Въ томъ же году пришелъ въ Москву Галасунскій епископъ Арсеній, и послѣ учиненъ архіепископомъ въ Суздаль, гдѣ и скончался.

Въ 1592 году родилась дщерь государю царю, Ѳеодосія; но чрезъ годъ скончалась.

Въ 1594 году въ Польшѣ, въ городѣ Брестѣ, собранъ былъ соборъ отъ епископовъ православнаго нашего исповѣданія, на коемъ были: Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, Ипатій епископъ Владимірскій и Брестскій, Кириллъ Тернецкій, епископъ Луцкій и Острожскій,—Гермогенъ епископъ Полоцкій и Витебскій,—Іоаннъ Гоголь, епископъ Пинскій и Туровскій—Діонисій, епископъ Холмскій. Оный Михаилъ Рогоза поставленъ въ митрополита въ Кіевъ патріархомъ Константинопольскимъ Іереміею, бывшимъ въ Москвѣ. На семъ нечестивомъ соборѣ положено, чтобы, оставивъ соединеніе съ восточною Церковію, въ нѣдрахъ коея родились, и съ православными патріархи, отдать себя въ рабство папѣ, и принять его вѣру. А сіе-то и было началомъ, продолжающейся по несчастію и доселѣ, и подъ владычествомъ уже православныхъ нашихъ государей, пагубной и злохитрой уніи. Ибо хотя она давно пружилась и неистовствовала; но отъ сего времени нечестіе явно открылось, и отступничество утверждено.

Таковый соборъ, а паче Михаилъ Рогоза, раздѣлилъ Россійскій народъ надвое, изодравъ ризу Христову, якоже иногда Арій. Ибо въ единомъ народѣ, иные по принужденію и притѣсненіямъ и не хотя пристали къ уніи; а другіе твердо въ православіи стояли, но за то всякаго рода ухищреніямъ и гоненіямъ были подвержены,—что до нынѣшнихъ временъ продолжалось и продолжается. И нынѣ мы должны молить, да благочестивѣйшимъ и православнымъ государямъ нашимъ вдохнетъ Богъ ревность по вѣрѣ благочестивыхъ великихъ предковъ ихъ, и чрезъ нихъ да уврачуетъ сію лютую язву.

Сіе принятіе епископовъ, бывыхъ православныхъ, уніи никакъ не должно приписать ихъ добровольному на то согласію, но неутомимымъ проискамъ и хитростямъ епископа Римскаго и притѣсненіямъ

отъ гражданской власти, которая слѣпо зависѣла отъ Рима и вѣровала прорицалищамъ его, яко Дельфійскимъ.

Оный соборъ отъ вселенскихъ патріарховъ на Берестенскомъ соборѣ, чрезъ посланниковъ отъ нихъ, и конечно съ нѣкоторыми православными епископы, кои еще къ уніи не пристали, проклятъ, якоже и заслуживалъ,—какъ пишется въ каталогѣ.

Изъ многихъ бывшихъ въ Польшѣ и въ Литвѣ православныхъ епархій осталась въ наши времена одна Могилевская съ малою паствою, да и та была въ непрестанномъ гоненіи отъ папистовъ, доколѣ не взошла подъ благословенное владычество Россіи; однако, простирать православіе далѣе и уніатовъ, желающихъ возвратиться въ нѣдра прежней своей матери, принять,—многими затрудненіями, по грѣхамъ нашимъ, препятствуется.

Еще много въ Польшѣ и Литвѣ оставалось, до присоединенія ихъ къ Россіи, православныхъ, гнушающихся уніи, которые по духовнымъ дѣламъ управляемы были православными митрополитами Кіевскими и епископами Переяславльскими.

Противу оной пагубной уніи наипаче ревностно возстали не духовные, какъ ожидать надлежало, но Днѣпровскіе и Запорожскіе казаки, кои за сіе притѣсненіе совѣсти въ вѣрѣ вооружились военною рукою, подъ гетманомъ Косинскимъ, и причинили въ Польшѣ многое опустошеніе. Это самое послѣ, при гетманѣ Запорожскомъ Хмельницкомъ, было причиною, что вся Малороссія отдѣлилась отъ Польши и поддалась подъ благочестивую державу всероссійскую; а чрезъ сіе зараза уніи въ сей части земли истреблена.

Въ 1595 году, съ послами отъ цесаря и отъ другихъ державныхъ государей, въ Россію не оставилъ привлещися, посланный и отъ епископа Римскаго Климента VIII, какой-то протопопъ, Александръ Комулей, съ дарами: отъ Климента—крестъ, а отъ посланнаго—агатовыя четки. Сей посланникъ склонялъ государя царя Ѳеодора Іоанновича, чтобъ онъ вступилъ въ войну противу турокъ съ прочими европейскими государями: нѣлику въ то время папы возбудили всѣхъ европейскихъ государей къ походамъ крестоноснымъ, или Крозадамъ, чтобъ достать Іерусалимъ у турковъ, да и Грецію покорить. Сіи походы были безуспѣшны, но они истощили и разорили европейскія государства; однако, папы, въ сей мутной водѣ ловя рыбу сѣтью Петровою, власть свою въ Европѣ усилили, обогатились и все превращали. Къ сему-то они склоняли и Россію. А притомъ, какъ бы сожалѣя, что Россійская Церковь зависитъ отъ таковаго патріарха, который состоитъ въ подданствѣ у невѣрнаго турки, и за самое свое поставленіе деньги туркамъ даетъ; а чрезъ то не можетъ тутъ быть сошествіе Святаго Духа,

а только папъ посвящаетъ Духъ Святый. И для того склонилъ государя, чтобъ онъ приступилъ соединить Церковь Россійскую съ Римскою, то есть, подвергнуть ее и Россію, насиліямъ, или ухищреніямъ его и бѣдствіямъ. Государь, бывъ зѣло набоженъ,—и даруй Богъ, чтобъ сія ревность и всегда въ нашихъ государяхъ продолжалась,—и слышать того не хотѣлъ, и отпустилъ скоро посланнаго изъ Москвы, давъ, впрочемъ, надлежащій отвѣтъ на другія его требованія.

При семъ нельзя оставить безъ примѣчанія. 1) Таковыя затѣйки епископа Римскаго были почти непрестанныя, но, Богу насъ охраняющу, доселѣ безуспѣшными оставались. 2) Нельзя безъ смущенія духа читать, что епископъ Римскій возбуждаетъ къ войнѣ и кровопролитію. Таковое ли свойство должно быть епископа Христова? И гдѣ святымъ Евангеліемъ предписано, чтобъ вѣру Господа нашего расширять огнемъ и мечемъ? Она утверждается истиною, а защищается крестомъ терпѣнія. 3) Ежели государи имѣютъ какія государственныя причины воевать противу другихъ, они сами довольно понимаютъ свои выгоды и нужды. Епископу ли Римскому ихъ учить, а паче къ тому возбуждать? Или онъ и въ воинскомъ дѣлѣ и въ государственномъ имѣетъ болѣе свѣдѣнія, нежели всѣ государи? Но ежелибъ онъ и имѣлъ; однако, не его дѣло, какъ епископа христіанскаго, въ государственныя дѣла вмѣшиваться. А епископу Христову за правовѣрную державу, въ случаѣ войны, надлежитъ только Бога молить, испрашивая благословенія своимъ и укрощенія врагамъ. 4) Нельзя удержаться, дабы не удивиться, что и европейскіе государи столь мало были проницательны, что принимали побужденія папскія къ войнамъ противу невѣрныхъ, когда ясно видѣть могли, что папы искали чрезъ то выгодъ своихъ, а не государей и государствъ ихъ. И сіе, кромѣ другихъ безчисленныхъ примѣровъ, всему свѣту доказали одни крестовые походы; они кровь проливали и государства свои истощали, а папы власть свою расширяли и ихъ побѣдами пользовались. Всякія войны христіанскихъ государей были бы несравненно выгоднѣе, ежелибъ папы никакъ въ сіе допущаемы не были. 5) Посланный отъ Римскаго епископа говорилъ, что патріархи восточные — въ подданствѣ у турковъ; но сіе никакого вѣрѣ предосужденія не дѣлаетъ. Всѣ первые христіане и самые епископы римскіе болѣе трехъ вѣковъ были подъ владѣніемъ царей идолопоклонниковъ, и сильно были гонимы и мучимы ими. Но тогда-то подъ симъ крестомъ возрастало и процвѣтало христіанство; тогда-то только римскіе епископы были добрые и святые, когда были мученики. 6) „Патріархъ, де, Цареградскій за поставленіе туркамъ деньги даетъ“. Но, по Христову слову, „блаженнѣе есть даяти, нежели пріимати“: патріархъ туркамъ деньги даетъ не по волѣ, но по насилію, что никакъ не мѣшаетъ при

поставленіи его дѣйствовать Духу Святому. А папы не только сами за поставленія епископовъ и прочихъ брали, но и грабили, и торгъ производили, какъ то ихъ же историкъ Флери во многихъ мѣстахъ пишетъ. Да и вопли всѣхъ государствъ за таковое святотатство на папъ непрестанно возставали; таковая-то симонія, по правиламъ соборовъ и отцовъ, удерживаетъ дѣйствіе Духа Святаго и извергаетъ изъ чина и поставляющихъ и поставляемыхъ на мздѣ.

О семъ посольствѣ епископа Римскаго и о данномъ посланнику, протопопу Александру, наставленіи пространнѣе описано въ исторіи князя Щербатова, въ 6-мъ томѣ, въ части 2-й.

ГЛАВА LX.

Въ 1598 году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, болѣзнуя, благочестиво скончался, напутствованный святыми Тайнами исповѣди и святаго причастія и маслособорованія отъ патріарха Іова; и погребенъ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ съ великимъ вообще плачемъ и рыданіемъ. Онъ былъ государь весьма благочестивый, кроткій, человѣколюбивый и милостивый, и столь любимый всѣми, что при общихъ неудовольствіяхъ на Годунова, коему государь всю свою довѣренность поручилъ, никто не могъ склониться жаловаться, или роптать на самую государеву особу. Все относилось къ ухищреніямъ Годунова, удобно уловляющимъ добросердечіе государево.

Плачъ и рыданіе общее, сколько относилось къ любимому преставльшемуся государю, столько не меньше и потому, что государево поколѣніе пресѣклось, наслѣдниковъ законныхъ не оставалось. Покойный государь, когда умирающаго его вопросилъ патріархъ Іовъ при болярахъ: „кому приказываешь свое царство, и насъ сирыхъ, и свою царицу“? отвѣтствовалъ слабымъ голосомъ: „во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ; како Ему угодно, тако и будетъ. А царицею моею Богъ воленъ; и како ей жити, о томъ у насъ уложено“.

А иные пишутъ, что онъ правленіе государства препоручилъ супругѣ своей, царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ. Но она тотчасъ по погребеніи прямо изъ церкви отъѣхала въ Новодѣвичъ монастырь и тамъ постриглась, и наречена Александрою.

Въ томъ же году взошелъ на всероссійскій престолъ, по общему согласію и избранію духовенства и народа, и по соизволенію на то супруги покойнаго государя, царицы Ирины, а въ монахиняхъ Александры, бояринъ и шуринъ государевъ, „Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, и вѣнчанъ царскимъ вѣнцемъ отъ патріарха Іова, со всемъ свя-

щеннымъ соборомъ, въ Москвѣ, въ Успенской соборной церкви, на самый Новый годъ, то есть, по тогдашнему сентября 1 числа. А съ какимъ обрядомъ сіе вѣнчаніе совершено, нѣтъ описанія; а заключить надобно, что такимъ же образомъ, какъ было и при прежнихъ государяхъ царяхъ, Іоаннѣ Васильевичѣ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

Какіе были къ тому происки и ухищренія Годунова,—о томъ желающій знать пусть читаетъ гражданскую исторію, въ которой все то обстоятельно описано.

Но, чтобъ патріархъ и духовные тому особенно содѣйствовали,—сего въ Лѣтописцахъ не видно; а видно только, что патріархъ и духовные слѣдовали общему требованію народа и бояръ, которое конечно было бъ исполнено, хотя бы духовные тому и воспротивиться дерзнули и, можетъ быть, съ бѣдствіемъ своей жизни.

Скоро Борисъ, ставъ царемъ, началъ изводить подозрительныхъ ему бояръ, а особливо Романовыхъ, какъ доводящихся въ родствѣ къ царской крови, изъ каковыхъ былъ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, который былъ двоюродный братъ покойному государю царю Ѳеодору Іоанновичу по матери своей, царицѣ Анастасіи Романовнѣ. Онъ велѣлъ постричь сего въ монастырѣ Антонія Сійскаго, и нареченъ Филаретъ. А жена его, Ксенія Ивановна, также пострижена и наречена Марѳою; а сынъ ихъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, еще шестилѣтній посланъ былъ съ теткою ихъ, княгинею Марѳою Никитишною Черкаскою, послѣ смерти тетки, отданъ матери его.

Сочинилъ царь Борисъ молитву, которую уставилъ читать всѣмъ при трапезахъ предъ питіемъ по тогдашнему обычаю, яко же нынѣ въ монастыряхъ бываетъ, заздравной чаши, въ коей молитвѣ наивящшее содержаніе есть, дабы молились о немъ и о супругѣ его, о чадахъ и о благополучномъ пребываніи его царства, о побѣдѣ на враги и о продолженіи его царскаго рода. Сія молитва есть въ Лѣтописцахъ нашихъ.

Пишутъ, что онъ же, царь Годуновъ, вылилъ для Московскаго Успенскаго собора колоколъ въ десять тысячъ пудовъ; почему и вѣроятно, что нынѣшній большой, въ Москвѣ, въ ямѣ лежащій, разбитый колоколъ былъ перелитъ изъ того большаго Годунова колокола. А въ Троицкую лавру, которую онъ особливо любилъ и многими вкладами снабжалъ, вылиты имъ два колокола, одинъ въ 600 пудъ, называемый „Лебедь“, какъ онъ еще былъ бояриномъ и конюшимъ, а другой называемый „Годуновъ“, въ 2000 пудъ, уже будучи царемъ; но неизвѣстно, когда и кѣмъ избиты слова имени его въ надписи на колоколѣ его, Годуновѣ. А вѣроятно, что во время осады Троицкаго монастыря, когда все несчастіе ему было приписывано.

Онъ же, царь, устроилъ серебренную раку въ Калязинъ монастырь, святому Макарію, Чудотворцу Калязинскому.

Его же, царя Бориса—строеніе большой колокольни, въ Москвѣ называемой „Иванъ Великій“, какъ то явствуетъ и нынѣ, по таковой надписи, изъ мѣдныхъ золоченыхъ словъ, находящейся на той колокольнѣ: „изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца,— и сына его благовѣрнаго государя царевича князя Ѳеодора Борисовича всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108 года“. Ибо царь Борисъ весьма прилежалъ о добромъ правленіи государства. И для того во время случившагося при немъ сильнаго голода, отъ коего множество народа умирало, царь весьма попечительно и щедро кормилъ народъ и казны не щадилъ. А чтобъ еще доставить голодному народу пропитаніе, велѣлъ имущимъ людямъ строить разныя каменныя строенія, и самъ строилъ; въ томъ числѣ построенъ и „Иванъ Великій“. И такъ, сіе прошедшее несчастіе вознаграждено было хотя тѣмъ, что увидѣли городъ Москву въ лучшемъ устроеніи хорошихъ зданій.

Въ семъ благоудобномъ дѣлѣ—пропитать голодныхъ много ему споспѣшествовалъ славный Троицкій келарь Авраамій Палицынъ Онъ, по совѣту царя, отворилъ житницы съ хлѣбомъ, бывшія на Троицкомъ подворьѣ, въ Кремлѣ, что нынѣ Комендантскій домъ, и, назначивъ хлѣбу умѣренную цѣну, тѣмъ понудилъ и другихъ сребролюбцевъ, кои, пользуясь несчастіемъ народнымъ, весьма дорого хлѣбъ продавали,— уменьшить цѣну его и продавать дешевле.

Въ 1603 году, Римскій епископъ паки присылалъ миссіонеровъ своихъ въ Москву, не отступая отъ своихъ пагубныхъ затѣй, чтобъ Церковь Россійскую и Россію превратить. Но миссіонеры, видя несклонность Россіянъ къ ихъ замысламъ и твердыхъ въ своей вѣрѣ, просили дозволенія, чтобъ ихъ чрезъ Россійскіе предѣлы пропустить въ Персію, куда они и пропущены. Ибо сіи „волочаги“ по всему свѣту бродятъ для обращенія въ свою вѣру; но по самой справедливости можно имъ сказать, что Христосъ рекъ фарисеямъ: „горе вамъ, книжницы и фарисеи, лицемѣри, яко обходите море и сушу, да сотворите единаго пришельца (прозелита): егда же сотворите, творите его сына геенны, сугубѣйша васъ“.

Сіи частыя изъ Рима посылки особливо начались отъ времени іезуита Антонія Пассевина, который и Швецію мутилъ, и въ Россіи составилъ злоковарный миръ, и, какъ бы нѣкіимъ духомъ, конечно нечистымъ, восторгнутый, что-то предвѣщалъ о будущемъ Россіи превращеніи, которое скоро послѣдовало, какъ-то изъ собственныхъ его словъ

въ изданномъ отъ него печатномъ сочиненіи примѣчательно. Въ сочиненіи томъ, описывая обыкновенія и обряды Россіи, разные онъ выдумываетъ способы, какъ ввести въ Россію латинскую вѣру, и, не знаю почему, обнадеживаетъ себя въ томъ успѣть,—особливо надежду свою утверждаетъ на томъ, что склонился дворъ Россійскій принимать посольства отъ папы; а подъ симъ, де, средствомъ удобно успѣть—свои намѣренія въ дѣло произвесть. Да и былъ, видно, уже умыселъ: ибо іезуитъ такъ пишетъ,—читай о семъ его сочиненіе, по латыни изданное въ Кельнѣ, въ 1587 году: „Non inutile aliquando foret, si vel super stite hoc principe, vel altero mitiore, aut fortassis Catholico succedente, id, de quo agitur inter quosdam Christianos reges, constitueretur“, т. е.: „Не безполезно бъ нѣкогда было, ежели-бъ или при жизни сего государя, или, можетъ быть, по принятіи государемъ Римской вѣры, то было бы поставлено, о чемъ теперь между христіанскими государями идетъ дѣло“.

Въ семъ же году скончалась царица Ирина Ѳеодоровна, въ монахиняхъ Александра, супруга царя Ѳеодора Іоанновича, и погребена вмѣстѣ съ царицами въ Вознесенскомъ монастырѣ.

ГЛАВА LXI.

Въ 1604 году открылась странная и страшная трагедія. Нѣкто Георгій 14 лѣтъ, сынъ Галицкаго боярскаго сына Іакова, прозваніемъ Отрепьева, постригся, по увѣщанію игумена Хлыновскаго Вятскаго монастыря Трифона, неизвѣстно гдѣ, и нареченъ Григоріемъ; потомъ бродилъ онъ по разнымъ монастырямъ. Узнавъ же, что якобы дѣдъ его прежде былъ въ Чудовѣ монастырѣ, пришелъ въ Москву и принятъ въ Чудовъ архимандритомъ Пафнутіемъ, гдѣ, оказавъ себя искуснымъ въ пѣніи, въ чтеніи и въ письмѣ, даже составлялъ каноны святымъ, посвященъ въ іеродіакона патріархомъ Іовомъ, у коего нѣсколько времени и жилъ, переписывая книги, а притомъ не рѣдко имѣлъ случай бывать съ патріархомъ и во дворѣ царя Бориса, и имѣлъ удобный случай все присматривать.

Бывъ въ Чудовѣ, иногда какъ бы шутя, монахамъ говорилъ, что онъ царемъ будетъ въ Москвѣ. Они же на то плевали и въ смѣхъ обращали. А митрополитъ Іона Ростовскій, или слыша о семъ его разговорѣ, или видя необычайно дерзкіе и безчинные поступки сего діакона и знаки злой природы, также и еретическія о вѣрѣ мудрованія,—говорилъ патріарху, что „сей чернецъ діавольскій сосудъ будетъ“. Но патріархъ то не уважилъ. Потомъ митрополитъ Іона не оставилъ донести и самому царю Борису, видя въ немъ продолжающіяся дѣйствія злой при-

роды, и объявить, сказавъ, яко „сей чернецъ самому сатанѣ сосудъ будетъ“. Царь, не уважа сіе, а почитая только, что онъ—безчинный монахъ, велѣлъ его сослать въ Соловецкій монастырь. Но сіе также, какъ маловажное, скоро исполнить пренебрежено. А между тѣмъ чернецъ Григорій, услышавъ о семъ, изъ Чудова бѣжалъ и, бродя по разнымъ монастырямъ, также, яко не нарочно и шутками, проговаривалъ, что онъ царемъ на Москвѣ будетъ. Потомъ, пришедъ въ Москву и подговоривъ двухъ монаховъ, Мисаила Повадина и Варлаама, пріѣхалъ въ Новгородъ Сѣверскій, въ Спасскій монастырь, гдѣ жилъ нѣсколько времени у архимандрита въ кельи, оставилъ записку у постели архимандрита, что „онъ—царевичъ Дмитрій, сынъ царя Ивана Васильевича; а какъ буду, де, на Москвѣ, на престолѣ отца своего, и азъ тебя пожалую за то, что ты меня покоилъ въ обители у себя“. Архимандритъ, сію записку нашедъ и прочитавъ, ужаснулся и, боясь бѣдѣ, скрылъ и никому тогда не объявлялъ. А Гришка пошелъ въ Кіевъ съ монахами и былъ принятъ губернаторомъ Кіевскимъ, княземъ Василіемъ Константиновичемъ Острожскимъ, правовѣрнымъ, и служилъ у него, а потомъ отосланъ въ Печерскій монастырь; другихъ же двухъ монаховъ послалъ въ Польшу въ свой монастырь, въ Троицкій Дерманскій, а по другимъ, въ Спасскій Древлянскій. Но Гришка жилъ въ Печерскомъ монастырѣ безчинно и соблазнительно, и мясо ѣлъ,—что, по тогдашнему времени, весьма примѣчательно, не бывъ еще якобы въ Польшѣ. И потому архимандритъ представлялъ на него князю Острожскому; а князь велѣлъ его наказывать, яко монаха безчиннаго. Свѣдавъ о томъ, Гришка бѣжалъ въ Польшу и, скинувъ съ себя монашеское платье, началъ учиться въ школѣ, въ мѣстечкѣ „Гошу“, въ Чермной Россіи, конечно у іезуитовъ. Потомъ присталъ въ городѣ Брачинѣ къ князю Адаму Вишневецкому въ услуженіе, какъ простой человѣкъ, навыкшій говорить польскимъ языкомъ. И всякаго, какъ пишетъ Лѣтописецъ, „чародѣйства бѣсовскаго исполненъ“. Отъ сего-то времени въ семъ мѣстѣ открылъ самозванецъ свой злой умыселъ. Притворился быть больнымъ, аки уже умирая, призвалъ латинскаго попа, яко для исповѣди, и просилъ попа, чтобы онъ по смерти его погребъ по чину яко царскаго сына, говоря, что онъ ему сей тайны открыть не можетъ; а все, де, у него написано, и писаніе положено подъ его постелю. „Богъ, де, мнѣ уже такъ судилъ, а ты никому о семъ не повѣдай“. А въ письмѣ написано, что онъ—царевичъ Дмитрій, сынъ царя Ивана Васильевича; и его царь Борисъ хотѣлъ убить, но Богъ судьбами Своими его сохранилъ: былъ онъ скрытъ, а вмѣсто его убитъ поповъ сынъ. А скрыли, де, его бояре и дьяки Щелкаловы акибы по приказу еще царя Ивана Васильевича. а какъ они будто не могли его скрыть, то и проводили

въ латинскую землю. Но попъ латинникъ объявилъ то князю Вишневецкому. А князь, услышавъ сіе, по странности случая и по любопытству, тотчасъ пошелъ къ больному и спрашивалъ его о томъ, но онъ ничего не открывалъ. Но князь сильно то письмо взялъ и прочелъ, и изумился и повѣрилъ: поелику уже и притворно больной тоже подтвердилъ. А въ письмѣ писано, что онъ—царевичъ Дмитрій, и прочее, что выше сказано.

Скоро притворная болѣзнь миновалась. А князь Вишневецкій началъ имѣть къ нему уваженіе, какъ къ царевичу, на колесницахъ возить, обучать его приличнымъ знатному человѣку наукамъ и латинскому языку; и вездѣ возить и разглашать, что онъ—Московскій царевичъ Дмитрій, и познакомилъ его съ Мнишекомъ, Воеводою Сендомирскимъ; а сей Мнишекъ принялъ его въ свой домъ. И Мнишекъ, по истинному ли увѣренію, или по хитрости другихъ, или по честолюбію и корыстолюбію, обручилъ за него свою дочь, Марину, дѣвку хитрую, дерзкую и ко всякимъ наглымъ предпріятіямъ приготовленную и обработанную. Учинилъ же обрученіе на договорахъ, для себя весьма выгодныхъ, а именно, чтобъ ей, Маринѣ, бывъ царицею Россійскою, дать въ собственное владѣніе города Новгородъ и Псковъ со всѣми областями, и Россіи въ то не вступаться, и строить тамъ церкви и монастыри латинскіе, бискуповъ и поповъ ставить латинскихъ, и школы завести латинскія, да и во всю Россію ввести вѣру латинскую; а ей самой, Маринѣ, чтобы остаться въ латинской вѣрѣ, и прочія многія выгоды. А тестю своему обѣщалъ отдать княжество Смоленское и Сѣверское со всѣми въ нихъ городами и съ селами и подданными. И сей договоръ самозванецъ подписалъ при многихъ панахъ, и, что особливо примѣчательно, при посланникахъ папскихъ. Обо всемъ этомъ можно обстоятельнѣе, кто желаетъ, узнать изъ нашихъ древнихъ Лѣтописцевъ, а княземъ Щербатовымъ и сіи самыя договорныя граматы напечатаны.

Представленъ потомъ разстрига и королю польскому Сигизмунду, и онъ жалкою своею и плачевною рѣчію старался увѣрить короля, что онъ—царевичъ Дмитрій, сынъ царя Ивана Васильевича, и просилъ его о защищеніи себя, и о помощи доставить ему отцовское наслѣдіе Россійскаго престола. Король тому удобно повѣрить могъ, какъ фанатикъ, руководимый іезуитами и по своему фанатизму старающійся утвердить въ Швеціи папскую вѣру, а черезъ то потерялъ и наслѣдственный престолъ свой въ Швеціи, а разстрига обѣщалъ ввести въ Россію, сію королемъ столь сильно отстаиваемую папскую вѣру; а притомъ, и яко враждебный Россіи, почиталъ сей случай весьма удобнымъ къ произведенію злыхъ, а для себя выгодныхъ противу Россіи намѣреній. Польскій король, надѣвъ на самозванца златую цѣпь и

богато одаривъ, самъ не разсудилъ еще прямо объявить войну Россіи, а подъ рукою панамъ позволилъ помогать разстригѣ въ его предпріятіи; сіе паны приняли съ радостію.

Но, вотъ, и еще Гришкѣ представленъ способъ и того дѣйствительнѣе. Папа Римскій еще сильнѣе былъ въ суевѣрной Польшѣ, нежели самъ король и всѣ паны; а іезуиты, коими Польша была наполнена, и во всѣхъ дѣлахъ пронырцы первые были его орудія, самые хитрые и злопроницательные, они склонили разстригу писать къ папѣ, то есть, какъ Лѣтописецъ нашъ говоритъ, „къ стрыеви (къ дядѣ) антихристову“, прося его покровительства, и обѣщая, ставъ въ Россіи царемъ, съ помощію его, всю Россію привести въ латинскую вѣру. И писалъ письмо къ папѣ на латинскомъ языкѣ, искуснымъ слогомъ, что доказываетъ, что, хотя, можетъ быть, іезуиты и поправили-то, но что онъ и самъ въ семъ языкѣ былъ ненезнающъ.

Такое письмо привело папу въ восторгъ, такъ что, если бы ему и самому сіе выдумывать, то лучше бы вымыслить не могъ.

Тотчасъ, не испытывая ничего, а съ радостію возжелалъ сему повѣрить, или, можетъ быть, ему былъ извѣстенъ весь сего хитраго вымысла ходъ, по всей Европѣ къ государскимъ дворамъ, о семъ разгласилъ, утверждая то, какъ истину; а Польскому королю повелѣлъ за него всею силою вступаться, къ чему король уже и былъ давно расположенъ, и по злобѣ на Россію, и по вѣрѣ своей въ мнимаго намѣстника Христова, и по наущенію іезуитовъ. А притомъ папа прислалъ самозванцу много злата и сребра и прочихъ даровъ.

Отсюду возгорѣлъ весь адъ, и пламя его разлилось по всей Россіи; и тогда, какъ премудро нашъ Лѣтописецъ пишетъ, исполнилось пророчество Іезекіилево, гдѣ и смерть беззаконника назначенована: „и будеши огню ядь, и кровь твоя среди земли твоея проліется“ (Іезек., 21, 32).

Какъ таковое огромное предпріятіе Гришка не могъ ни выдумать, кольми паче въ дѣло произвести, то данъ ему отъ короля въ учителя пѣстунъ езуитъ Гаспаръ Савицкій, и другіе езуиты и законники латинскіе, два бернардины и два езуиты, изъ коихъ бернардины, не предвидя добраго успѣха, яко не ихъ былъ вымыселъ, его оставили; а езуиты вездѣ его препровождали, даже и въ пагубной кончинѣ его не отреклись быть участны.

Все сіе злоумышленіе и отважное предпріятіе не имѣло бъ никакого успѣха, ежели бы внутри Россія была соединена и согласна. Но, по несчастію, вдругъ Донскіе казаки, коихъ усмирялъ царь Борисъ за ихъ разбой и грабительства, въ великомъ множествѣ пристали къ самозванцу и полякамъ.

Самозванецъ съ поляками и съ казаками вступилъ въ походъ въ Россію отъ стороны Кіева и Чернигова, и, чѣмъ далѣе проходилъ, тѣмъ болѣе россійскихъ подданныхъ къ нему приставали, не столько по внутреннему увѣренію, чтобъ признавали его Дмитріемъ царевичемъ, сколько подъ симъ видомъ находя случай къ грабительствамъ. И многіе изгнанные, или бывшіе въ гоненіи отъ царя Бориса, и не бывъ увѣрены, чтобы онъ законно сталъ царемъ, а восхитилъ коварно царство, убивъ наслѣдника престола царевича Димитрія; сіи и сами охотно къ самозванцу приставали, и другихъ склоняли. А потомъ были и такіе, кои были оскорблены и раздражены прежнимъ недавнимъ царя Іоанна Васильевича жестокимъ и лютымъ царствованіемъ и искали, какъ бы ни случилось, мщенія.

Разослалъ разстрига всюду граматы отъ себя и отъ имени короля Польскаго. Отъ себя писалъ, что онъ, царевичъ Димитрій, идетъ на родительскій престолъ, и чтобы они его, какъ законнаго наслѣдника, приняли, а похитителя Бориса свергли бы; а отъ Польскаго короля тоже, что онъ найденъ царевичемъ Димитріемъ, и чтобъ его, природнаго государя своего, приняли и ему бы помогали.

Когда вспомогаемый таковымъ великимъ скопищемъ, самозванецъ еще имѣлъ многіе успѣхи взятіемъ городовъ и побѣдами, то и болѣе, хотя и нехотя, къ нему многіе приставали. А были, конечно, и такіе простосердечные, которые вѣрили, что онъ,—царевичъ Димитрій, и удивлялись судьбѣ Божіей, что столь чуднымъ образомъ его сохранила и всѣ противъ него козни вражіи тщетными сотворила.

ГЛАВА LXII.

Когда до царя Бориса дошло такое страшное извѣстіе, могущее его свергнуть съ престола и весь его домъ истребить, хотя обличаемъ было совѣстью, видя, что за убіеніе царевича Божій неисповѣдимый судъ ему изготованъ; однако, изобрѣталъ всѣ способы возможные, чтобъ сей воспламененный пожаръ утушить.

Посылалъ въ Польшу къ королю и къ республикѣ пословъ и самихъ сродниковъ Гришкиныхъ, съ увѣреніемъ, что онъ—самозванецъ; но тамъ о семъ и слышать не хотѣли,—не для того, чтобъ тому вѣрили; но что почитали сей выдуманный случай весьма удобный къ произведенію злыхъ противъ Россіи намѣреній. О томъ же послано было въ Польшу отъ патріарха и отъ архіереевъ, но столько же мало дѣйствовало. Потомъ уже и войска противъ самозванца были отправлены; но и они или были побѣждаемы, или измѣнили царю Борису, и при-

ставали къ самозванцу; особливо измѣняли начальники и бояре, кои завлекли собою толпы. Напослѣдокъ, царь Борисъ, видя, что и внутри государства многіе начинаютъ вѣрить, что онъ—истинный царевичъ, и противъ его не доброхотно расположены, склоняетъ патріарха и священный соборъ, чтобы по всѣмъ церквамъ, во всемъ государствѣ, провозглашали „царевичу Димитрію вѣчную память, а Гришкѣ Отрепьеву самозванцу проклятіе“. Но и сіе самое въ народѣ, хотя къ закону очень приверженномъ и духовенство очень уважавшемъ, ни мало не воздѣйствовало. Всѣ говодили: „что же дѣлать царю Борису, какъ не сіе, когда его постигъ праведный гнѣвъ Божій? Сіе, де, творятъ патріархъ и архіереи не по своему изволенію, но по повелѣнію его. Аще не сіе Борису глаголати, да чтожъ иное ему творить? мнитъ бо онъ и до нынѣ убита его; но въ его мѣстѣ инъ убіенъ бысть“.

Царь Борисъ, видя, что ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, получая же отвсюду вѣсти, что его войско или побиваютъ, или начальники ихъ измѣняютъ, да и окружающіе его бояре почти всѣ не лучше къ нему расположены,—пришедъ въ уныніе и яко въ отчаяніе, внезапно окончилъ животъ свой. Иные пишутъ, что онъ отравилъ себя ядомъ; а я мню, что онъ былъ отравленъ отъ злодѣевъ, или присланныхъ отъ самозванца, или ту сущихъ, злобныхъ противъ его. Ибо онъ былъ за столомъ и обѣдалъ, и вдругъ тутъ же потекла у него кровь изъ гортани и ушей, и отъ того черезъ два часа скончался. Ежели бъ онъ предпріялъ себя самъ отравить, то, кажется, не выходилъ бы откровенно обѣдать, ибо сіе даетъ думать, что онъ о смерти своей еще не помышлялъ, а случилась она ему противъ его чаянія. Да нѣкоторые именно и пишутъ, что онъ отравленъ бояриномъ Петромъ Басмановымъ, который послѣ былъ у разстриги въ великой довѣренности и вмѣстѣ съ разстригою, защищая его, убитъ. Но какъ бы то ни было, онъ, причявъ святыя Тайны и постригшись, нареченъ Боголѣпомъ, скончался; и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ съ прочими царями. Царствовалъ семь лѣтъ; а всей жизни его было пятьдесятъ три года.

Свойство царя Бориса изъ дѣлъ его видно: былъ чрезмѣрно честолюбивъ и властолюбивъ, и никакого средства не опустилъ, сколько бъ оно беззаконно ни было, чтобъ только достигнуть до царства. Былъ, впрочемъ, государь разумный и хитрый, правосуденъ въ народныхъ дѣлахъ и въ управленіи государства промыслительный. Былъ и набоженъ; но какъ дѣла его не соотвѣтствовали тому, источникъ чего есть истинное благочестіе: то и набожность его должно почитать болѣе наружною, нежели внутреннею. Насчастливо самъ скончался; причинилъ несчастіе и дому своему, какъ скоро увидимъ. Но, ежели бъ все кончилось симъ несчастіемъ, то не имѣли бы мы причины много сожалѣть о томъ.

Но какое отсюда же проистекло несчастіе и всему государству, несчастіе, какого Россія никогда не видала, котораго описаніе и нынѣ безъ слезъ читать не можно! Сіе-то заставляетъ имя царя Бориса воспоминать съ сердечнымъ содроганіемъ.

ГЛАВА LXIII.

По кончинѣ царя Бориса взошелъ законно на Россійскій престолъ сынъ его, Ѳеодоръ Борисовичъ, юноша 16-ти лѣтъ, благоразуміемъ, просвѣщеніемъ и тѣлесною красотою преудобренный, благочестивъ и благонравенъ; въ тогдашнее время невѣжества и грубости, яко роза между терніемъ процвѣталъ. Нареченъ царемъ безъ всякаго противорѣчія, и всѣ ему присягали; но не видно, чтобъ онъ на царство вѣнчанъ былъ. Тотчасъ по присягѣ всѣхъ, посланы въ войско, которое стояло противъ самозванца подъ Кромами, митрополитъ Новгородскій Исидоръ, великій подвижникъ по отечествѣ, и бояре—князь Михайло Катыревъ Ростовскій и Петръ Басмановъ, тотъ самый, который почитается подозрительнымъ въ отравѣ царя Бориса, да и начальство надъ войскомъ имъ же, особливо Петру Басманову, поручено. И митрополитъ Исидоръ нѣкоторыхъ къ присягѣ привелъ, но многіе не пошли и пристали къ самозванцу. Особливо, что измѣнили и самые бояре, два князей Голицыныхъ Василій—да Иванъ, и Петръ Басмановъ, и Михайло Салтыковъ, и къ прелести пристали. А митрополита отъ себя выслали, и съ тѣми боярами и все войско къ разстригѣ присоединилось. А на то смотря, и многіе другіе города на сторону самозванца склонились.

Разстрига сталъ симъ ободренъ и укрѣпленъ, и въ радости таковой пришелъ въ Тулу; а отсюда послалъ въ Москву грамату, которую въ Москву вызвались принести сами Наумъ Плещеевъ, да Гаврила Пушкинъ.

Сія грамата сочинена была самымъ хитрымъ и для всякаго удобопонятнымъ смысломъ. Лукавый злодѣй въ ней объяснилъ, что онъ—царевичъ Димитрій, что чудными судьбами Божіими онъ отъ убіенія сохраненъ, что Годуновъ восхитилъ престолъ, ему не принадлежащій, что чинилъ гоненія боярамъ, и всему народу притѣсненіе тяжкими налоги, и нерадѣлъ о государствѣ, какъ хищникъ и наемникъ, и праведно его Богъ за то внезапною смертію наказалъ. А онъ, какъ природный государь, и отецъ и пастырь, государство свое беречь будетъ, никого безвинно не накажетъ, бояръ будетъ уважать, купцовъ облегчать, крестьянамъ налоги и подати уменьшитъ и всѣхъ прощаетъ, что они противу его возставали, какъ то чинили по невѣдѣнію.

Можно ли подумать, чтобъ сія грамата могла быть сочинена отъ неопытнаго и недавно изъ тьмы возникшаго Отрепьева? Сію самую грамату любопытный пусть прочтетъ въ Лѣтописцахъ нашихъ.

Когда таковая презлая и прелукавая грамата принесена была въ Москву отъ того, который въ Тулѣ былъ огражденъ всѣми войсками и россійскими и польскими, и прочтена была всенародно на площади, на Лобномъ мѣстѣ, народъ весь, какъ пьяный, вознеистовствовалъ и, увѣрясь о самозванцѣ, что онъ—истинный царевичъ Димитрій, призналъ его за такового и всѣ учинили ему присягу, а къ сему пристали всѣ и бояре и воеводы.

И хотя патріархъ Іовъ ревностно противъ того стоялъ и народъ увѣщевалъ, чтобы къ тому самозванцу и злодѣю не приставали; но нимало не успѣлъ. Толикое-то ослѣпленіе, или буйство объяло всѣхъ, или паче гнѣвъ Божій противъ всѣхъ открылся рукою сильною!

А чтобъ патріархъ Іовъ, вмѣстѣ съ прочими, самозванцу присягу учинилъ, какъ пишетъ князь Щербатовъ, ссылаясь на Миллера,—сего за подлинное утвердить не смѣю. Потому, 1) что вѣрить тому не дозволяетъ твердость сего мужа; 2) что въ нашихъ древнихъ Лѣтописцахъ нигдѣ о томъ не упоминается; 3) что въ самое то время, какъ народъ приступалъ признавать Гришку царемъ и присягать, оный патріархъ откровенно старался выводить народъ изъ сего заблужденія и къ присягѣ не допускать. Какъ же патріархъ въ сіе же самое время, или паче, въ тотъ же самый день, съ тѣми, коихъ онъ отводилъ, и самъ вмѣстѣ съ ними присягнулъ бы? 4) что самозванецъ прежде своего въѣзда въ Москву велѣлъ патріарха изгнать и сослать въ Старицу, какъ скоро увидимъ, чего разстрига не учинилъ бы, ежели бы патріархъ ему присягалъ. Таковая присяга первой и высоко отъ всѣхъ почитаемой духовной особы была бы самозванцу подкрѣпленіемъ, а изгнаніе его дало бы народу подозрѣніе на Гришку.

По присягѣ, учиненной царю Ѳеодору, народные возмутители изъ двора царскаго вывели царя Ѳеодора Борисовича, и съ матерью его плачущею, рыдающею и умильно просящею о дарованіи имъ жизни, и съ дочерью царевною, невѣстою Ксеніею,—и отвели ихъ въ свой прежній домъ и посадили за стражу. То же учинили и со всѣми родными Годунова, ограбивъ ихъ дома и имѣніе.

О таковомъ происшествіи тотчасъ послана вѣсть къ самозванцу; а скоро отправлено къ нему въ Тулу и посольство изъ бояръ первыхъ и изъ народа, чтобы просить его на царство и принести извиненіе, что доселѣ противъ его поступали по невѣдѣнію.

Гришка, симъ восхитившись и почитая себя твердымъ на царствѣ, послалъ бояръ убить царя Ѳеодора и съ матерію, а съ войскомъ

измѣнника Петра Басманова и патріарха свести съ престола и послать его въ заточеніе. И посланные, во-первыхъ, привели патріарха въ соборную церковь и начали съ него снимать святительскій санъ. Но онъ не попустилъ сему быть—самъ снялъ съ себя панагію и оную положилъ при образѣ Владимірскія Богородицы, засвидѣтельствовавъ предъ всѣми, что вѣра православная предается еретику и злодѣю; поручалъ Церковь и вѣру и отечество Божіему защищенію и покровительству Пресвятыя Богородицы, проливая источники слезъ. Таковаго великаго и вѣрнаго по Церкви и отечеству поборника, въ общей тьмѣ единаго свѣтильника, вывели изъ церкви русскіе, единой съ нимъ вѣры, измѣнники; одѣли его въ монашеское простое платье, посадили въ телѣгу и послали въ Старицу, въ Успенскій монастырь, на обѣщаніе, то-есть, гдѣ онъ съ обѣщаніемъ принялъ монашество. Итакъ, погашено и единое оставшееся во всенародномъ мракѣ свѣтило.

Потомъ тѣ же измѣнники русскіе умертвили царя Ѳеодора и царицу, его мать Марію, яко агнцевъ непорочныхъ, къ заколенію уже приготовленныхъ. Царицу тотчасъ удавили, а царь Ѳеодоръ, хотя и младолѣтенъ, долго съ убійцами боролся; но когда единъ изъ злодѣевъ, взявъ за тайные его уды, раздавилъ оные, тогда палъ сей неповинный и добродѣтельный отрокъ бездыханенъ. Князь же Василій Голицынъ злодѣйски разгласилъ въ народѣ, аки бы они отравили себя ядомъ. По сей злой разгласкѣ можно заключать, что таковое же ложное разглашеніе въ народѣ пущено и о смерти царя Бориса, аки бы онъ отравилъ себя самъ.

Царевну же Ксенію, отъ страха омертвѣвшую и едва ожившую, постригли и сослали ее во Владиміръ, въ дѣвичъ монастырь. Другіе же пишутъ, что сіе учинено послѣ, а при семъ случаѣ взялъ ее для храненія позорнаго къ себѣ князь Мосальскій.

Сверхъ того, извлекли изъ гроба и тѣло самого царя Бориса, погребенное въ Архангельскомъ соборѣ, и, безчествовавъ оное, вмѣстѣ и съ тѣлами сына его—царя Ѳеодора, супруги—царицы Маріи, погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, что въ Москвѣ, на Стрѣтенской улицѣ. А потомъ тѣла ихъ троихъ такъ же, какъ и царевны Ксеніи, которая гораздо послѣ скончалась, перенесены и погребены въ Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ, по повелѣнію послѣ сего бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго, гробы коихъ и донынѣ видимы, съ надлежащими надписями. А надписи на камняхъ надгробныхъ суть слѣдующія. На 1-мъ камнѣ: „лѣта 7113, іюня въ 10-й день, преставися благовѣрный царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ всея Россіи“.

На 2-мъ: „лѣта 7113, мая въ 1-й день, преставися благовѣрный царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, въ иноцѣхъ Боголѣпъ“.

На 3-мъ: лѣта „7113, іюня въ 10-й день, преставися благовѣрная царица и великая княгиня Марія Григорьевна всея Россіи“.

На 4-мъ: лѣта „7130, августа въ 30-й день, преставися благовѣрная царевна, инока Ольга Борисовна“.

Царь Ѳеодоръ на царствѣ былъ не съ большимъ мѣсяцъ, и тако блаженный, яко тихій овенъ, никоей злобы не имущій, скончался,— о немъ же мнози тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша, за непорочное его житіе и неповинную смерть отъ злодѣя и отъ своихъ подданныхъ измѣнниковъ.

„Зрите“,—восклицаютъ наши Лѣтописцы,—„судьбы Божіи страшныя и праведныя“. Убійца неповиннаго царевича отравленъ, или самъ себя умертвилъ, да и тѣло его изъ гроба безчестно извержено. Сынъ его, хотя неповинный, но за неповиннаго преданъ въ жертву. Мать Ѳеодорова также умерщвлена за оскорбленную и изгнанную мать царевича Димитрія. Дочь, которую царь Борисъ для прославленія своего рода сваталъ за королевичевъ, по оскверненіи злодѣемъ, какъ нѣкоторые пишутъ, пострижена, а чрезъ то лишена, чтобы ей возможно было сдѣлать продолженіе рода отъ крови отца своего. Но паче, очевидно, открылась мстительная десница Вышняго, что царь Ѳеодоръ умерщвленъ не инымъ образомъ, но раздавленіемъ тайныхъ удовъ, ибо они суть вмѣстилище сѣмени къ продолженію рода. Итакъ, неиспытанная судьба попустила обезплодствовать сіе вмѣстилище, дабы сѣмя кровопролитнаго рода Борисова во вѣки исчезло,—хотя Борисъ всячески тщился утвердить родъ свой на престолѣ царскомъ во вѣки.

Сіе служитъ къ увѣренію всякаго, что есть Судяй на земли, и что всякое беззаконіе и преступленіе пріемлетъ праведное воздаяніе.

ГЛАВА LXIV.

Самозванцу не осталось уже никакого препятствія взойти въ царствующій градъ Москву. Вшествіе его въ городъ сей было великолѣпное, сопровождаемое войсками польскими и русскими. Вездѣ его встрѣчали, какъ истиннаго царя, съ радостію и восклицаніями. И духовными встрѣченъ онъ былъ на Лобномъ мѣстѣ съ крестами и святыми образами,— причемъ онъ изъявилъ нѣкоторую наружную набожность; и такъ взошелъ въ царской домъ и сѣлъ на престолѣ, „яко мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ“, въ 1605 году, мѣсяца іюня 20 дня.

Многіе изъ жителей Московскихъ, кои видѣли его прежде въ Чудовѣ и въ Москвѣ въ монахахъ, по лицу узнали его, что онъ есть самый Гришка, бывый іероіаконъ въ Чудовѣ и у патріарха,—и въ своемъ заблужденіи раскаявались и плакали.

Примѣчали же въ немъ и злыя свойства природы. Тѣломъ зѣло невзраченъ и малоростенъ, нравомъ лукавъ, сердцемъ лютъ и зломысленно многословенъ, въ писаніи книжномъ борзозрителенъ, похожъ на древняго Юліана Отступника.

Между многими, не признающими его за царевича Димитрія, паче другихъ монахи вопіяли и разглашали о его самозванствѣ, — почему онъ никогда не хаживалъ въ Чудовъ монастырь, опасаясь быть познанъ отъ монаховъ, бывшихъ его сотоварищей. Самозванецъ, слыша таковыя разглашенія, мучилъ и умерщвлялъ, и въ заточеніе разсылалъ многихъ монаховъ; но многіе изъ нихъ, и при самой смертной казни, въ лицо въ самозванствѣ его обличали. А къ монахамъ приставали и многіе другіе, и такъ же пострадали,—о чемъ пространнѣе читай въ Лѣтописцахъ нашихъ.

Скоро по вшествіи своемъ въ Москву разстрига, бывъ побуждаемъ ни на часъ отъ него не отступающими езуитами, чтобы, по обѣщанію своему и письменному договору, вѣру греко-россійскую истребить, ввести латинскую и Церковь Россійскую покорить подъ нозѣ папѣ, начинаетъ сіе дѣло съ того, что, по совѣту езуитовъ, выбираетъ самъ собою и опредѣляетъ, на мѣсто законнаго и безъ вины изгнаннаго святѣйшаго патріарха Іова, въ патріархи Россійскіе Рязанскаго епископа Игнатія. Сей Игнатій родомъ былъ грекъ и прежде былъ архіепископомъ на островѣ Кипрѣ; по завоеваніи же острова Кипра турками, ушелъ въ Италію и принялъ исповѣданіе Римской вѣры,—оттуда пріѣхалъ въ Россію, въ царствованіе царя Ѳеодора Іоанновича. Царь принялъ его милостиво, какъ выше о томъ было писано, и, не зная его внутренняго коварства и разврата, по сожалѣнію о немъ, какъ о единовѣрномъ и отъ невѣрныхъ изгнанномъ, далъ ему въ управленіе епархію Рязанскую, которою онъ и правилъ до прибытія самозванца. Какъ пришлецъ и наемникъ, и хитрый ласкатель, упреждая другихъ, срѣтилъ самозванца еще на пути, привѣтствовалъ его и всѣхъ, что возвращается на престолъ Россійскій кровь великаго князя Владиміра. Самозванецъ, нашедъ его себѣ подобна, а езуиты, принявъ его, какъ себѣ единонравна и потому къ введенію латинской вѣры удобна,—учинили его патріархомъ, не по избранію духовенства Россійскаго, а единственно по волѣ самозванца и по совѣту езуитовъ.

Отъ сего же лжепатріарха Игнатія самозванецъ и вѣнчанъ былъ царскимъ вѣнцемъ по чину царскому. А при семъ случаѣ при дворѣ говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ езуитъ Петръ Черниговскій. Весьма любопытно было бы сію рѣчь найти.

Между тѣмъ самозванецъ, показуя, что онъ—природный царевичъ Димитрій, и дѣлая видъ, что сожалѣетъ о своей матери и о сродникахъ

своихъ, кои были отъ царя Бориса въ изгнаніи, велѣлъ ихъ всѣхъ возвратить, даже и тѣла убіенныхъ отъ Бориса сродниковъ царскихъ, изъ мѣстъ изгнанія вывести и погребсти съ честію. Мать мнимая признала, что онъ—ея сынъ, по болѣзни ли, или льстясь, вмѣсто изгнанія, пользоваться честію матери царевой, а притомъ и изъ удовольствія—отомстить ненавистной для нея памяти Годунова.

Между прочими освобожденными изъ изгнанія былъ возвращенъ и бывый боляринъ Ѳеодоръ, а по постриженіи Филаретъ Никитичъ Романовъ, ближній сродникъ царя Ѳеодора Іоанновича, по матери его, царицѣ Анастасіи Романовнѣ, супругѣ первой царя Ивана Васильевича, которая Анастасія была Филарету Никитичу тетка родная.

Сего Филарета, аки бы сродника своего, повелѣлъ ложный Димитрій посвятить въ митрополита Ростовскаго, и позвященъ сей великій мужъ; а супругѣ его и сыну Михаилу Ѳеодоровичу опредѣлилъ жить въ Костромѣ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

Разстрига, почитая себя довольно твердымъ на престолѣ, послалъ въ Польшу посольство сватать за себя дочь воеводы Сендомирскаго Мнишки, Марину. И сіе посольство было для Россіи тѣмъ поноснѣе, что Гришка принудилъ всѣхъ знатныхъ духовныхъ и мірскихъ послать въ Польшу грамату, въ коей они признаютъ, что воръ разстрига есть прямой природный государь, царя Ивана Васильевича сынъ,—и благодарятъ за учиненное имъ отъ Польши пособіе, въ возведеніи его на царство.

И хотя, безъ сомнѣнія, многіе, или даже почти всѣ, были иныхъ мыслей о немъ, однако, не убоясь праведнаго гнѣва Божія, а одержимы страхомъ временной отъ самозванца смерти, всѣ архіереи и бояре приложили руки къ оной ложной граматѣ, а чрезъ то не только опорочили себя малодушіемъ, но и подали случай къ большимъ еще Россіи разореніямъ, какъ въ послѣдствіи откроется.

Посему со всякимъ великолѣпіемъ отправлено было посольство, первое лицо коего представлялъ думный дьякъ и казначей Аѳанасій Власьевъ, при коемъ въ Краковѣ и совершено кардиналомъ папскимъ Бернардомъ Мацеіовскимъ обрученіе Марины съ самозванцемъ, въ присутст іи короля польскаго и множества польскихъ вельможъ. По совершеніи же обрученія король не оставилъ подвести ее къ Власьеву увѣщевать, „дабы она старалась защищать и распространять римскую вѣру“; а отъ посла поднесены обрученной пребогатые дары.

Потомъ отправилась обрученная изъ Польши и прибыла въ Москву съ отцемъ своимъ, съ великимъ препровожденіемъ. Обстоятельства, какъ она была принята и встрѣчена, и съ какимъ великолѣпіемъ,—кто любопытный желаетъ знать, тотъ пусть читаетъ въ нашихъ гражданскихъ

повѣствованіяхъ. Скоро по прибытіи въ Москву, она съ Лжедимитріемъ вѣнчана въ соборной церкви лжепатріархомъ Игнатіемъ.

При семъ примѣчать надлежитъ, что нѣкоторые пишутъ, что аки бы Марина при семъ случаѣ бракосочетанія вѣнчана царскимъ вѣнцемъ; а сверхъ того, акибы еще и муромъ помазана въ царскихъ дверяхъ. Это мнѣ невѣроятнымъ быть кажется: ибо 1) въ древнихъ нашихъ Лѣтописцахъ я сего не нашелъ; 2) чтобы царскимъ вѣнцемъ вѣнчать супругъ царскихъ еще въ Россіи тогда, и долгое время послѣ того, въ обыкновеніи не было. А чтобы еще помазанной быть муромъ, то сей обрядъ едва-ли и надъ самимъ Лжедимитріемъ совершенъ: ибо, какимъ образомъ коронованы были Россійскіе государи, сіе мною выше описано изъ древнихъ нашихъ Лѣтописцевъ обстоятельно; но о муропомазаніи тамъ не упоминается. А обрѣлъ я токмо въ первый разъ о муропомазаніи царя Михаила Ѳеодоровича, почему и мню, что какъ, по обряду нашей Православной Церкви, на всѣхъ брачившихся возлагаются вѣнцы, то таковой и на Марину возложенъ; и сей „брачный вѣнецъ“ отъ писателей, особливо иностранныхъ почтенъ „вѣнцемъ царскимъ“. А муропомазаніе, ежели Маринѣ было, то развѣ потому, что прежде вѣнчанія сильно требовали многіе; а особливо Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, настоялъ,—чтобы она прежде браковѣнчанія приняла нашу православную вѣру. Но лжепатріархъ Игнатій, преданный Лжедимитрію и езуитамъ, думать должно, для прекращенія сего спора и для нѣкотораго удовольствія народу, изобрѣлъ сей наружный обрядъ, что, безъ всякаго отрицанія отъ своей вѣры и обѣщанія присоединиться къ нашей Церкви,—помазалъ ее муромъ и тѣмъ успокоилъ мысли другихъ, дая видъ, аки бы она чрезъ сіе помазаніе къ нашей Церкви присоединена. А паче всего, свидѣтельствуетъ о семъ самъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, въ Соборномъ изложеніи, печатанномъ въ Требникѣ въ 7147 или въ 1639, что лжепатріархъ Игнатій, противъ мнѣнія другихъ, ее „не крестилъ, а только муромъ помазалъ“ и обоихъ до святаго причастія допустилъ, а потомъ вѣнчалъ бракомъ; и что Игнатій, въ угожденіе еретикамъ латинской вѣры, первый уложилъ—латинянъ не крестить, а только муромъ помазывать. Хотя извѣсто, что она въ латинской вѣрѣ своей осталась; да и самъ самозванецъ, послѣ сего бракосочетанія, въ наши церкви ходить пересталъ. Между тѣмъ, что дѣлалъ мерзкій самозванецъ? хотя наши древніе Лѣтописцы умалчиваютъ; но другіе новѣйшіе пишутъ, конечно, нашедши то въ единовременныхъ писателяхъ, что Гришка, какъ безпутный и развратный, взявъ къ себѣ несчастную царевну Ксенію, прельстившись ея красотою, но не уваживъ ни мало ея горестнаго и плачевнаго состоянія, растлилъ ея дѣвство и потомъ, насытивъ свою скверную похоть,

отослалъ ее въ монастырь и велѣлъ постричь, которая и наименована Ольгою; а скончалась 1622 года, августа 30 дня, и погребена въ Троицкой Лаврѣ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и матерію и братомъ.

Совершивъ сію плотскую мерзость, злодѣй приступаетъ къ блуду духовному. Чтобы совершить свое намѣреніе и обѣщаніе, дабы истребить нашу вѣру, а ввести папскую, пишетъ паки къ папѣ Павлу V, чрезъ езуита Андрея Иловича, изъявляя свою склонность къ вѣрѣ латинской и обѣщаясь оную ввести въ Россію, говоря, что какъ духоненство, такъ и бояре всѣ слѣпо ему повинуются. И отъ папы на сіе присланы были граматы съ монахами Кармелитанами—Павломъ, Симономъ и Яномъ Винцентіемъ; имѣвъ съ ними частные переговоры наединѣ, онъ отпустилъ ихъ къ папѣ съ богатыми дарами. Сіи граматы напечатаны въ исторіи князя Щербатова. А легатъ папскій въ Польшѣ, Клавдій Рангонусъ, епископъ Реджскій, непрестанно писалъ къ Лжедимитрію о введеніи Римскаго закона въ Россію; и для сего прислалъ къ нему еще четырехъ езуитовъ для лучшаго въ семъ пагубномъ дѣлѣ успѣха, кромѣ тѣхъ езуитовъ, кои при немъ были неотступно.

Бывъ окруженъ таковыми злыми духами, на что не могъ отважиться Лжедимитрій? Конечно его собственной головы на таковой вымыселъ и на производство его стать не могло; но, съ содѣйствіемъ сихъ хитрыхъ духовъ, уже ничто не удивлястъ, ежели онъ предпринималъ все отважное.

Въ угожденіе езуитамъ и чтобы сдѣлать первый опытъ своего предпріятія противъ вѣры нашей, Гришка велѣлъ дать езуитамъ нѣкоторыя Россійскія церкви, чтобы оныя превратить на костелы латинскіе.

ГЛАВА LXV.

Теперь воззримъ, каковы въ сіе пребываніе въ Москвѣ были поступки самозванцевы. 1) Явное имѣлъ онъ пренебреженіе къ вѣрѣ нашей—къ церквамъ и къ духовенству Россійскому, такъ что, когда говорилъ, дабы ввести латинскую вѣру въ Россію, а нашу вѣру истребить, не говорилъ: перемѣнить „вѣру нашу, или Россійскую“, но—„вѣру ихъ“; не говорилъ: обратить въ костелы римскіе „церкви наши“, но—„церкви ихъ“, показывая явно, что онъ не былъ уже вѣры нашей. 2) Когда ему представляли, что онъ нарушаетъ уставы, утвержденные седмью вселенскими соборами, Гришка на то говорилъ: „а что то—за соборы?“ и насмѣхаясь: „соборы, ино-то соборы, можно, де, и осьмому собору быти“; а о латинянахъ говорилъ, что „нѣсть порока въ нихъ“. 3) Когда молебствовалъ въ соборныхъ нашихъ церквахъ, велѣлъ въ

церквахъ играть на трубахъ и на литаврахъ. 4) Рѣдко когда ходилъ въ церкви наши, а по бракѣ своемъ и совсѣмъ пересталъ. 5) Постовъ не содержалъ и церковныхъ праздниковъ не чтилъ, такъ что и свадьбу свою совершалъ наканунѣ Николина дня, и на пятницу. 6) Дозволилъ ходить въ церкви всѣмъ иновѣрцамъ, которые стояли въ нихъ безъ всякаго благочинія, сидѣли, облокотясь на иконы и на самыя мощи, да и собакъ съ собою приводили. 7) Езуитовъ, сихъ враговъ нашей Церкви, при себѣ неотступно содержалъ и имѣлъ ихъ первыми своими совѣтниками. 8) Всю свою довѣренность имѣлъ къ полякамъ, а россійскихъ бояръ пренебрегалъ, кромѣ нѣкоторыхъ измѣнниковъ. Поляки имѣли къ нему свободный входъ, а первые изъ нашихъ бояръ, или имѣли трудный доступъ, или съ безчестіемъ отгоняемы были. 9) Ѣздилъ всегда, бывъ окружаемъ польскимъ вооруженнымъ войскомъ, а своихъ не допускалъ. 10) Каждый день при столѣ его играла музыка, и никогда не ходилъ въ баню, что по тогдашнему времени не иначе могло признаваемо быть, какъ, что онъ—не нашей природы и не русской. 11) Дѣлалъ непрестанные пляски и маскарады, что также, съ обыкновеніемъ россіянъ тогдашняго набожнаго вѣка, было странно и соблазнительно. 12) Даже въ самомъ Вознесенскомъ монастырѣ, когда тамъ была его невѣста Маринка, производилъ пляски, пѣсни и игры. 13) Непрестанно находился въ пьянствѣ и распутствѣ всякаго рода. Кромѣ богомерзскаго поступка съ царевною Ксеніею, осквернилъ и насиловалъ отроковицъ и отроковъ, даже самыхъ молодыхъ монахинь похищалъ къ себѣ. 14) Напослѣдокъ, умыслилъ съ своими совѣтниками—всѣхъ бояръ и знатныхъ людей и, сколько можно, изъ народа истребить; и, какъ князь Хилковъ пишетъ, монастыри передѣлать въ домы, старцамъ допустить жениться, а старицамъ замужъ итти.

По таковымъ свойствамъ и поступкамъ самозванца, кто можетъ повѣрить, чтобы онъ былъ царевичъ Димитрій? чтобы былъ онъ нашей вѣры, или, чтобы былъ россіянинъ?

Всѣ таковые развраты Лжедимитрія, и паспліе, и злодѣйскіе умыслы, съ превеликими притомъ для всей Москвы отъ поляковъ обидами, наглостями, грабительствами и соблазнами, вывели наконецъ россіянъ изъ терпѣнія, и они, учинивъ общее возмущеніе, скоро послѣ сего брака, который былъ отправляемъ со всякими безчинствами, подъ предводительствомъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, сего самозванца убили, какъ онъ того и былъ достоинъ, 1605, или 6 года, маія 17 дня. И мерзское тѣло его прежде съ наруганіемъ отвезли въ убогій домъ, а потомъ, оттуда вынувъ, близъ Москвы на „Котлахъ“ трупъ его сожгли и пепелъ развѣяли. А правилъ онъ восхищенною властію меньше года.

При семъ, отъ праведно возъярившагося народа побито много поляковъ; а Маринка Сендомирская къ несчастію осталась въ живыхъ и съ отцемъ ея, и сосланы подъ стражею въ Ярославль.

Послѣдовало же изверженіе и лжепатріарха Игнатія. Соборомъ духовнымъ онъ лишенъ патріаршества, яко незаконно его похитивый и всѣхъ пагубныхъ предпріятій соучастникъ, и какъ простой монахъ заключенъ въ Чудовѣ монастырѣ.

ГЛАВА LXVI.

При концѣ сего страшнаго происшествія, каковаго въ Россіи не бывало, и по странности его, по ужасамъ, по разорительнымъ и никогда съ такою лютостію и буйствомъ не бывшимъ слѣдствіямъ, и послѣ убіенія самого Лжедимитрія, желается все то разсмотрѣть и, по мнѣнію моему, учинить какое либо заключеніе тому.

Извѣстно, что всѣ Лѣтописцы россійскіе сего самозванца не почитаютъ истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, сыномъ царя Ивана Васильевича, но Гришкою Отрепьевымъ, сыномъ мало знатнаго Галицкаго дворянина Отрепьева, послѣ постриженнымъ и бывшимъ въ Чудовѣ монастырѣ, и у патріарха іеродіакономъ, а по сверженіи имъ съ себя монашества—разстригою. Кто же сей разстрига въ самомъ дѣлѣ былъ? Ибо нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей, да изъ нашихъ новѣйшіе нѣкоторые къ тому пристаютъ, аки бы онъ былъ истинный царевичъ Димитрій. А князь Щербатовъ, хотя въ своей исторіи основательно опровергаетъ всѣ противныя доказательства и утверждаетъ довольно сильно, что онъ былъ не царевичъ Димитрій, но самозванецъ; однако, не оставилъ сказать, что всѣ, имъ присоединенныя, доказательства не столько сильны, чтобъ заслуживали совершенное увѣреніе: остается, де, „почти единое преданіе Россійской Церкви, причетшей убіеннаго царевича Димитрія во святые, которое можетъ увѣреніе учинить“.

Но такимъ образомъ говорить или писать есть противорѣчить самому себѣ и признавать, что Гришка былъ самозванецъ,—и вмѣстѣ о томъ же читателя въ сомнѣніе приводить. Не едино преданіе всероссійской Церкви, причетшей его во святые, есть доказательство, что истинный царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ; но сіе преданіе Церкви потому было основательно, что открылись премногія и неоспоримыя доказательства и обстоятельства, по коимъ всякъ благоразумный и безпристрастный могъ быть увѣренъ, и что царевичъ Димитрій въ Угличѣ былъ убитъ, и что имя его злохитро восхитилъ и себѣ присвоилъ Гришка Отрепьевъ.

Кромѣ многихъ доказательствъ, въ исторіи князя Щербатова написанныхъ, что разстрига былъ не истинный царевичъ, а былъ самозванецъ, и кромѣ опроверженія имъ же всѣхъ тѣхъ доказательствъ, кои дерзнули противное тому утверждать, — служатъ еще сверхъ того доказательствами. 1) Общее и единогласное всѣхъ нашихъ современныхъ писателей увѣреніе, что Гришка былъ самозванецъ, а истинный царевичъ Димитрій въ Угличѣ, по хитрому любочестію царя Бориса, былъ убитъ. Всѣ тѣ современные писатели лучше могли знать и судить о семъ дѣлѣ и о всѣхъ его окрестностяхъ. Были, подлинно, кои самозванца за царевича признавали; но изъ самаго повѣствованія и связи вещей очевидно, что одни дѣлали то по мщенію и злобѣ на царя Бориса, и по жадности къ грабительству, какъ-то Донскіе козаки: они безъ всякаго изслѣдованія о семъ важномъ дѣлѣ тотчасъ, какъ только услышали о имени самозванца, къ нему пристали. Другіе къ тому же приставали отъ страха, видя усилившуюся сторону самозванца, и что противящимся тому предстояла смерть; иные, какъ-то нѣкоторые изъ бояръ, по ненависти къ царю Борису и, находя въ томъ какія-либо свои личныя выгоды, что нѣкоторые и получили. Многіе по простотѣ, нимало не испытывая, а, взирая на другихъ, и сами то же врали, что слышали отъ другихъ. А иностранные нѣкоторые писатели, ежели тоже утверждали, то еще меньше вѣроятія достойны. Извѣстно всѣмъ, какъ въ своихъ повѣствованіяхъ о Россіи иностранцы превратно думаютъ или толкуютъ о нашихъ дѣлахъ: по одному неосновательному слуху, или по пристрастію, или утверждаютъ, или опровергаютъ. Всякъ, кто изъ россіянъ прочтетъ, что иностранцы о Россіи пишутъ, удивится, сколько лжи, сколько превратныхъ толкованій вмѣшиваютъ о томъ, чего у насъ или совсѣмъ не бывало, или и было, но совсѣмъ инымъ образомъ и съ инымъ намѣреніемъ. Такъ не постыдно ли россіянину, чтобъ не вѣрить общему и единогласному повѣствованію своихъ современныхъ писателей, а утверждаться на бредняхъ иностранныхъ? 2) Къ подтвержденію того служитъ одинъ Троицкій монастырь. Онъ приверженъ вѣрностію къ своимъ россійскимъ государямъ, а особливо благоговѣніемъ къ памяти царя Ивана Васильевича: ибо онъ былъ сего монастыря великій благодѣтель и снабдитель, и жаловалъ безпримѣрно. Убіеніе сына его Димитрія происходило въ Угличѣ, въ ихъ сосѣдствѣ; и всѣ обстоятельства онаго, онъ ли убитъ, или кто другой вмѣсто его, не могли быть имъ неизвѣстны. Какъ же они не приняли бы самозванца за истиннаго царевича, за каковаго онъ себя выдавалъ и, забывъ всѣ благодѣянія и милости царя Ивана Васильевича, отвергли бы сына его, и лучше захотѣли бы выдержать почти чрезъ полтора года страшную и смертоносную осаду, нежели признать самозванца за истин-

наго царевича? Впрочемъ, они не были водимы никакимъ пристрастіемъ: не было въ виду ни корыстолюбія, ни честолюбія. Какая корысть, какая честь быть въ осадѣ и ожидать всякій часъ смерти? а признаніемъ и принятіемъ самозванца, конечно, они имѣли бы надежду—корысть или честь получить, или по крайней мѣрѣ остаться безъ всякой опасности, истощанія и страданія. Нельзя сказать, чтобъ они то дѣлали по невѣдѣнію: ибо, ежели какое было тогда просвѣщеніе и знаніе о теченіи дѣлъ государственныхъ, оно было въ монастыряхъ, особливо же въ семъ монастырѣ, какъ-то свидѣтельствуютъ Лѣтописцы, кои почти всѣ писаны въ монастыряхъ. Такъ лучше ли повѣрить Донскимъ мятежнымъ казакамъ, нѣкоторымъ измѣнникамъ боярамъ, водимымъ корыстолюбіемъ и честолюбіемъ, простой черни и, незнающимъ обстоятельно нашихъ дѣлъ, иностраннымъ писателямъ, нежели симъ, осажденіе вытерпѣвшимъ и славно осаду выдержавшимъ, и прочимъ нашимъ безпристрастнымъ и просвѣщеннымъ писателямъ, каковъ былъ Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, мужъ знаменитый по всѣмъ своимъ дѣяніямъ? Всѣ они, увѣрившись въ истинѣ, что Гришка есть самозванецъ, отвергли сего изверга, единственно ревнуя по вѣрѣ и отечеству, и рады были за то свой животъ положить, и многіе положили. 3) Къ многимъ доказательствамъ приложимъ и сіе, что нѣкоторые пишутъ, яко Гришка хотѣлъ тѣло царевича Димитрія извергнуть изъ соборной въ Угличѣ церкви, гдѣ онъ былъ погребенъ; да сіе было и весьма сходственно съ его положеніемъ, ибо, почитая себя царевичемъ Димитріемъ, и—что вмѣсто его убитъ поповъ сынъ, какъ онъ могъ бы терпѣть, чтобъ въ Угличѣ погребеннаго попова сына почитали за царевича Димитрія? Но сіе, столь нужное ему, предпріятіе, просьбою своею не допустила привести въ дѣйствіе мать царевича Димитрія, Марѳа Іоанновна, которая, впрочемъ, самозванца признала своимъ сыномъ такъ, какъ и онъ ее своею матерію. Сіе одно доказательство есть неоспоримо: ибо видимо, что хотя царица Марѳа отъ страха устами и признала самозванца своимъ сыномъ, но въ сердце признавала того, кто былъ убіенъ и погребенъ въ Угличѣ. А иначе, ежелибъ она признавала нелицемѣрно самозванца своимъ сыномъ, то и сама не оставила бы его просить, чтобъ того, какъ попова сына, извергнуть изъ могилы и тѣмъ ее и самозванца не порочить. Какая ей нужда была жалѣть и просить о поповѣ сынѣ? Но видимо, что въ ней иное дѣйствовали обстоятельства, а иное материняя и природная любовь. 4) Когда мощи царевича Димитрія изъ Углича были принесены въ Москву и срѣтены за Москвою всѣми—и царемъ, и духовенствомъ, и народомъ, тутъ была и царица Марѳа. Она неутѣшно плакала и рыдала: конечно, плакала она не о поповѣ сынѣ, но воспоминала и неповинное сына своего убіеніе и совѣстію мучилась, что

прелестника и врага неизвѣстнаго признала своимъ сыномъ. И въ то же время у духовнаго чина просила прощенія и разрѣшенія отъ клятвы, которая Церковію возложена была на самозванцѣ и на всѣхъ его сообщникахъ, что она и получила. Ежели сія слабая жена и въ семъ случаѣ поступила лицемѣрно, то лицемѣрію таковому примѣра сыскать трудно. 5) Ежели вѣрить сему самозванцу, что онъ—царевичъ Димитрій, и что онъ аки бы спасенъ отъ убіенія, а вмѣсто него убитъ другой, то непремѣнно слѣдуетъ вѣрить, что и явившійся послѣ убіенія самозванца, другой, называемый въ нашихъ Лѣтописцахъ „воръ тушинскій“, также былъ истинный царевичъ Димитрій, ибо и о семъ также разглашали, что не Гришка Отрепьевъ убитъ, а убитъ вмѣсто него другой, а онъ самъ чудными судьбами спасся и явился паки, подъ именемъ спасшагося Димитрія царевича. Вымыселъ очень сходенъ, и также почти всѣ и къ сему второму самозванцу пристали и до конца разорили Россію. Но ежели сей второй есть истинный обманщикъ и подставной Димитрій, то и о первомъ очевидная истина повелѣваетъ заключать тоже. 6) Заключимъ сіе словами князя Щербатова, самыми справедливыми, что самозванцу первому и второму, и другимъ многимъ, аки бы они были царевичи,—ни московскіе бояре, ни дворяне, ни народъ (а изъ духовныхъ никто никогда къ нимъ и не приставалъ) нимало не вѣрили; а происходило все то отъ желанія возмущеній, грабежа и отъ буйства народнаго, а въ боярахъ—отъ желанія, кому самому заступить мѣсто ихъ, или не быть подданнымъ равному себѣ, яко-то царю Борису и царю Василію.

ГЛАВА LXVII.

Утверждая общее со всѣми нашими писателями, что Гришка не былъ царевичъ Димитрій, но точный самозванецъ, отваживаюсь изъявить мое новое мнѣніе, что сей первый самозванецъ не былъ и Гришка Отрепьевъ, сынъ дворянина Галицкаго, но „нѣкто подставной“, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или россіянинъ; или, можетъ быть, и самый Гришка Отрепьевъ, сынъ Галицкаго мелкаго дворянина, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный, а не тотъ, каковаго наши Лѣтописцы выдаютъ; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе дѣло происходило, какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только по однимъ наружнымъ и открывшимся обстоятельствамъ, а не проницая въ глубину сего злохитраго и огромнаго замысла.

Итакъ, я мню, что скоро по убіеніи царевича Димитрія многіе поражены были слухомъ о его неповинной смерти, и тѣмъ, что чрезъ

сіе царскій корень пресѣкся, и ненавидѣли царя Бориса, который, чрезъ сіе убійство и чрезъ разныя изгнанія и умерщвленія мужей царскаго рода, самъ сталъ царемъ; и потому было почти общее всѣхъ неудовольствіе и роптаніе. Слыша и видя сіе неудовольственное народа расположеніе, нѣкоторые враждебные и, конечно, изъ поляковъ, какъ всегдашнихъ Россіи враговъ, скоро по убіеніи царевича Димитрія подхватили къ себѣ въ Польшу другого ли кого, или самого Гришку Отрепьева, сходнаго съ лѣтами царевича Димитрія лѣтъ девяти, или десяти, и нѣсколько похожаго на него лицомъ, взявъ его къ себѣ и научивъ его въ Польшѣ наукамъ, латинскому и польскому языку, и вложивъ въ него мысли, чтобъ ему себя назвать царевичемъ Димитріемъ, и, показавъ ему всѣ тѣ способы и хитрости, какими ему сіе дѣло производить, отправили его въ Россію, державъ у себя лѣтъ пять или шесть. И, конечно, отправили не одного, ибо предпріять и производить такое отважное дѣло самъ собою онъ по младости лѣтъ никакъ бы не могъ; а отправили съ нимъ одного, или двухъ изъ хитрѣйшихъ духовъ, кои во всемъ наставляли и руководствовали бы его, и кои, хотя очень скрытно, но неотступно, были близко тамъ, гдѣ онъ находился.

Разсудили же его отправить въ Россію, чтобы онъ тамъ, во-первыхъ, себя открылъ чрезъ разные какъ бы нечарочно разсѣваемые слухи, что онъ и учинилъ, а чрезъ то болѣе дать сему вымыслу вѣроятности, что онъ аки бы не отъинуду вышелъ, но изъ самой средины Россіи.

Что же приговорено, дабы онъ постригся и опредѣлился жить въ Чудовѣ монастырѣ,—и сіе, примѣчается, учинено для того, дабы подъ симъ покрываломъ не столь обратить вниманія на себя и, бывъ близъ патріарха и двора, удобнѣе все высматривать и выслушивать, а чрезъ то дѣлать для себя нужныя примѣчанія и заключенія. Ежели бъ Гришка былъ подлинный царевичъ, то постригъ свой, конечно, онъ учинилъ бы съ совѣта своей матери и ближнихъ сродниковъ, которые никогда не присовѣтовали бы ему постричься, кольми паче посвященну быть во іеродіакона, ибо въ Россіи было тогдашнее общее увѣреніе, что, постригшись, нельзя уже съ себя монашества снять, кольми паче вступить въ какую-либо свѣтскую должность. Видимъ мы сіе, кромѣ другихъ многихъ примѣровъ на Филаретѣ Никитичѣ и на царѣ Васильѣ Ивановичѣ, изъ коихъ перваго, дабы лишить надежды когда-нибудь помышлять о притязаніи на Россійскій престолъ, а другого, лишивъ царствованія, чтобы онъ не почитался уже могущимъ вступить въ правленіе государства, приказали ихъ постричь: перваго—царь Борисъ, а другого—поляки съ измѣнниками русскими.

Но ежели Гришкино дѣло производилось не отъ россіянъ и не отъ людей Россійской вѣры, то они сіе постриженіе почитали за ничто

и нимало не препятствующимъ имѣть требованіе на царскій престолъ, когда бы къ тому возможность и случай открылися.

Положивъ таковое мнѣніе, удобно рѣшить всѣ сомнѣнія и развязать всѣ запутанности, какія въ семъ дѣлѣ встрѣчаются.

Мнѣніе же сіе утверждаю я нижеслѣдующимъ: 1) Совсѣмъ непостижимо, а потому и не возможно, чтобы сыну мелкаго дворянина, въ дальнемъ и дикомъ Галицкомъ уѣздѣ воспитанному, и въ самой младости 14 или 15 лѣтъ сущему, могло придти когда на мысль, чтобы себя почесть и разглашать, что онъ—царевичъ Димитрій. Но положивъ то, что прежде мною сказано, сему быть было возможно и удобно. 2) Положивъ, что онъ былъ царевичъ Димитрій, какую онъ самъ собою надежду имѣлъ бѣжать въ Польшу и тамъ найти себѣ пособіе? Сколько онъ ни былъ молодъ, но не могъ быть неизвѣстенъ, что поляки всегда враждебно были къ Россіи расположены, а потому могъ видѣть,—или когда не онъ, то сродники его, ибо онъ, безъ совѣта ихъ, сего предпріять не дерзнулъ бы,—что поляки его или пренебрегутъ, или умертвятъ, или случай сей подхватятъ, какъ удобный къ разоренію Россіи и къ завладѣнію ея. И то и другое должно было отвратить его отъ сего предпріятія: ибо онъ, провозгласивъ себя царевичемъ, ничего бы не выигралъ для себя, а всѣ выгоды доставлялъ бы однимъ врагамъ Россіи, полякамъ. Можно ли вообразить, чтобы какой-нибудь природный россіянинъ и по-русски воспитанный на сіе отважиться не устрашился? Но положивъ, что уже онъ въ Польшѣ нѣсколько лѣтъ жилъ, и тамъ воспитанъ, и ко всему приготовленъ, и лестно обнадеженъ, и тамошнюю вѣру принялъ, и къ нравамъ ихъ привыкъ, и къ тому призыванъ, или паче веденъ былъ: то все оное удобно статься могло, и онъ въ Польшу шелъ, какъ на готовое. 3) Привязанность самозванца къ вѣрѣ латинской, а пренебреженіе своей, и обѣщаніе торжественное, да потому и стараніе всемѣрное, чтобы всю Россію обратить въ латинскую вѣру и заставить поклонятися идолу римскому, есть несомнительный доводъ, что онъ былъ или не россіянинъ, или и россіянинъ Гришка Отрепьевъ, но еще въ младолѣтствѣ въ Польшу захваченный, тамъ обучившійся и принявшій ихъ вѣру, и къ ней лестными, хотя обманчивыми, надеждами привязанный. Ибо извѣстно, какое было тогда воспитаніе царскихъ въ Россіи дѣтей, да и всѣхъ вообще дворянъ: къ вѣрѣ своей и ко всѣмъ ея обрядамъ они были привержены, даже до суевѣрія; и малымъ нарушеніемъ ея, или обрядовъ ея, зѣло соблазнялись, и всѣхъ, а особливо латинъ, почитали „погаными“. Самозванецъ былъ, конечно, воспитанъ, какъ въ Галичѣ, и малозначущаго дворянина сынъ, въ грубости и невѣжествѣ, и едва ли граматѣ знать могъ: ибо тогда и знатные вельможа многіе граматѣ не умѣли; а сіе невѣжество тѣмъ болѣе

весьма привязывало ко всѣмъ и мелкимъ наружностямъ вѣры. Какъ же царевичъ Россійскій, или хотя дворянскій сынъ, могъ бы оказать такое къ своей вѣрѣ и ко всѣмъ ея обрядамъ пренебреженіе, и къ россійскому духовенству презрѣніе,—такъ, что уже вѣру свою не называлъ „своею“, но вѣрою „ихъ“, т. е., вѣрою русскихъ, а не своею? Но положивъ, что уже онъ въ Польшѣ былъ воспитанъ и тамошнюю вѣру принялъ, и хитрыми внушеніями хитрыхъ учителей преисполненъ,—все то не только неудивительнымъ, но прямымъ изъ того слѣдствіемъ покажется. 4) Сказавъ о тогдашнемъ воспитаніи россіянъ и самыхъ дворянъ, кто не удивится, что самозванецъ, какъ Лѣтописцы намъ пишутъ, „былъ не только искусенъ въ чтеніи, но и въ письмѣ такъ, что патріархъ Іовъ заставилъ его книги у себя переписывать; а еще болѣе, что даже самъ сочинялъ каноны святымъ“. Откуда ему—сія благодать? Отъ Галицкаго ли уѣзднаго воспитанія? да хотя бы онъ и царевичъ былъ, и воспитанъ былъ особо, то едва ли бы достигъ до сего совершенства, чтобы ему самому сочинять каноны святымъ, да еще въ такой младости будучи 17 или 18-ти лѣтъ? Примѣра еще въ Россіи не бывало, чтобы до такого просвѣщенія и царскія дѣти могли достигать, хотя бы воспитаны были по царски, во всякой свободѣ и съ великимъ тщаніемъ, а не такъ, какъ самозванецъ, хотя бы онъ былъ и царевичъ, бывъ въ самыхъ тѣсныхъ и гонительныхъ обстоятельствахъ, и онъ самъ и мать его, и всѣ сродники его? Сіе убѣдительно доказываетъ, что онъ уже въ младолѣтствѣ въ Польшѣ не малое время обучался, и въ наукахъ довольно успѣлъ. 5) Всѣ нравы, всѣ поступки самозванца были совсѣмъ на россіянина не похожіе, любилъ музыку, танцы, заводилъ маскарады, и сіе заводилъ даже въ монастырѣ, не ходилъ никогда въ баню, ѣлъ мясное и въ посты, ѣлъ и телятину. Все сіе, хотя нынѣ по несчастію взошло и въ обыкновеніе, и почитается не предосудительнымъ; но, разсуждая по обыкновенію тогдашняго времени, все сіе почиталось крайне соблазнительнымъ, музыка скоморошествомъ, танцы Иродіадинымъ плясаніемъ, маскарады діавольскимъ преображеніемъ, нарушеніе постовъ басурманствомъ, яденіе телятины недозволительнымъ, а хожденіе въ баню обыкновеніемъ общимъ для всѣхъ. Откуда же россіянинъ и пороссійски воспитанный,—царевичъ ли онъ, или Гришка Отрепьевъ,—такъ вдругъ перемѣнился и всѣ русскіе обычаи оставилъ? Скажутъ, что „онъ сему навыкъ, будучи въ Польшѣ“. Но онъ въ Польшѣ, слѣдуя Лѣтописцамъ, былъ не болѣе, какъ года съ два: ибо онъ убіенъ былъ на десятомъ году возраста своего, въ 1591 году, явно открылся въ Польшѣ въ 1603 году, въ Россію вошелъ въ 1604 году. Какъ же онъ чрезъ столь краткое время обучился бы и польскому и латинскому языку, и ко всѣмъ обычаямъ польскимъ привыкъ, а свои природные

оставилъ и возненавидѣлъ? даже и къ вѣрѣ своей, въ коей родился и воспитанъ, возъимѣлъ бы столь отвратительное расположеніе? Очень мало для сего двухъ лѣтъ времени. Непремѣнно заключить должно, что онъ въ младенчествѣ въ Польшу захваченъ, тамъ воспитанъ и ко всему тамошнему пріобученъ и привыкъ; а свое все или забылъ, или, по долговременной привычкѣ къ польскому, все русское ему отвратительнымъ казалось.

Къ тому же приложить надлежитъ, что онъ безмѣрно и явно былъ сладострастенъ: насиловалъ женъ и отроковицъ, и отроковъ, и младыхъ монахинь, что также не мало ни похоже на воспитаніе россіянъ, а особливо царскихъ дѣтей. И хотя таковые соблазнительные поступки, конечно, не нравились его лукавымъ и злымъ руководителямъ, поелику таковые поступки могли отвратить отъ него россіянъ; но онъ, овладѣвъ Россійскимъ престоломъ и ставъ въ своей волѣ, по своевольному воспитанію и по свойству злой природы, много дѣлалъ и самъ самовольно, не слушая и совѣта своихъ лукавыхъ пѣстуновъ.

Скажутъ на сіе, что „онъ много дѣлалъ, особливо въ разсужденіи вѣры, и нехотя угождая полякамъ и тайнымъ своимъ совѣтникамъ“.

Правда! Но ежели бы онъ былъ царевичъ Димитрій, или Гришка Отрепьевъ, и воспитанъ въ Россіи, и былъ бы только два года въ Польшѣ,—то природа и воспитаніе непремѣнно не оставила бы сколько-нибудь открывать его природной привязанности къ вѣрѣ и къ обычаямъ русскимъ. Невозможно, чтобы чувствіе природы и привычку воспитанія до двадцати лѣтъ совсѣмъ чрезъ два года потушить.

6) Россійскій народъ, видя таковые несвойственные россіянину нравы и поступки самозванца, лучше всѣхъ рѣшилъ сіе дѣло. Слѣдуя не многимъ размышленіямъ, но простымъ чувствіямъ своихъ сердецъ, вопіяли велегласно: „не возможно, чтобы отъ древнихъ ихъ государей происшедшій могъ показывать толикое презрѣніе ко всѣмъ Россійскимъ обычаямъ. Царь еретикъ хуже турки, а не сынъ царя Ивана Васильевича“. 7) Князь Щербатовъ пишетъ, что знатнѣйшіе изъ поляковъ писатели, какъ-то: Піазетскій, Лубенскій, Кобіерцицкій, отчасти о семъ дѣлѣ сомнѣвались и отчасти познавали обманъ, а особливо Іоаннъ Сапѣга, въ то же время объявляли, что ложный Димитрій есть побочный сынъ польскаго короля Стефана Баторія; а другіе, по повѣствованію Миллера, признавали его по рожденію за валаха, а иные за итальянца. Въ подтвержденіе всего вышеписаннаго, прилагаю разсужденіе Гофманна, нѣмецкаго писателя, ко времени самозванцевъ близкаго, напечатанное въ такъ называемомъ лексиконѣ Гофмановомъ, въ томѣ 3-мъ, подъ литерою Р, въ Лейденѣ, въ 1698 году.—Онъ между прочимъ пишетъ:

Psevdodemetrius I. post excessum Theodori, Moscoviam turbavit. Iesuítae in Polonia hoc facinus ausi dicuntur. Habebant illi in Collegio quodam suo juvenem Russum, Otrepievii Bojari cujusdam ab oppido Galitz filium, cui nomen Gregorius Otrepiev, quem a prima juventute praeceptis imperandi ita imbuerunt, ut toti Russiae aliquandiu imposuerit. Is itaque, his artibus inftructus insuperque studiis principis Lithuaniae Adami Visnevicii ac Palatini Sendomiriensis adjutus, post mortem Theodori res suas in Russia eo usque promovit, ut medio tempore moriente Borisso Godenovio ab omnibus pro vero Demetrio, altero joh. Basilidis filio, adeoque haerede împerii susceptus, publice coronaretur, A. C. 1605, die 29 Iun.

„Псевдодимитрій I. по кончинѣ Ѳеодоровой возмутилъ Московское государство. Повѣствуютъ, что езуиты въ Польшѣ сіе злодѣяніе предпріять дерзнули. Имѣли они въ нѣкоторой Коллегіи своей младого юношу, россіянина, Отрепьева, сына нѣкотораго боярина изъ города Галича, коему имя Григорій Отрепьевъ. Они его, отъ самыхъ младыхъ лѣтъ, къ будущей трагедіи изрядно наставили, и правилами, какъ государствовать, напоили такъ, что онъ нѣсколько времени прельстилъ всю Россію. И такъ онъ, сими хитростями наставленный, а притомъ, стараніемъ литовскаго князя Адама Вишневецкаго и старосты Сендомирскаго вспомоществуемый, по смерти царя Ѳеодора, до того въ Россіи дѣла свои довелъ, что (какъ между тѣмъ, восхитившій престолъ, Борисъ Годуновъ умеръ) отъ всѣхъ былъ принятъ за истиннаго Димитрія, за сына царя Ивана Васильевича, и за наслѣдника имперіи, и публично былъ коронованъ лѣта Господня 1605, іюня 29 дня.

ГЛАВА LXVIII.

Утвердивъ, сколько могъ, таковое свое мнѣніе, еще остается вникнуть, кто бъ изъ человѣковъ могъ выдумать такой прехитрый и необыковенный замыселъ? По моему мнѣнію кажется, что сіе изобрѣтеніе было езуитовъ. И сіе доказывается тѣмъ. 1) Извѣстно изъ всеобщей исторіи, какія въ свѣтѣ езуитами были производимы страшныя противъ государей и государствъ предпріятія, единственно по безсовѣстной ревности, чтобъ распространить свою вѣру, а самою вещію папскую и свою власть. 2) Они были и суть всегда орудіями папы, который не спалъ и не спитъ никогда, чтобъ всѣ царства покорить своей власти, подъ лицемѣрнымъ видомъ вѣры. И для того почитаютъ всякіе способы и всякія беззаконныя средства законными, только бы своего намѣренія достигнуть; и для того у нихъ есть правило, что еретикамъ даннаго подъ присягою слова, или договора хранить не надлежитъ. 3) Пер-

вый царь Іоаннъ Васильевичъ по несчастію открылъ папѣ и езуитамъ свободный входъ въ Россію, вздумавъ его просить, чтобъ онъ склонилъ Польскаго короля Стефана Баторія—съ нимъ примириться. Для сего начались съ папою переписки; и онъ прислалъ для сего езуита Антонія Поссевина, который и учинилъ миръ, весьма невыгодный для Россіи, обманывая царя Іоанна Васильевича, а во всемъ хитро держа руку Польскаго короля. Сей езуитъ покушался царя Іоанна привести къ принятію вѣры папской, но въ семъ не успѣлъ; однако, испросилъ позволеніе езуитамъ ѣздить въ Россію. Езуитъ Поссевинъ выдалъ и напечатанную книгу, въ которой предлагаетъ разные способы, какъ въ Россію ввести латинскую вѣру. Между прочими способами выхваляетъ и сей, чтобъ какимъ-либо образомъ уловлять младыхъ отроковъ россійскихъ дворянъ, дабы они у нихъ въ Польшѣ, въ Вильнѣ, обучались наукамъ, гдѣ ихъ наиболѣе расположить къ папской вѣрѣ, а чрезъ нихъ, де, можно будетъ въ томъ учинить успѣхи и въ Россіи; да и уповаетъ, что сей способъ есть надежный, и ожидаетъ недолговременнаго исполненія тому. 4) Сіе знали езуиты въ Польшѣ; и потому можно думать, подхвативъ въ Россіи Гришку ли еще младолѣтняго, или какого другого избравъ свойствъ къ тому удобныхъ, воспитали его въ своихъ школахъ,— и, зная расположеніе россіянъ объ убіеніи царевича Димитрія и о царѣ Борисѣ, вложили въ него мысль, чтобъ открыть себя подъ симъ именемъ, и его въ томъ руководствовали, даже до самаго его погибельнаго конца. Изъ исторіи о самозванцѣ видно, что езуиты къ нему были приставлены, и отъ самого короля онъ порученъ имъ, и никогда отъ него не отступали, даже нѣкоторые съ нимъ вмѣстѣ и погибли. А что самихъ езуитовъ и наставлялъ и въ томъ имъ помогалъ папа,—сіе видно изъ вышеписанной переписки самозванца съ папою, а папы и его посла съ нимъ. 5) Читая исторію о самозванцѣ и вникая въ нее глубокомысленнѣе, представляется, что со стороны Польши не столько думано о землевладѣніи Россіи, или о полученіи отъ ней какихъ-либо для себя выгодъ, а наиболѣе, чтобъ ввести въ нее римскую вѣру; и была война съ стороны Польши, какъ бы нѣкоторая „кроазада“ въ пользу папы и вѣры его. Ибо, ежели бъ Польша имѣла противъ Россіи политическія какія намѣренія, то болѣе старалась бы о завладѣніи Россіи, или объ отторженіи отъ нея нѣкоторыхъ земель, не касаясь до вѣры: ибо знали, что примѣшивать къ тому вѣру, и старую въ Россіи стараться истребить, а новую ввести,—чрезъ сіе они только болѣе бы затрудняли свое предпріятіе, и меньше бы успѣть надѣялись. Неужели всѣ поляки такъ ревностны были, чтобъ ввести истину вѣры Евангельской въ Россію, и только бы о томъ и думать, хотя бы сіе крайне для ихъ политическихъ видовъ было затруднительно и невозможно? Никакъ! поляки

о тотъ мало и думали, но сіе было бъ невыгодно папѣ и езуитамъ. А какъ поляки вѣровали въ папу, яко въ намѣстника Божія на землѣ, а езуиты во всѣхъ дѣлахъ были у нихъ первые дѣятели: то они, по своему суевѣрію и безумію, слѣпо и послѣдовали тому, надѣясь притомъ и свои нѣкоторыя выгоды въ томъ найти. Выключить надобно короля: онъ дѣйствовалъ съ езуитами заодно;—онъ ими былъ окруженъ. Они духъ его настроили, чтобы въ Швеціи, гдѣ послѣ отца своего онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ, удержать папскую вѣру, гдѣ уже введена была вѣра протестантская. Онъ упрямо за сіе стоялъ, и потому престола шведскаго лишился. Лишившись сего, думалъ сіе суевѣрство вознаградить введеніемъ папской вѣры въ Россію; а чрезъ Россію, обращенную къ папству, надѣялся онъ и Швецію себѣ покорить, и езуитское намѣреніе и желаніе исполнить. 6) Убитъ былъ самозванецъ, и убитъ днемъ, въ виду всѣхъ не только россіянъ, но и самихъ поляковъ; и тѣло его было выставлено на площади для зрѣнія и увѣренія всѣхъ. Однако, со всѣмъ тѣмъ, явился другой подъ тѣмъ же именемъ, и явился изъ Польши, говоря, аки бы онъ бѣгствомъ спасся, а убитъ вмѣсто него другой. Не очевидно ли сіе доказываетъ, что и первый умыселъ выдуманъ и приготовленъ въ Польшѣ? А чтобъ его поддержать, и свой предпріятый единожды умыселъ привести къ конечному исполненію, вотъ, выставленъ и другой самозванецъ. А по всему сему никакъ несумнительно, что самозванецъ явился въ Польшѣ не самъ собою, и будто тамъ только случай открылся признать его такимъ и учинить ему пособіе. Нѣтъ! Сіе уже давно было пріуготовано, расположено и обработано. Да и въ тогдашнее время въ Россіи были такого же мнѣнія: ибо въ манифестѣ, обнародованномъ отъ царя Василія Ивановича, именно сказано, что Лжедимитрія „самозванство бысть по совѣту дьявольскихъ и лихихъ людей, которые всегда Московскому государству хотятъ разоренія“. Но князь Щербатовъ, говоря о появившемся изъ Польши второмъ самозванцѣ, вмѣсто убитаго въ Москвѣ, и всею силою помогаемомъ поляками, весьма справедливо пишетъ: „вельможи польскіе были побуждаемы римско-католическимъ духовнымъ чиномъ, а паче езуитами, имѣющими за правило, что всякое преступленіе простительно, когда оно клонится къ распространенію ихъ вѣры; а сими самозванцами льстили себя довести Россію подъ власть папѣ“. Ежели такъ справедливо думать должно о второмъ самозванцѣ: то почему не можно положить самое тоже и о первомъ, что онъ былъ выдуманъ? ибо второе самозванство было только послѣдствіемъ перваго. Не всѣ, конечно, поляки знали сіе, да и нужды не было всѣмъ знать довольно, что нѣкоторые въ маломъ числѣ въ рукѣ своей держали сію страшную машину, и ею двигали по своимъ намѣреніямъ и обстоятельствамъ.

*

ГЛАВА LXIX.

По убіеніи самозванца, возведенъ на престолъ Россійскій царь Василій Ивановичъ Шуйскій, самый тотъ, который возсталъ противъ самозванца и его убилъ. Его избраніе было скороспѣшное, и потому не всѣмъ государствомъ россійскимъ,—а только одними въ Москвѣ, и то не всѣми. Посему онъ нѣкоторыми любимъ былъ, а нѣкоторыми ненавидимъ, особливо многими изъ бояръ: ибо они тяжко сносили быть подданными равному себѣ, воображая, что и они сами не меньше достойны царскаго престола. А народъ къ нему также не весьма былъ расположенъ, во-первыхъ, потому, что онъ присягалъ никого не наказывать безъ совѣта бояръ,—чѣмъ почитали царскую власть ограниченною, и боялись „многоначалія“. Ибо хотя обязательство его было и справедливо, но не хотѣли, чтобъ царь дѣлалъ торжественную присягу, какъ подданный. Притомъ же почитали его и сообщникомъ, или потатчикомъ, въ убіеніи царевича Димитрія, поелику онъ былъ посыланъ для изслѣдованія о семъ убіеніи, и нашелъ, аки бы онъ не убитъ отъ другихъ, а самъ, играя, попалъ на ножъ и зарѣзался. А потому градъ Угличъ за убійство убійцъ былъ раззоренъ, мать и сродники царевичевы разосланы въ ссылки, что аки бы не берегли царевича. Сіе было сущею правдою въ очахъ всѣхъ; однако, оно учинено по ложному слѣдствію, произведенному княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ угожденіе Годунову.

По избраніи скоро и коронованъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій преосвященнымъ митрополитомъ Казанскимъ Гермогеномъ, мужемъ великаго духа и ревности по Церкви и отечеству въ 1606 году, іюня 1 дня.

А скоро послѣ сего достойный святитель, Гермогенъ, по избранію россійскаго духовенства и по изволенію царя, поставленъ въ патріарха всероссійскаго, во время самое бурное вѣрный кормчій корабля Церкви Христовой. А лжепатріархъ Игнатій сверженъ съ престола и заключенъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ. Святѣйшій же патріархъ Іовъ, хотя еще живъ былъ, но не восхотѣлъ возвратитися, яко зѣницы его потемнѣли, и сладостный свѣтъ очей его взятся.

При царѣ Василіи Ивановичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Гермогенѣ вновь учреждена епархія Астраханская, и первый въ ней опредѣленъ архіепископъ Ѳеодосій, съ наименованіемъ „архіепископъ Астраханскій и Терскій“; прежде Казанскіе архіепископы именовались Казанскіе и Астраханскіе, а отъ сего времени—Казанскіе и Свіяжскіе.

Царь Василій Ивановичъ не оставилъ ничего, чтобъ увѣрить весь

народъ россійскій, что бывый самозванецъ былъ прелестникъ и разстрига, что онъ хотѣлъ истребить вѣру, и что царевичъ Димитрій былъ убитъ отъ Бориса Годунова. Для сего, во-первыхъ, всѣ доказательства тому обнародовалъ ясно и основательно. Второе, принесъ мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Москву и положилъ ихъ въ Архангельскомъ соборѣ открытыми, а духовные опредѣлили праздновать въ Церкви россійской память его, яко неповинно пострадавшаго и святаго мученика. Третіе, тѣла Бориса Годунова, сына его Ѳеодора и матери его Маріи изъ Варсонофьевскаго монастыря повелѣлъ перенести въ Троицкій Сергіевъ монастырь, гдѣ они и погребены, какъ выше показано. Въ семъ поступкѣ была нѣкоторая странность, ибо царь почтилъ святые останки царевича Димитрія, но въ то же самое время сдѣлалъ нѣкоторое уваженіе останкамъ и убійцы его.

Все было учинено, дабы возмущенную Россію успокоить; и, кажется, всѣ думали, что убіеніемъ самозванца все утихло. Но, напротивъ, возстала буря несравненно большая первой; и прежнее все было только „начало болѣзней“.

Проявился новый самозванецъ, пришедшій изъ Польши, провозглашая вездѣ о себѣ, что онъ—царевичъ Димитрій, спасшійся отъ убіенія, а вмѣсто него убитъ другой. Пришелъ подъ Москву въ препровожденіи польскихъ войскъ, къ коему многіе изъ русскихъ измѣнниковъ пристали; даже многіе города ему присягнули, и сталъ близъ Москвы въ селѣ Троицкомъ „Тушинѣ“,—а потому и названъ нашими Лѣтописцами „воромъ Тушинскимъ“. А почему сіе зло не утихло, но паче пресильно возгорѣло,—о томъ нельзя сказать лучше, какъ что говоритъ нашъ древній Лѣтописецъ. „Отъ лѣтъ убо святаго Владиміра, крестившаго русскую землю, даже и до днесь змій всепагубный, вогнѣздившійся въ костелѣ Италійскомъ, всегда небесныя звѣзды оттогал, не токмо во Европіи, четвертой части вселенныя, но и на Востокѣ, и Югѣ и Сѣверѣ не почивая гонитъ. И лесть оттолѣ отъ многъ лѣтъ протязуется на Россію. Искусъ его въ посланіихъ благовѣрнымъ княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ обличенъ бысть. Такожде и святыми архіепископы великаго Нова града злый совѣтъ его разорися. И надежная засылка, оболченный волкъ во овчую кожу, шествовавый на осмый соборъ, Исидоръ митрополитъ проклятый погибе же. И Антономъ Поссевинусомъ надѣявся прельстити царя Ивана Васильевича всея Россіи, и той осрамися. А еже многими деньми искій не можетъ обрѣсти, и то неначаемо діаволъ восхитилъ къ поглощенію того насыщенія, самовольне приведе. И уже чаяше конецъ злобѣ изблеванъ видѣти. Но не у еще время временъ, и полъ времене исполнися по откровенію Іоанна Богослова. Тѣмъ же и Господь не отверже насъ“. Дабы не возмнилъ

кто, аки бы все то, что было мною писано о папѣ, есть пристрастно, или горячо, или непристойно и бранно, а потому несправедливо,—я прилагаю при семъ, что о папахъ пишетъ Г. Болтинъ, что уже и въ свѣтѣ издано и напечатано. Онъ, описывая злодѣйскіе и безчиннѣйшіе поступки папъ, описывая безпристрастно и взявъ все то изъ несомнительныхъ историковъ, въ книгѣ, гдѣ возражаетъ на Леклерка, тома II, на страницѣ 266-й, между прочимъ, такъ объявляетъ:

„Увидѣли, что, подъ именемъ намѣстника Христова, непогрѣшительнаго судіи и законодавца, управляетъ ихъ волею и умами опасный обманщихъ, пагубникъ ихъ благосостоянія, врагъ власти государей и спокойства народовъ; и что всѣ его намѣренія и замыслы ни въ чемъ другомъ состоятъ, какъ въ удержаніи народовъ въ невѣжествѣ, въ суевѣріи, въ бѣдности, въ унынiи, въ изувѣрствѣ и заблужденіи гибельномъ и совращающемъ съ пути спасенія. Но сей свѣтъ ученія не многихъ коснулся; большая часть остались въ прежнемъ мракѣ, въ прежнемъ порабощеніи, и не стыдятся донынѣ, по безумной политикѣ, или по неосновательному страху, быть рабами и данниками попу иноплеменнику, имѣющему власть возмущать, по волѣ своей, покой ихъ, водить разумы ихъ на уздѣ, поддѣлывать каждый день новыя статьи вѣрованія, противоборствовать законамъ мудрымъ и учрежденіямъ полезнымъ.

Вонифатій VIII, во время юбилея и предъ многочисленнымъ собраніемъ стекшагося на празднество народа, являлся въ церкви, въ императорской багряницѣ со всѣми приличными къ ней украшеніями, имѣя на головѣ корону, а въ рукѣ скипетръ. И, вынувъ самъ изъ ноженъ мечъ изъ двухъ, предъ нимъ носимыхъ, потрясая имъ, громогласно восклицалъ во всеуслышаніе всему народу: здѣ суть два меча: Петре! виждь твоего преемника; а ты, Христе! зри твоего намѣстника; чтобы тѣмъ показать, что соединяетъ онъ въ особѣ своей обѣ власти, то есть, духовную и свѣтскую, и силою оныхъ можетъ и царствами распоряжать по своей волѣ, какъ епископствами и игуменствами. Вслѣдствіе таковой гордыни, сей же папа утверждалъ, что онъ, яко намѣстникъ Христовъ, имѣетъ власть управлять царей жезломъ желѣзнымъ и разбивать ихъ, яко сосуды скудельничи“.

Сіе описаніе Г. Болтина я беру за самое справедливое и съ истиною историковъ, даже папистическихъ, точно сходное.

ГЛАВА LXX.

Царь Василій, скоро воцарившись, посылалъ посольство въ Польшу, чтобы миръ съ нею утвердить; и потому присланы, но съ хитростію, послы, съ коими и перемиріе учинено, котораго никакъ не держали,

да и содержать не думали, а желали только чрезъ сіе высвободить знатныхъ поляковъ, содержимыхъ въ Россіи. Посему по силѣ сего мира и отпущены, между прочими, и тесть убитаго самозванца Мнишекъ, и жена Лжедимитрія Маринка, по освобожденіи коихъ, Мнишекъ и Маринка, безстыдно и безсовѣстно, пришли въ лагерь къ вору Тушинскому; и Маринка признала его за своего мужа, аки бы отъ убіенія спасшагося, а онъ ее—женою. Кто могъ въ исторіи видѣть или читать столь странныя, безподобныя и страшныя сплетни?

А между тѣмъ явился иной самозванецъ Петрушка, который еще во время Гришки открылся, называя себя сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича, и, съ помощію казаковъ, вездѣ грабилъ и разорялъ. Но много и другихъ явилось самозванцевъ; и многіе ко всякому изъ нихъ приставали, присягали и Россію разоряли. Но я обо всѣхъ ихъ повѣствовать не намѣренъ: поелику до моего предложенія не принадлежитъ; пусть, кто хочетъ, читаетъ гражданскихъ нашихъ Лѣтописцевъ, пусть читаетъ, дивится и содрогаетъ. А я нѣсколько, но кратко, упомяну о мятежахъ и разореніяхъ вора Тушинскаго.

Изъ стана сего вора всюду разсылаемы были отряды польскихъ войскъ, а наиболѣе русскіе измѣнники, и вездѣ истребляли города и селенія и людей огнемъ и мечемъ; и самъ царствующій градъ былъ въ великомъ утѣсненіи и яко въ осадѣ. Царь Василій, хотя предъ Москвой и оборонялся, и всюду разсылалъ войска, но вездѣ почти безъ успѣха, вездѣ его войска были разбиваемы.

ГЛАВА LXXI.

Въ семъ-то несчастливомъ состояніи Россіи воспослѣдовала отъ Тушинскаго вора чрезъ поляковъ осада и Троицкаго монастыря. Ибо поляки говорили: „доколѣ стужаютъ сіи граворонове (грачи), возгнѣздившись во гробъ каменный? и докуду сѣдатые пакаствуютъ намъ повсюду“? Сію осаду, отъ чего она произошла, какимъ образомъ происходила, и какъ окончилась,—описывать я оставлю. Ибо особенная есть о сей осадѣ и напечатанная книга, писанная келаремъ сего монастыря Авраміемъ Палицынымъ, великимъ по всѣмъ дѣяніямъ мужемъ, въ самое то время бывшимъ, коимъ и всѣ тогдашніе въ Россіи мятежи, разоренія и измѣны описаны весьма обстоятельно основательно, и простымъ, но весьма трогательнымъ, слогомъ; и гораздо выразительнѣе и живѣе, нежели всѣ новѣйшіе писатели наши. А только о той осадѣ учиню примѣчаніе слѣдующее. 1) Осада продолжалась годъ и четыре мѣсяца со всею жестокостію, при великомъ осаждающихъ числѣ, коихъ

было болѣе тридцати тысячъ. 2) Батареями пушечными со всѣхъ сторонъ монастырь былъ окруженъ. 3) Приступы къ монастырю и съ лѣстницами были многократные, но безъ успѣху. 4) Изъ осаждающихъ было болѣе русскихъ, единовѣрныхъ намъ, измѣнниковъ, нежели поляковъ; и русскіе вездѣ съ русскими поступали жесточае и безчеловѣчнѣе, нежели поляки, такъ, что самихъ поляковъ то приводило въ удивленіе. 5) На вылазки выходили не только свѣтскіе, но и монахи, и проливали кровь до положенія своего живота, коихъ великое число при семъ случаѣ побито. 6) Тогда былъ архимандритъ Іоасафъ, сей благочестивый по вѣрѣ и отечеству ревностный мужъ, который первый всѣхъ возбуждалъ, всѣмъ управлялъ, всѣхъ ободрялъ и всѣхъ питалъ: ибо всѣ осажденные и съ женами и съ дѣтьми, коихъ было до пятнадцати тысячъ человѣкъ, и со скотомъ, содержались отъ монастыря. 7) Да сверхъ того, въ самое сіе время осады, монастырь и самую отъ поляковъ осаждаемую Москву снабжалъ порохомъ и свинцемъ, по отпискамъ келаря Авраамія Палицына, который тогда въ осажденной Москвѣ находился, какъ душа движущая и оживляющая все. 8) При такомъ сильномъ осажденіи и изъ пушекъ непрестанномъ пораженіи, нигдѣ въ стѣнахъ городскихъ пролома или опроверженія не учинилось; а только пробита дверь желѣзная въ Троицкомъ соборѣ, и остались до нынѣ знаки пушечныхъ ядеръ на образѣ Николая Чудотворца, и на колоколѣ. 9) По освобожденіи же монастыря отъ осады представился монастырь предъ очами всей Россіи, какъ нѣкое чудо, явно Богомъ защищенный и исполненный особаго присутствія Божія. Да и какъ не почесть чудомъ? когда всѣ городы въ Россіи, какъ-то Калуга, Тула, Орелъ, Коломна, Кашира, Серпуховъ, Рязань, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Вологда, Кашинъ, Тверь, Новгородъ и прочіе всѣ или взяты, или разорены, да и самый царствующій градъ захваченъ поляками, и оттуда они уже посылали въ города своихъ правителей, да и два монастыря, Боровскій и Калязинскій, предпріяли было противиться полякамъ и русскимъ измѣнникамъ, но были отъ нихъ взяты, и монахи всѣ въ самыхъ церквахъ избиты; кратко сказать: вся Россія была взята и разорена. Единъ сей Троицкій монастырь, которой поляки называли „лукошкомъ“, а монаховъ „воронами“ („трудно ли, говорили они, сіе лукошко взять и вороновъ передавить“); однако, сіе лукошко цѣло осталось, и вороны стали орлами высокопарными и непреодолѣемыми. Не болѣе ли видимое было пособіе молитвами праведнаго Сергія? Столько-то сильна у Бога вѣра, съ непоколебимою вѣрностію къ отечеству! 10) Ставъ въ Россіи таковымъ чудомъ, монастырь заслужилъ къ себѣ и у самыхъ ожесточенныхъ толикое уваженіе, что, когда при разореніи селъ и деревень и чрезъ то при умноженіи глада, на

всѣхъ дорогахъ явились разбойники, ища себѣ пропитанія,—не было иного способа избавиться отъ рукъ разбойническихъ, какъ и мірскимъ, одѣвшись въ монашеское платье, сказаться, что они—монахи Троицкаго монастыря, или послушники его. Тогда разбойничьи руки ослабѣвали и къ нимъ прикоснуться не смѣли, и ихъ свободными пропускали, почитая, что Богъ, обитающій въ Троицкомъ монастырѣ, поразитъ ихъ внезапу. 11) По блаженной кончинѣ архимандрита Іоасафа, вѣчной памяти достойнаго, преемникъ ему былъ архимандритъ Діонисій, мужъ и благочестіемъ, и ревностію, и благоразуміемъ подобный Іоасафу, или и превосходнѣе его, и заслуживший праведно во святыхъ быти почитаемъ. Онъ всѣхъ умирающихъ отъ голода питалъ, завелъ за монастыремъ для сего особые дома и больницы, и умирающихъ погребалъ со всякимъ человѣколюбіемъ и попеченіемъ отеческимъ. А притомъ и онъ выдержалъ, хотя временную, отъ поляковъ и отъ ихъ королевича Владислава, осаду и нападенія на монастырь. 12) Когда поляки завладѣли уже и самою Москвою, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всюду посылали по городамъ граматы и старцевъ соборныхъ съ тѣмъ разсылали; а иногда и самъ Авраамій въ тѣ мѣста отправлялся, увѣщавая всѣхъ, дабы шли на избавленіе Москвы и всей Россіи. И сіи ихъ граматы столько дѣйствовали, что многіе города того послушали, и, наконецъ, собравшись, Москву отъ поляковъ очистили,—въ каковомъ избавленіи Москвы первымъ, можно сказать, дѣйствующимъ былъ Авраамій Палицынъ. И таковый успѣхъ граматъ ихъ и побужденій тѣмъ меньше удивителенъ, что, какъ Лѣтописцы наши пишутъ, тогда „вся Россія на Троицкій монастырь взирала, яко на солнце". И самымъ дѣломъ, когда между многими явился самозванецъ и въ Псковѣ, какой-то дьяконъ изъ Москвы, изъ-за Яузы, выставляя себя царевичемъ Димитріемъ, и, по непостижимому ослѣпленію, его многіе приняли за таковаго, и присягали,—тогда сей злодѣй прислалъ граматы въ Москву и въ Троицкій монастырь. Въ монастырѣ семъ граматы его оплевали и растерзали, а въ Москвѣ ему многіе присягнули; а нѣкоторые, помысливъ, разсудили не прежде принимать оныя, развѣ когда примутъ то въ Троицкомъ монастырѣ. Но когда изъ монастыря увѣдомлены, что онъ признается ими прелестникомъ, и его граматы отринуты, то и въ Москвѣ принять ихъ отказались. 13) Царь Василій взялъ изъ монастыря до двадцати тысячъ рублей, а потомъ, послѣ уже осады, по истощеніи всей монастырской казны, царь же Василій взялъ еще изъ монастыря сосуды златые и серебряные, и все, что драгоцѣнное ни было, оставивъ малое въ монастырѣ; но посланные ограбили даже до одѣянія монаховъ и служителей. Да и прежде сего царь Борисъ взялъ изъ казны монастырской, яко взаимы на ратныхъ

людей, нятнадцать тысячъ четыреста рублей; а послѣ Бориса Гришка Отрепьевъ похитилъ изъ сего монастыря тридцать тысячъ рублей.

Толикое изобиліе монастыря тѣмъ удивительнѣе, что еще тогда до осады было очень не великое число вотчинъ, какъ видно по крѣпостямъ и граматамъ, въ монастырѣ хранящимся. А прибыло большее число вотчинъ уже послѣ осады, когда многіе, бывъ поражены славою монастыря и видя на немъ небесное особое благоволеніе, притомъ лишась наслѣдниковъ и сродниковъ въ разныхъ мѣстахъ убіенныхъ, посвящали свои имѣнія Богу въ сей монастырь. А наиболѣе вотчинъ прибыло не столько отъ вкладчиковъ, сколько отъ покупки монастыремъ отъ разныхъ людей, ибо тогда монастырямъ не было воспрещено покупать вотчины; также и отъ заемщиковъ, отъ коихъ, когда они у монастыря занимали деньги и закладывали вотчины, а послѣ выкупить не могли, и тѣ вотчины поступили въ монастырь.

ГЛАВА LXXII.

Въ сіе же самое время Троицкой осады, взятъ и разоренъ градъ Ростовъ и люди избиты, съ помощію измѣнниковъ переславцевъ. И великій страдалецъ Филаретъ Никитичъ, митрополитъ Ростовскій, плѣненъ въ церкви соборной, гдѣ въ церкви премногіе избиты; а онъ, по снятіи съ него всего одѣянія, и святительскаго и обыкновеннаго, въ одной свиткѣ отведенъ въ станъ вора Тушинскаго, гдѣ и содержался, доколѣ поляками былъ повлеченъ къ Волоколамску, гдѣ, по разбитіи поляковъ, былъ изъ плѣна высвобожденъ и остался въ Москвѣ. Но и много духовныхъ особъ пострадало за вѣру и отечество. Ѳеоктистъ, архіепископъ Тверскій, мучительски умерщвленъ отъ поляковъ, тоже и архіепископъ Суздальскій въ изгнаніи скончался. А Іосифа, епископа Коломенскаго, приковавъ къ пушкѣ, мучительски, не единократно по городамъ влачили. Тоже много страдалъ отъ поляковъ и отъ шведовъ и Исидоръ, митрополитъ Новогородскій; и мало кто изъ священныхъ отъ тѣхъ бѣдъ избылъ. Читай о семъ прилежно въ нашихъ древнихъ Лѣтописцахъ. Ибо къ чести Россійскаго духовенства самая истина велитъ проповѣдывать, что никто изъ духовныхъ къ самозванцамъ не присталъ. Хотя, боясь смерти, и молчали,—и явно противу того возставать, по малодушію и человѣческой немощи, не дерзали; однако, никто изъ духовныхъ къ самозванцамъ и къ измѣнникамъ не приставалъ, чтобы имъ служить и содѣйствовать. А многіе архіереи, монахи же почти всѣ, явно обличали самозванцевъ и имъ не покорялись, и чрезъ то многіе испили смертную чашу; однако, оставили по себѣ вѣчную

память и подали явное доказательство, колико твердая подпора государства есть духовенство.

Одинъ лжепатріархъ Игнатій присталъ къ Гришкѣ, но и тотъ грекъ, а не россіянинъ; да и объ Игнатіи справедливо должно признать, что хотя онъ, какъ пришлецъ и иноплеменникъ, ласкалъ разстригѣ и во всемъ ему угождалъ; но нигдѣ въ Лѣтописцахъ не видно, чтобы онъ злымъ его намѣреніямъ содѣйствовалъ своими представленіями, или бы отъ него въ какой совѣтъ былъ употребляемъ.

Хотя отъ осады Троицкій монастырь, съ помощію Божіею, освободился, но Москва была въ тѣсной осадѣ отъ поляковъ. И по другимъ городамъ были страшныя разоренія и мученія отъ поляковъ, и отъ самозванца Петрушки. Царь Василій хотя старался всюду разсылать войска для отогнанія непріятелей и для защищенія, но вездѣ почти безъ успѣха. Въ такой крайности царь Василій прибѣгъ къ Швеціи и къ другимъ государствамъ, прося помощи, которая и дана была, и нѣсколько времени съ нашими войсками шведы намъ помогали, подъ предводительствомъ мужественнаго и благоразумнаго военачальника князя Михаила Васильевича Шуйскаго Скопина. Но и сіи шведы послѣ измѣнили: Новгородомъ завладѣли, всю Новогородскую область разоряли не меньше поляковъ, и нѣкоторые города отъ Россіи отторгли и ими завладѣли. То же творили и татары Крымскіе, призванные на помощь.

А между тѣмъ измѣнники русскіе отворили полякамъ и городъ Москву; и поляки, взявъ ее въ руки, всѣхъ жителей въ Москвѣ нещадно рубили, такъ, что трупы лежали кострами, и кровь лилась потоками. Поляки же и Русскіе мятежники свели царя Василія съ престола, и насильно его постригли. Хотя противъ всего того твердо стоялъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ; но они его не послушали; и какъ царь Василій монашескаго обѣщанія при постриженіи давать не соглашался, то вмѣсто его обѣщанія отвѣты чинилъ князь Тюфякинъ. Посему патріархъ царя почиталъ не постриженнымъ, но царемъ; а князя Тюфякина, проклиная какъ въ постриженіи отвѣтствовавшаго, почиталъ монахомъ. По постриженіи же царь Василій заключенъ въ Чудовѣ монастырѣ, а супруга его, царица Марія, также насильно пострижена въ Вознесенскомъ монастырѣ; а оттуда сослана въ Суздаль въ Покровскій монастырь. Потомъ, завладѣвъ Москвою, поляки отправили царя Василія, снявъ съ него черническое платье, къ королю польскому, подъ Смоленскъ, который его съ братьями отослалъ въ Польшу, въ Варшаву, подъ крѣпкою стражею, гдѣ и умре, или умерщвленъ и погребенъ на полѣ подъ Варшавою; и поставленъ надъ могилою его столпъ, на коемъ положили надпись на всѣхъ языкахъ, что тутъ ле-

житъ царь Московскій, позорствуя вѣчнымъ стыдомъ Россію. И такъ, самими русскими,—о стыдъ и срамота!—свой царь въ плѣнъ врагамъ отданъ произвольно. Но послѣ сіе безчестіе Россіи нѣсколько поправлено: ибо при слѣдующемъ царствованіи царя Михаила Ѳеодоровича съ поляками учиненъ миръ, и тѣло царя Василія перенесено изъ Польши въ Москву, положено съ честію въ Архангельскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ предшественниками его царями. Однако, оный поругательный столпъ стоялъ до нашихъ временъ, до 1794 года, и уже по взятіи Варшавы княземъ Суворовымъ оный столпъ разрушенъ, къ обрадованію нашихъ очей и слуха.

Завладѣвъ же Москвою, поляки всѣмъ управляли; а согласившись съ ними, мятежники русскіе выбрали на царство Россійское сына польскаго короля, королевича Владислава, коему всѣ и крестъ цѣловали. И хотя святѣйшій патріархъ зѣло тому противился; но, видя общее всѣхъ на то согласіе, принужденъ былъ на то согласиться такъ же, какъ и преосвященный митрополитъ Ростовскій Филаретъ Никитичъ,—однако, съ тѣмъ, чтобы королевичъ крестился въ нашу православную вѣру. И потому избрали отъ патріарха сего самого митрополита Филарета и изъ многихъ бояръ посольство, и оное отправили къ польскому королю, который тогда стоялъ подъ Смоленскомъ и оный осаждалъ. Отъ пословъ король требовалъ, чтобы они писали въ Смоленскъ, дабы городъ ему сдали, и на какомъ основаніи быть королевичу царемъ въ Россіи,—отдались бы на его волю, довольно открывая свою мысль, что ему желалось, дабы Россія была не особое государство, но съ Польшею соединенное и ей подвластное, и чтобы королевичъ остался при своей вѣрѣ, и оную и во всю Россію ввелъ. Послы, а особливо митрополитъ (ибо нѣкоторые изъ пословъ измѣнили и къ королю пристали), никакъ на то не соглашались. О Смоленскѣ говорили, что, когда будетъ королевичъ на Россійскомъ царствѣ, то и Смоленскъ, говорили, и все его будетъ; а о королевичѣ требовали, чтобы принялъ онъ нашу вѣру, и отъ Польши ничѣмъ бы не зависѣлъ. Король, бывъ раздраженъ симъ, отдалъ митрополита и пословъ подъ стражу, гдѣ всякою нуждою были томимы, и въ семъ томленіи пребыли девять лѣтъ, даже до царства Михаила Ѳеодоровича, сына митрополита Филарета.

ГЛАВА LXXIII.

Между тѣмъ самозванецъ, воръ Тушинскій, отъ князя Урусова въ Калугѣ былъ убитъ и погребенъ съ честію отъ калужанъ; а Марина, мнимая его жена, имѣя отъ него сына Ивашку, осталась одна

„сука“, какъ пишетъ Лѣтописецъ, съ однимъ „щенятемъ“. Но сія сука съ щенкомъ еще много зла причинила Россіи подъ руководствомъ Заруцкаго, предводителя казаковъ,—какъ послѣ увидимъ.

А Москва оставалась въ несчастнѣйшемъ и превратнѣйшемъ положеніи: ибо поляки, всѣмъ управляя, всю казну истощевая и всюду на города своихъ правителей разсылая, положили—жителей ся всѣхъ истребить мучительски. Поляки и измѣнники русскіе, особливо Михайла Салтыковъ, требовали, чтобы написать граматы къ королю польскому, что они полагаются во всемъ на его волю и присягать согласны на имя короля,—и о томъ и къ посламъ русскимъ писать. Склоняли къ тому всемѣрно патріарха Гермогена; но сей непоколебимый столпъ вѣры, хранитель Россійской Церкви, истинный сынъ отечества, никакъ на то не соглашался, а требовалъ, чтобы только принять королевича, и чтобы онъ принялъ вѣру нашу; а до короля и до Польши никакого дѣла не имѣть, и чтобы они польскихъ людей всѣхъ изъ Россіи вывели. А иначе ни самъ онъ не соглашается, ни духовнымъ властямъ рукъ прикладывать не дозволяетъ, а пристающихъ къ сему злому умыслу проклинаетъ. Злодѣй Салтыковъ на сіе вынулъ ножъ и хотѣлъ патріарха зарѣзать; но онъ, не устрашившись, воздвигъ противъ него крестное знаменіе, глаголя: „сіе крестное знаменіе противу твоего ножа да будетъ, и буди ты проклятъ и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“!.. Но бояре не послушали патріарха: граматы по своему умыслу къ королю послали. Король, получа сіе, требовалъ отъ пословъ Россійскихъ на то согласія; но митрополитъ Филаретъ никакъ на то не согласился, говоря, что и св. патріархъ и прочіе архіереи къ тому не подписались. За сіе его и прочихъ пословъ король велѣлъ содержать въ большой тѣснотѣ.

Слыша таковое утѣсненіе Москвы отъ поляковъ и разореніе по многимъ Россійскимъ городамъ, къ Москвѣ многіе начали собираться, особливо въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы Москву отъ заразы польской очистить. А поляки, симъ смущаясь, побудили бояръ нашихъ, а перваго Михайлу Салтыкова, чтобы шли къ патріарху и уговорили его, дабы онъ къ идущимъ на освобожденіе Москвы людямъ писалъ, чтобы они къ Москвѣ не приходили и воротились назадъ, и угрожали ему смертію. Но сей, крѣпкій вѣрою, израильтянинъ говорилъ небоязненно: „я васъ не боюсь, а боюсь единаго Бога. Я къ нимъ буду писать, что буде ты, измѣнникъ, съ Литовскими людьми изъ Москвы выйдешь, и я не велю имъ къ Москвѣ ходить; а буде вамъ сидѣти въ Москвѣ, и я ихъ благословляю за православную вѣру пострадати“. Они же, слышавъ сіе, безчестили и ругали его, и, лишивъ всего, отдали за стражу въ Чудовъ монастырь, и никого не велѣли къ нему пускать, гдѣ сего

праведника голодною смертію и уморили 1612 года; и погребенъ страдалецъ въ Чудовѣ монастырѣ.

И такъ скончался великій подвижникъ, святый мученикъ, положивый душу свою за непокорныя овцы своя, яко истинный подражатель Христовъ и единый, въ тогдашней мрачнѣйшей нощи, сіявый, яко звѣзда утренняя!

Былъ мужъ словесенъ, въ Божественныхъ словесѣхъ присно упражняшеся, и вся книги ветхія и новыя благодати, и правила законныя до конца извыче; достоинъ отъ отечества вѣчнаго прославленія, а отъ Церкви Россійскія со святыми величанія!

По изверженіи же святаго патріарха, паки возвели на патріаршество прежняго изверженнаго лжепатріарха Игнатія. Поляки и съ ними русскіе измѣнники, видя, что патріархъ, и на него взирая и духовенство, къ нимъ не пристаетъ, и боясь, чтобы внутри Москвы народъ не присталъ къ нимъ, а внѣ Москвы слыша, что ратные люди Россійскіе идутъ къ очищенію Москвы, вздумали адское предпріятіе, чтобы въ Москвѣ жителей вездѣ перерубить и градъ сожечь,—каковый злый умыселъ въ дѣло произвели во вторникъ на Страстной недѣлѣ. Заперши Кремль и Китай и Бѣлый городъ, начали всѣхъ рубить, а домы и посады жечь, изъ коихъ первый былъ бояринъ Михаилъ Салтыковъ, столь ожесточенный, что самъ первый зажегъ свой домъ, и купецъ Ѳеодоръ Андроновъ,—и учинили толикое кровопролитіе, что, по повѣствованію нашихъ Лѣтописателей, по всѣмъ рядамъ и улицамъ выше человѣка лежали груды трупа человѣческаго посѣченнаго. И хотя нѣкоторые вѣрные изъ россіянъ, пришедшіе къ Москвѣ, а особливо князь Димитрій Михаиловичъ Пожарскій, великій и храбрый мужъ, противились тому и нѣсколько побивали поляковъ, заняли и нѣкоторыя мѣста въ Москвѣ; но польскіе люди внутри города еще держали и осаду выдерживать готовились. А князь Пожарскій, изнемогшій отъ ранъ, отвезенъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, и оттуда въ Нижній-Новгородъ свою отчину.

Въ семъ монастырѣ, услышавъ, такую прегорестную вѣсть изъ Москвы, подвигнулись всѣмъ сердцемъ и душею архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицинъ, разжигаясь ревностію: разсылали во всѣ города граматы и нарочныхъ посылали, увѣщевая самымъ сильнымъ и трогательнымъ образомъ, чтобы шли на избавленіе несчастной Москвы и на помощь отечеству.

Сіи граматы вездѣ зѣло подѣйствовали, особливо же въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но какія же открылись Божіи неисповѣдимыя судьбы? Отъ ничтожной твари, отъ самозванца Гришки, вся Россія возмутилась и и разорилась; но она же отъ человѣка самаго низкаго состоянія по-

лучила случай къ избавленію. Въ Нижнемъ-Новѣгородѣ одинъ мясникъ Козьма Мининъ, прозваніемъ Сухоруковъ, жарко возревновалъ о томъ и своей низкой братіи предложилъ, чтобы итти на избавленіе Москвы. Слыша то, его собратія изумились, почитая невозможнымъ, чтобы имъ произвести такое великое дѣло; а притомъ предлагали, что для сего надобно великое пособіе къ содержанію ратныхъ людей. Сей новый герой возопилъ: „все свое имѣніе, какое есть, на то употребимъ; а притомъ заложимъ женъ и дѣтей“.

Богомъ движимые, всѣ присоединились къ Козьмѣ Минину, да и письменный приговоръ учинили, что не токмо у нихъ животы имати, но и женъ и дѣтей закладывати, и казну ратнымъ людямъ давати. А въ военачальники избрали и принять склонили славнаго, вѣрнаго воина, князя Димитрія Михаиловича Пожарскаго, онаго отъ ранъ изнемогающаго. Онъ принялъ, и всѣ согласились; и, шедши по городамъ, вездѣ ихъ воинство умножалось, и со многихъ городовъ къ нему приходили, и казну носили. Потомъ въ великомъ числѣ черезъ Кострому, Ярославль, Ростовъ и Переславль пришли въ тотъ Сергіевъ монастырь, духомъ коего они возбуждены и оживлены были. Здѣсь, принявъ благословеніе и окропленіе святою водою отъ архимандрита Діонисія, все войско пошло къ Москвѣ и, соединившись съ прочими ратными вѣрными россіянами, взявъ съ собою келаря Авраамія Палицына, наконецъ, по многихъ битвахъ Москву отъ поляковъ очистили и измѣнниковъ изгнали, и въ единыя руки вѣрныхъ россіянъ Москву приняли,—гдѣ также много содѣйствовалъ келарь Авраамій Палицинъ. Онъ, видя между ратными, избавляющими Москву, людьми раздоры и несогласія, и наклонность къ междоусобію, и справедливо опасаясь, чтобы все дѣло не погибло, примирялъ, ободрялъ ихъ и даже, къ примиренію ихъ, истощевалъ церковныя и ризничныя вещи Троицкаго монастыря. И посылали изъ монастыря много пороху и свинца. И такъ, между прочими, наибольшею въ избавленіи Москвы славою и благодарностію одолжена Россія князю Димитрію Михаиловичу Пожарскому, великому и достопамятному мужу Козьмѣ Минину, и Троицкому монастырю и келарю его Авраамію Палицину.

Въ сіе же смутное время король польскій взялъ Смоленскъ, и полонилъ храбраго и вѣрнаго защитника, боярина Михаила Борисовича Шеина, котораго, пытавъ, содержали въ томленіи 9 лѣтъ. Мужъ достойный вѣчныя памяти! Начальники же, избавляющихъ Москву, войскъ начали думать, чтобы избрать на Московское государство въ государя—шведскаго королевича Филиппа, а казаки хотѣли избрать сына Калужскаго убитаго самозванца. А мать его, Маринка и съ сыномъ, были тогда на Коломнѣ.

А въ Новѣ-городѣ разоряли Шведы и довели до такой крайности, что Новгородцы согласились выбрать на Россійское государство шведскаго королевича Филиппа,—для чего прислали отъ себя въ Ярославль къ собравшимся войскамъ, чтобы они на сіе согласились. Сіи войска, имѣя между собою несогласіе, вызвали изъ Троицкаго Сергіева монастыря бывшаго Ростовскаго митрополита Кирилла, чтобы онъ былъ на прежнемъ своемъ престолѣ. И онъ, по челобитью ихъ, пришелъ въ Ярославль, и ихъ укрѣплялъ, и всякія несогласія примирялъ; а присланнымъ изъ Новгорода,—съ согласія бояръ, ратныхъ людей и народа,—отвѣчалъ, что они согласны принять королевича шведскаго Филиппа на Россійское государство, только бы онъ принялъ православную нашу вѣру. А сіе писали только для того, чтобы шведы не помѣшали итти на очищеніе Москвы; а того у нихъ и въ думѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца, но избрать изъ Московскихъ родовъ государя на всѣ Русскія государства.

ГЛАВА LXXIV.

По многихъ браняхъ и междуособіяхъ очистивъ Москву отъ враговъ польскихъ, взошли въ Кремль съ крестами, въ предшествіи архимандрита Троицкаго Діонисія; а изъ Кремля встрѣчалъ Галасунскій архіепископъ Арсеній грекъ, который, находясь въ служеніи при одномъ Архангельскомъ соборѣ, именовался Архангельскимъ, съ образомъ Владимірскія Богородицы. Всѣ проливали слезы отъ радости, благодарили Бога—Избавителя и проповѣдывали Его величіе и чудеса.

Сіе слышавъ, польскій король самъ пріѣзжалъ близъ Москвы, но, по многихъ безуспѣшныхъ бояхъ, со стыдомъ отошелъ; и въ принятіи сына его, королевича, ему отказали. Такой же отказъ послали и въ Новгородъ къ шведамъ, что они королевича ихъ не примутъ, и что у нихъ и въ мысли нѣтъ того, чтобы взять иноземца на Московское государство.

Притомъ и англичанамъ, пришедшимъ въ Архангельскъ, на помощь Москвѣ, отказали съ благодарностью, сказавъ, что Москва, съ Божіею помощію, и своими людьми отъ враговъ избавилась.

Кто хочетъ обстоятельно знать, какія были возмущенія, разстройства, разоренія, мятежи, кровопролитія, буйство, измѣны отъ враговъ Россіи, а паче отъ своихъ, въ сіе время самозванца и многихъ таковыхъ же, коихъ было до семи,—тотъ пусть читаетъ нашихъ древнихъ о семъ повѣствователей, кои обстоятельнѣе, живѣе, трогательнѣе и простосердечнѣе писали, нежели всѣ наши новѣйшіе Лѣтописатели.

Должно же, конечно, прочитать ихъ. Ибо таковаго великаго несчастія не только никогда въ Россіи не бывало, но, по странности буйства и превратa, едвали гдѣ индѣ когда въ какомъ-либо государствѣ. Ибо я все, хотя вѣрно описывалъ, но въ самой краткости—одно существенное содержаніе.

По очищеніи Москвы отъ враговъ иноплеменныхъ и отъ своихъ, управляли государствомъ бояре и воеводы и сущіи отъ Синклита. Обрѣтши все разсѣяннымъ, опроверженнымъ, ограбленнымъ, оскверненнымъ, во-первыхъ, освятили святыя церкви, потомъ разрушенное по возможности поправляли.

Но какъ и между сими правителями совершеннаго согласія не было, а казаковъ развратныхъ и мятежныхъ было великое число; и они, не бывъ удерживаемы настоящею властію и страхомъ, всѣ города, села и деревни вездѣ грабили, насиловали и мучили сугубѣе перваго.

Таковое продолжаемое зло побудило послать во всѣ грады Московскаго государства, чтобы ѣхали въ царствующій градъ, на избраніе царя митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ, и всякаго чина и состоянія люди. И во-первыхъ, опредѣлено, чтобы всѣ христіане постились три дня и молили благаго Бога, дабы даровалъ государя праведнаго и благочестиваго, чтобы избраніе было Его, Царя царствующихъ, а не отъ человѣковъ. Итакъ, постились три дни, не ядше, не пивши, съ женами, и съ дѣтьми, и съ сосущими млеко младенцы.

Потомъ приступили къ избранію, опредѣливъ, чтобы каждый чинъ особо подалъ письменное свое избраніе. По сему многіе дворяне и гости разныхъ городовъ, атаманы и казаки приходятъ къ Авраамію Палицыну и представляютъ ему свое на письмѣ избраніе, прося, чтобы онъ предложилъ его общему собранію. Старецъ возрадовался и, прослезившись, то ихъ избраніе письменное предложилъ священному собору и Синклиту. Соборъ, увидѣвъ сіе избраніе, также и другаго каждаго чина особыя писанія таковыя же, даже и изъ другихъ городовъ присланныя,—удивились, что обще всѣ избираютъ единаго, на что и духовные, и бояре, и всѣ согласились, почитая сіе избраніемъ „Божіимъ“, а именно Михаила Ѳеодоровича, племянника царя Ѳеодора Ивановича, сына бывшаго великаго болярина Ѳеодора Никитича Романова, тогда же за отечество въ Польшѣ страждущаго, преосвященнаго митрополита Московскаго Филарета Никитича.

По таковомъ общемъ согласіи посылаютъ на Лобное мѣсто Рязанскаго архіепископа Ѳеодорита, Новоспасскаго архимандрита Іосифа, келаря Авраамія Палицына и боярина Морозова вопросить о томъ все воинство и весь народъ. И они всѣ и прежде еще вопіяли: „Михаилъ Ѳеодоро-

вичъ Романовъ да будетъ царь и государь всея русскія державы". И тако въ Москвѣ и вездѣ бысть радость и веселіе великое; и въ соборной церкви совершили благодарственное вышнему Царю царей молебствіе со звономъ и со слезами. И сіе бысть въ 1613-мъ году, а было тогда избранному государю 16 лѣтъ.

ГЛАВА LXXV.

Какъ избранный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, съ матерію своею, государынею инокою Марѳою Ивановною, то съ Москвы отъ всѣхъ чиновъ отправлены въ Кострому: архіепископъ Рязанскій Ѳеодоритъ, архимандриты—Чудовскій Авраамій, Спаса Новаго Іосифъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, и многіе изъ бояръ и изъ другихъ чиновъ. Пріѣхавъ, едва умолили они матерь цареву, чтобы она согласилась благословить сына на царство: ибо она, видя единаго сына, и того младолѣтняго, почитала его немогущимъ понести столь великое бремя и боялась, чтобы въ столь бурное время не предать его на жертву. Однако, напослѣдокъ, бывъ преклонена моленіемъ всѣхъ, а паче архіепископа и келаря Авраамія благоразумнымъ оборотомъ, согласилась. И тотчасъ возложенъ на него крестъ царскій, врученъ въ руку скипетръ и поставленъ на царскомъ мѣстѣ въ соборной церкви того монастыря, и провозглашенъ царемъ и самодержцемъ всея Россіи съ молебнымъ пѣніемъ. Потомъ вскорѣ отправляется въ путь и, бывъ въ Троицкомъ монастырѣ и опочивъ тутъ цѣлую недѣлю, съ благодарственнымъ и радостнымъ о немъ по церквамъ моленіемъ,—прибылъ въ Москву, гдѣ встрѣченъ отъ всѣхъ съ великимъ радостнымъ восторгомъ.

По прибытіи же скоро, по умоленію всѣхъ чиновъ, вѣнчался и царскимъ вѣнцемъ въ Москвѣ, въ соборной Успенской церкви, рукою преосвященнаго митрополита Казанскаго Ефрема и всѣмъ священнымъ соборомъ, въ 7121, или въ 1613 году, іюля въ 1-й день; „и святымъ муромъ помазанъ", какъ точно говоритъ неоспоримый свидѣтель, самъ патріархъ Филаретъ въ Соборномъ изложеніи, печатанномъ въ Москвѣ, въ Требникѣ, въ 7147 году.

При семъ случаѣ пожалованъ и безсмертный Козьма Мининъ думнымъ дворяниномъ; онъ погребенъ съ сыномъ своимъ Меѳодіемъ въ Нижегородскомъ соборѣ, и имя его на вселенскихъ панихидахъ поминается.

Съ сего времени хотя умолкли страшные и странные самозванцы, но брани и мятежи еще продолжались съ великою для Россіи опасностію

Заруцкой, предводитель казацкій, водя съ собою Маринку и сына ея Ивашку, много дѣлалъ разореній и прельщалъ народъ; однако, наконецъ, пойманъ и съ нимъ великій мятежникъ, гость Ѳедька Андроновъ, съ ними и Маринка и съ воришкомъ. Казнены они; а Маринка, злохитрая и дерзостнѣйшая женка, умре въ темницѣ на Москвѣ. Казаки и черкесы также, вездѣ ходя, грабили, убивали и разоряли; но въ многихъ случаяхъ они были побиваемы.

Новгородомъ и всею областію владѣли шведы, съ великимъ той страны мучительствомъ. Но, наконецъ, съ ними учиненъ миръ съ уступкою многихъ городовъ, гдѣ много подвизался и страдалъ преосвященный митрополитъ Новгородскій Исидоръ, да Хутыня монастыря архимандритъ Кипріанъ, который на правежѣ битъ едва не до смерти, стужею и голодомъ его морили; но потомъ въ воздаяніе отъ Бога получилъ, что достойно возведенъ на митрополію Новгородскую.

Но съ польской стороны буря не утихла, разные ихъ отряды разоряли государство; въ томъ числѣ славный наѣздничествомъ и разбоемъ Лисовскій изгибъ. Потомъ пришелъ съ войскомъ и королевичъ польскій Владиславъ, который, опустошая разныя мѣста, подступалъ и къ самой Москвѣ, но безъ успѣха. Потомъ покушался паки нападать на Троицкій монастырь, отъ коего, однако, отбиваемъ былъ, и разныя въ окрестности причинялъ опустошенія.

Наконецъ, не видѣвъ уже надежды получить желаемое, королевичъ въ монастырь отозвался, чтобы пропустить его пословъ въ Москву для учиненія мира.

Послы съ обѣихъ сторонъ съѣхались въ деревнѣ Деулинѣ, близъ самаго монастыря, гдѣ и заключенъ съ поляками миръ на 14 лѣтъ. Итакъ, Богъ благоволилъ прославить обитель преподобнаго Сергія, что по толикомъ несчастіи Россіи, по толико твердо выдержанной монастыремъ осадѣ, по троекратномъ о мирѣ соглашеніи безъ успѣха, и всежелаемый миръ Россіи заключенъ подъ самыми ея стѣнами. Оная самая деревня Деулино въ память сего славнаго случая обращена въ село, повелѣніемъ государя царя Михаила Ѳеодорича; и устроена въ немъ церковь преподобнаго Сергія, которая и нынѣ стоитъ.

По заключеніи мира всѣ враждебныя войска выступили изъ Россіи, и по безпримѣрной бурѣ наступила всюду тишина, а отъ опасностей и бѣдъ—отдохновеніе.

По силѣ сего же мира освобожденъ изъ плѣна и преосвященный митрополитъ Филаретъ, отецъ государевъ, и прочіе послы и содержимые, а также вѣрный и храбрый Шеинъ, въ седьмое лѣто царствованія Михаила Ѳеодоровича.

ГЛАВА LXXVI.

Преосвященный митрополитъ Филаретъ, по избранію всего духовенства и по изволенію государя, возведенъ на патріаршескій всероссійскій престолъ прибывшимъ тогда, по случаю, въ Москву святѣйшимъ патріархомъ Іерусалимскимъ Ѳеофаномъ, и всѣмъ Россійскимъ духовенствомъ. Ежели какія заслуги, достоинства и дарованія потребны, чтобы быть верховнымъ пастыремъ Россійской Церкви, то сіе по самой справедливости заслужилъ святѣйшій Филаретъ, мужъ знаменитый по всему—и по роду, и по ревности къ вѣрѣ и отечеству, и по страданію, и опытности въ дѣлахъ всякаго рода. И, бывъ отцемъ государю, по духу и по плоти, управляя Церковію благоразумно, и въ дѣлахъ государственныхъ онъ былъ наилучшимъ совѣтникомъ и содѣйственникомъ царю, сыну своему. Поставленіе его на патріаршество было въ 7127, или въ 1619 году, іюля 24 дня.

Лжепатріархъ же Игнатій, боясь поборниковъ по благочестіи, изъ-за Литовскаго въ Москвѣ сидѣнья, убѣжалъ въ 1612 году въ Польшу, къ королю Польскому, гдѣ принятъ былъ съ честію; и тамо окаянный умре. О семъ пишется въ исторіи Сибирской.

Съ сего, надобно положить, времени начала Россія возрастать и возвышаться до нынѣшняго ея исполинскаго величія, и обратила на себя очи всего свѣта.

Между патріаршествомъ, до поставленія патріарха Филарета, приключилось великому мужу Троицкаго монастыря, архимандриту Діонисію, несчастіе, окончившееся въ его честь и славу; сей случай важенъ. Поручено было ему, яко видно, почитаемому тогда, другихъ просвѣщеннѣйшему, чтобы онъ при печатаніи церковныхъ книгъ наблюдалъ, чтобы все печатаемо было сходственно съ прежними древними книгами. Онъ и товарищъ его, Клементьевскаго при лаврѣ посада священникъ, а послѣ Московскаго Успенскаго собора ключарь, прозываемый Насѣдка, примѣтили, что на освященіи воды Богоявленской, въ навечеріи Богоявленія, къ симъ словамъ: „и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ“, прибавлено: „и огнемъ“. Сія прибавка—„и огнемъ“ была учинена въ послѣднемъ изданномъ печатаніи не вѣдомо съ чего; а въ прежнихъ древнихъ, не только рукописныхъ, но и въ печатныхъ, сей прибавки не было. Они разсудили, что сія прибавка—„и огнемъ“ учинена неосновательно. Архимандритъ Діонисій представилъ о томъ правившему тогда, въ небытность патріарха, Крутицкому митрополиту Іонѣ. Сей, видно мало просвѣщенный, не только сіе не одобрялъ, но еще почелъ развратомъ и ересью и заключилъ его, яко развратника, въ темницу. По Москвѣ

разнесся сей слухъ, и навѣжи разгласили, яко явился „новый еретикъ, который хочетъ огонь изъ міра вывести“. Хлѣбники и калачники возмутились, почитая, что ихъ промыселъ пропадетъ, когда огонь изъ міра будетъ выведенъ. Праведнаго и просвѣщеннаго Діонисія поносили, ругали и едва его не убили. Діонисій въ тюремномъ заключеніи и въ оковахъ оставался до патріарха Филарета.

По поставленіи его предложилъ онъ о семъ святѣйшему патріарху Іерусалимскому Θеофану. Сей тотчасъ оправдалъ Діонисія, представляя, что сія прибавка есть излишняя и не согласна со всѣми греческими книгами. Филаретъ, и симъ не удоволившись, писалъ о семъ къ вселенскимъ патріархамъ; но и они прислали граматы и утверждали то же, что предлагалъ Іерусалимскій патріархъ, и чтобы сію прибавку—„и огнемъ“ отмѣнить.

По сему уже послѣдовало опредѣленіе, чтобы вездѣ во всѣхъ церквахъ, въ книгахъ противъ сего слова—„и огнемъ“ отмѣтить на берегу, чтобы сего слова не читать. Итакъ, преподобный Діонисій оправданъ и освобожденъ съ честію въ свой монастырь, и со славою, что онъ тогда былъ просвѣщеннѣе другихъ. Сіе служитъ къ уличенію раскольниковъ: 1) что и прежде патріарха Никона были уже въ книгахъ церковныхъ неисправности; 2) что оныя и тогда были поправляемы безъ соблазна другихъ; 3) что нынѣшніе раскольники, толкующіе превратно, аки бы, чрезъ поправленіе книгъ при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ, книги испорчены и новыя ереси въ нихъ введены,—сіи толкователи во всемъ подобны онымъ помянутымъ хлѣбникамъ и калачникамъ.

Во время святѣйшаго патріарха Филарета, въ 1624 году, а по инымъ въ 1624 году, прислана отъ Персидскаго шаха риза Христова или хитонъ, которая принята съ великою честію и радостію, въ благочестивомъ отношеніи къ Святѣйшему и Божественному лицу Господа нашего, ризу плоти нашея и всѣ ея немощи на Себя для спасенія нашего воспріявшаго; и уставлено тому праздновать 10 числа іюля.

При семъ же государѣ, въ 1620 году, и при патріархѣ Филаретѣ учреждена вновь епархія Сибирская и Тобольская; первый на ней архіепископъ былъ Кипріанъ, бывшій въ Хутынѣ архимандритъ и страдалецъ, о коемъ выше сказано.

А въ 1620 году патріархъ Филаретъ созвалъ соборъ по случаю открывшагося пренія отъ Крутицкаго митрополита Іоны, что еретиковъ, приходящихъ къ Церкви, не надлежитъ перекрещивать, а только помазывать муромъ, по отрицаніи. И на семъ соборѣ уложено, чтобы приходящихъ изъ латинской вѣры перекрещивать, даже и уніатовъ, кои не въ три погруженія крещены, или за папу молятся; и всѣхъ еретическихъ вѣръ сквернѣйшими и лютѣйшими (едва ли не справедливо)

названы на соборѣ латиняне папежники. Дѣяніе сего собора напечатано въ Требникѣ патріарха Іосифа, 1639 года.

Сіе, примѣчательно, учинено патріархомъ Филаретомъ по разгоряченному справедливо расположенію противу поляковъ, кои, бывъ латинской вѣры, хотѣли оную ввести въ Россію, и толикое Россіи причинили раззореніе,—отъ коихъ и онъ самъ премного пострадалъ.

Въ сіе же время былъ соборъ въ Кіевѣ въ 1640 году и уже при слѣдующемъ (по патріархѣ Филаретѣ) патріархѣ, по случаю усилившейся Римской уніи, а потому многихъ, издаваемыхъ отъ уніатовъ, книгъ со всѣяніемъ латинскихъ заблужденій. Бывшій въ Кіевѣ православный и просвѣщенный митрополитъ Петръ Могила возревновалъ, созвалъ соборъ епископовъ, на коемъ опредѣлено издать книгу съ истиннымъ изложеніемъ догматовъ Грекороссійской Церкви, которая и издана подъ именемъ „Православное исповѣданіе вѣры“, и Требникъ, содержащій всѣ обряды нашей Церкви.

Въ 1630 году родился царю Михаилу Ѳеодоровичу сынъ Алексѣй Михайловичъ; крестилъ его въ Чудовѣ самъ патріархъ Филаретъ, а воспріемникъ былъ Троицкаго монастыря келарь Александръ.

А въ 1633 году преставился святѣйшій патріархъ Филаретъ; и какъ онъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, такъ и тѣла святѣйшихъ патріарховъ Іова и Гермогена въ тотъ же соборъ перенесены и положены. Какъ святѣйшій Филаретъ, такъ и святѣйшіе патріархи Іовъ и Гермогенъ, за свою ревность по вѣрѣ и отечествѣ, и за многое потому страданіе заслуживаютъ отъ Церкви Россійской, яко святые, почитаемы и прославляемы быть.

Сожалѣтельно, что объ ихъ церковныхъ дѣяніяхъ мало что въ Лѣтописцахъ упоминается; да и вообще съ кончины царя Іоанна Васильевича, а послѣ мятежей и еще меньше, въ древнихъ Лѣтописцахъ о церковныхъ дѣлахъ и произведеніяхъ найти можно. Всѣ умолкли, а особенно новѣйшіе, и совсѣмъ почти ничего не поминаютъ, или по нерадѣнію, или по неуваженію церковныхъ дѣлъ. А святая и благоразумная древность и о церковныхъ дѣлахъ входила во всякія подробности, почитая, что церковныя дѣла съ государственными соединены нераздѣльнымъ союзомъ.

ГЛАВА LXXVII.

На мѣсто патріарха Филарета возведенъ на патріаршескій престолъ Іоасафъ, архіепископъ Псковскій, въ 1664 году.

Симъ патріархомъ 1637 году посвященъ въ Новгородъ въ митрополита Аѳоній, на мѣсто бывшаго митрополита Кипріана, великаго

подвижника и страдальца во время мятежей и раззоренія отъ Шведовъ.

А въ 1641 году преставился святѣйшій патріархъ Іоасафъ; какія же его были дѣянія, въ Лѣтописцахъ не обрѣлъ я.

На его мѣсто въ 1642 году на патріаршество произведенъ Іосифъ, архимандритъ Симонова монастыря.

Въ 1645 году скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

А на его мѣсто вступилъ на Россійскій престолъ сынъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, на 16-мъ году отъ рожденія; и вѣнчанъ царскимъ вѣнцемъ по чину царскому, рукою святѣйшаго патріарха Іосифа.

Въ 1652 году скончался и святѣйшій патріархъ Іосифъ. А какія его были по Церкви дѣянія, обрѣсти въ Лѣтописцахъ не могъ. На мѣсто же его въ томъ же году возведенъ на патріаршество Никонъ, митрополитъ Новогородскій.

Какъ окончаніе его патріаршества, такъ и возведеніе на оное было необыкновенное. По кончинѣ патріарха Іосифа, государь послалъ къ митрополиту Никону, тогда въ Новѣгородѣ бывшему, весьма благосклонное и преласковое письмо, вознося его чрезмѣрно достоинства; и призывалъ его на соборъ для избранія патріарха, довольно означая, что онъ желаетъ ему быть патріархомъ. Какъ Никонъ отъ того отрицался и многократно званіе сіе принять не соглашался, то, напослѣдокъ, государь самъ съ архіереями и съ боярами пришелъ въ Успенскій соборъ, куда призваннаго Никона государь со всѣми упрашивалъ, чтобы онъ согласился. Но какъ Никонъ и при семъ въ своемъ отрицаніи пребывалъ, то государь (какъ пишетъ самъ Никонъ въ своемъ къ патріарху Константинопольскому письмѣ, заклиная себя Богомъ, что пишетъ истину), преклонившись на землю и лежа со всѣми людьми, со многими слезами молилъ его, да согласится быть архипастыремъ. Никонъ, видя таковое чрезмѣрное государя желаніе и снисхожденіе, устыдился и, воспомня Божіе слово, яко сердце царево въ рукѣ Божіей, и конецъ согласился; однако, требовалъ отъ государя царя и отъ всѣхъ, чтобы они дали слово и сотворили завѣтъ въ соборной церкви, предъ Господомъ Богомъ, чтобы они обѣщались непреложно его во всемъ слушать, какъ архипастыря и отца верховнѣйшаго, и что онъ на семъ условіи отъ ихъ прошенія отрещись не можетъ. Государь царь съ боярами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ то обѣщаніе дали, и свидѣтельствовали Господомъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ и честными иконами. И такъ по семъ совершилось его на патріаршескій престолъ возведеніе въ 1652 году.

Государь зѣло былъ тѣмъ обрадованъ и содержалъ патріарха въ великой милости и особую имѣлъ къ нему довѣренность; ибо его, еще

бывшаго митрополитомъ, особо любилъ и уважалъ. Да Никонъ того и достоинъ былъ. Въ Новѣ городѣ возсталъ страшный бунтъ, который имѣлъ произвести бѣдственныя слѣдствія. Никонъ митрополитъ всемѣрно старался сей бунтующій народъ укротить. И мятежники, остервенившись, бросясь на него, какъ дикіе звѣри, начали его терзать и бить дубьемъ и каменьями, и оставили его еле жива; и мучимые совѣстію разбѣжались. Потомъ, по укрощеніи бунта, сей же великодушный пастырь испросилъ имъ у государя прощеніе; а только первый мятежникъ Волкъ казненъ, да 10 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ наказаны и въ Сибирь сосланы.

Ему же, митрополиту, видно и по совѣту его, поручилъ государь привести изъ Соловецкаго монастыря мощи св. Филиппа, митрополита всероссійскаго, отъ царя Ивана Васильевича неправедно убіеннаго, которыя имъ привезены и съ подобающею честію въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ поставлены въ 1652 году.

При отъѣздѣ своемъ подъ Смоленскъ государь поручилъ патріарху свою царскую фамилію и весь домъ. И какъ случилась тогда моровая язва, то патріархъ, предохраняя царскую фамилію, отправился съ нею въ Троицкій монастырь, а потомъ въ Калязинъ, самъ объѣзжая всѣ тѣ мѣста, которыя какому-либо сомнѣнію отъ заразы могли быть подвержены. И тако сохранивъ, срѣтилъ государя возвращающагося изъ Смоленска, яко побѣдителя, въ Вязьмѣ, гдѣ представилъ государю и всю его фамилію цѣлу и невредиму. Государь, восхищенный зрѣніемъ своей дражайшей фамиліи, и въ радости побѣды, благодарилъ патріарха, и, въ воздаяніе за его заслуги, велѣлъ ему писаться „великимъ государемъ“. Отъ каковаго титла, какъ ему непринадлежащаго, патріархъ отрицался; но сіе самое ему послѣ поставлено въ вину.

Патріархъ Никонъ, какъ мужъ просвѣщенный выше вѣка своего, усмотря въ церковныхъ книгахъ многія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ неисправныхъ переписчиковъ погрѣшности, о коихъ уже въ Стоглавномъ соборѣ было разсуждаемо и положено, чтобы „исправить соборнѣ“,—созвалъ соборъ въ 1654 году, гдѣ общее положеніе было—церковныя книги исправить противу древнихъ греческихъ и россійскихъ книгъ. О чемъ отъ собора писано и ко вселенскимъ патріархамъ, коими сіе предпріятіе одобрено и утверждено,—на что воспослѣдовало и царское изволеніе. О семъ обстоятельнѣе прочти мною изданную и напечатанную книжицу подъ именемъ: „Увѣщаніе къ раскольникамъ“. Посему книги исправлены и по всѣмъ церквамъ разосланы. Но видится, что далѣе поступлено въ семъ случаѣ неосмотрительно: велѣно новоисправленныя книги вездѣ принять, а старыя обирать. А надлежало бы, объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ и представивъ предъ

очи видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего Церкви противнаго не заключается, а только находятся нѣкоторыя отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности; а въ тѣхъ, коп ихъ употребляли и употребляютъ, никакого заблужденія и ереси. Церковь не признаетъ,—сіе учинивъ, надлежало бы оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ. Вѣроятно, что симъ поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены и со временемъ по малу новоисправленныя книги взошли бы въ употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія. Но какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя обирать, возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мятежъ и „расколъ“. Невѣжи, или суевѣры, стали толковать, что аки бы церковь дотолѣ была въ заблужденіи, и что святые угодники аки бы, по тѣмъ книгамъ служа, также погрѣшали. А были, можетъ быть, и такіе, кои, не хотя лишиться собственности имъ принадлежащей (а надлежало имъ немалое иждивеніе употребить на покупку новыхъ книгъ), также роптали и къ возмутителямъ приставали. Хотя при семъ случаѣ слѣдовало нѣкоторое благоразумное употребить снисхожденіе; но вмѣсто того укрощаемы они были вооруженною рукою, а нѣкоторые мятежники и казни были предаваемы. Сіе не только не погашало расколъ, но еще болѣе его возжигало, который и доселѣ, къ великому Церкви Россійской несчастію, продолжается. И какъ расколъ основанъ на одномъ невѣжествѣ и ревности къ вѣрѣ горячей, но не по разуму, то онъ разсѣкся еще на разные и премногіе толки, другъ другу противные. И хотя противу сего многія отъ Церкви были выдаваемы книги, доказывающія ихъ заблужденіе, яко-то: „Увѣтъ духовный“, „Пращица“, „Розыскъ“, „Увѣщаніе“, и многія другія; но мало воздѣйствовали. Ибо раскола держащіеся еще нашли въ томъ и выгоды свои: строя сами себѣ служебные домы и выбирая бѣглыхъ поповъ, отрѣшая ихъ по своему изволенію и распоряжая всѣмъ, имѣли удовольствіе и прибытокъ, что они сдѣлались самовластителями по церковнымъ дѣламъ, не завися ни отъ каковаго духовнаго правительства.

Сей неожиданный случай привелъ патріарха въ скорбь и унынie; а государь уменьшилъ горячее къ нему расположеніе. Будучи въ таковомъ прискорбномъ состояніи, патріархъ многія примѣчалъ нарушенія правъ церковныхъ. Онъ охуждалъ уложеніе, составленное прежде его, между прочимъ за то, что по оному учрежденъ монастырскій приказъ, гдѣ велѣно судить всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и самого патріарха и весь духовный чинъ во всякихъ искахъ на нихъ; а посажены были въ немъ мірскіе люди.

Также нѣкоторыя владѣнія, принадлежащія патріархіи, отобраны; да и въ поставленіи властей духовныхъ и по монастырямъ, и священ-

никовъ и діаконовъ, выходили прямо отъ царя указы, безъ сношенія съ патріархомъ; и граматы духовнымъ на ихъ саны отъ архіереевъ даваны были съ прописаніемъ, что они посвящены по указу государеву.

Противу всего сего патріархъ государю представлялъ, но безъ успѣха; а только что умножался гнѣвъ государевъ противу него.

Сіе видя, патріархъ, въ своемъ унынiи и разстройствѣ, самъ собою рѣшился оставить Москву и отбылъ въ Воскресенскій монастырь, который онъ тогда основалъ и устраивалъ. Государь тѣмъ болѣе былъ раздраженъ.

И хотя повелѣвалъ, чтобы его судили Россійскіе архіереи; но они, какъ подчиненные, своего архипастыря судить отреклись.

Посему государемъ вызваны греческіе патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, съ греческими архіереями; и ими, съ Россійскими архіереями, Никонъ осужденъ, патріаршества лишенъ и простымъ монахомъ посланъ въ Вологодскую епархію, въ Ѳерапонтовъ монастырь, въ 7175, или въ 1665 году.

Въ опредѣленіи соборномъ *) вины его написаны: 1) Что патріаршескій домъ въ Москвѣ оставилъ и преселился въ Воскресенскій монастырь самъ собою; и сіе почтено, что онъ отрекся отъ патріаршества. 2) Что по причинѣ его отлученія великое слѣдствіе заведено, и отъ того многіе пострадали. 3) Что досаждалъ государю въ присутствіи собора, и съ самимъ соборомъ былъ въ препреніи и ему непокоренъ. 4) Что нѣкотораго митрополита Газскаго Игнатія, грека, называлъ еретикомъ и мятежникомъ. 5) Что нѣкоторыхъ архіереевъ безъ суда соборнаго запрещалъ и изъ епархіи изгонялъ. 6) Что, по отлученіи отъ патріаршаго престола, нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ наказывалъ строго, даже и тѣлесно. Сіи были Никоновы вины. Но истинныя, кажется, причины были: съ одной стороны, зависть придворныхъ вельможъ, которые съ тягостію взирали на великую благосклонность и особую довѣренность государя къ патріарху; съ другой,—горячій и неуступчивый нравъ Никона, который, и при малой уступчивости и смиреніи, могъ бы укротить гнѣвъ государевъ противу себя. А праведно ли или неправедно Никонъ осужденъ,—о семъ Богу судить. Но только Никонъ извиниться не можетъ, что онъ, и по лишеніи патріаршества, патріархомъ себя помнилъ велѣлъ и патріархомъ подписывался. А

*) Сіе опредѣленіе выписано изъ рукописной книги, имѣющейся у меня. — Еще о томъ же напечатано въ древней Россійской Вивліоѳикѣ, второго изданія, въ части III, и сіе опредѣленіе во многомъ съ прежнимъ несходно; но первое вѣроятнѣе, потому что тамъ подведены и правила. А притомъ, второе и не названо опредѣленіемъ, но изъявленіемъ, что было нѣкоторый родъ манифеста.

чтобы гнѣвъ государевъ на Никона былъ за то, что онъ не преклонился дозволить царю уничтожить первый бракъ, какъ нѣкоторые пишутъ, и позволить другой,—сего я въ Лѣтописцахъ и слѣда не обрѣлъ; особливо, что мнѣ былъ случай ч тать подлинное по сему дѣлу слѣдствіе, въ Сунодальномъ архивѣ хранимое.

Однако, государь царь Алексѣй Михаиловичъ при кончинѣ своей въ духовной, между прочимъ, написалъ точно сими словами: „отъ отца моего духовнаго, великаго Господина, Святѣйшаго Никона Іерарха, и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія".

ГЛАВА LXXVIII.

По кончинѣ государя царя Алексѣя Михайловича вступилъ на престолъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, который тотчасъ повелѣлъ Никона возвратить въ Воскресенскій монастырь; но онъ на пути въ Яр славлѣ скончался. Однако, по государеву изволенію погребенъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, патріаршимъ погребеніемъ, Корниліемъ митрополитомъ Новгородскимъ. Ибо патріархъ Іоакимъ на таковое погребеніе не согласился, представляя, что онъ, соборомъ осужденнаго, безъ собора разрѣшить не можетъ. При томъ погребеніи присутствовалъ самъ государь и тѣло его несъ; а послѣ испросилъ у греческихъ патріарховъ ему разрѣшеніе и почитаніе между патріархами, на что они и разрѣшительныя граматы прислали.

Патріархъ Никонъ былъ пастырь, просвѣщеніемъ превышающій того вѣка людей, ревностный и попечительный, доброй и вѣрной души, но нравенъ и горячъ, даже до излишества; неуступчивъ, даже до упрямства; пышенъ по внѣшности, даже до возбужденія зависти другихъ. Мы сему патріарху одолжены „Воскресенскимъ Лѣтописцемъ" и лѣтописью, извѣстною подъ именемъ „Никоновской"; также основаніемъ монастырей Воскресенскаго, Иверскаго въ Валдаяхъ и Крестнаго въ Архангельской епархіи. Я о патріархѣ Никонѣ писалъ сокращенно: ибо о житіи его и о всемъ, до него надлежащемъ, напечатана особая книга. А объ осужденіи его любопытный да потщится прочесть подлинное слѣдственное дѣло, которое хранится въ Сунодальной библіотекѣ.

Въ 1665 году преставился Нектарій, архіепископъ Сибирскій, въ Москвѣ и отпѣваемъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ вселенскими патріархами, и отпущенъ въ Нилову пустыню; государь самъ былъ на погребеніи и провожалъ его тѣло самъ пѣшъ за Москву. Сей Нектарій самъ отпросился отъ епархіи на обѣщаніе, былъ мужъ житія святаго и претерпѣливаго, какъ свидѣтельствуетъ его письмо весьма любопытное.

По изверженіи Никона, вскорѣ, по изволенію государеву и по избранію духовенства, на патріаршество возведенъ Троицы-Сергіева монастыря архимандритъ Іоасафъ, и посвященъ въ патріарха греческими патріархами Александрійскимъ и Антіохійскимъ и всѣмъ соборомъ Россійскихъ и Греческихъ архіереевъ.

Доколѣ еще Никонъ патріархъ не былъ изверженъ, былъ соборъ всероссійскихъ архіереевъ, и всѣхъ знатныхъ духовныхъ особъ, между коими начальствовалъ Новгородскій митрополитъ Питиримъ, который соборъ послѣ утвердили святѣйшіе патріархи Александрійскій и Антіохійскій, прибывшіе для сужденія патріарха Никона, и новопроизведенный патріархъ Іоасафъ. А въ соборѣ семъ положено, и оными патріархами, и всѣми Россійскими и Греческими архіереями и прочими архимандритами, и игуменами и протопопами рукописно утверждено, что новоисправленныя Никономъ патріархомъ книги суть основательны, при томъ и въ Стоглавномъ соборѣ бывшія нѣкоторыя заготовленныя статьи, какъ съ преданіемъ Церкви несогласныя, не приняты и охуждены, и другія нѣкоторыя, въ Церковь Россійскую взошедшія, злоупотребленія исправлены, а нѣкоторыя отринуты. Сіе все напечатано въ особой книжицѣ, подъ заглавіемъ: „Предѣлъ священнаго собора, собравшагося въ Богохранимомъ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7194, сирѣчь, свитокъ и опредѣленіе вещей, за кія вины собрася священный соборъ, и каково разсужденіе положиша, и како утвердиша“. Любопытный да прочтетъ сей свитокъ, гдѣ усмотритъ много примѣчанія достойнаго, какъ-то о служеніи архамандритовъ, о бѣломъ клобукѣ, о зеркалахъ въ церквахъ, и о прочемъ.

Примѣчательно, что между прочими архіереями подписался Меѳодій, епископъ Мстиславскій и Оршанскій. Сія епархія есть та же, что и Могилевская. А епархія Могилевская учреждена Польскимъ королемъ Владиславомъ, сыномъ короля Сигизмунда, въ 1632 году, по причинѣ той, что между уніатами и благочестивыми были непрестанные мятежи, по причинѣ гоненія отъ папистовъ и насилія къ привлеченію въ унію. Къ пресѣченію сего поставлено тѣмъ королемъ, съ согласія сейма, быть двумъ митрополитамъ—одному благочестивому, а другому уніатскому; и вмѣсто епархіи Полоцкой, епископъ которой присталъ къ уніи и отъ которой зависѣли Полоцкъ, Витебскъ, Мстиславъ, Орша и Могилевъ, и по оставленіи Полоцка при уніатскомъ епископѣ,—вновь учреждена благочестивая епархія Могилевская, и къ ней принадлежали Могилевъ, Мстиславъ, Орша и Витебскъ; и епископъ благочестивый Могилевскій пребываніе имѣлъ иногда въ Мстиславѣ, а иногда въ Могилевѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, и писался Витебскимъ, Мстиславскимъ, Оршанскимъ и Могилевскимъ. А когда Витебскъ весь на

унію присталъ, тогда писался Мстиславскимъ, Оршанскимъ и Могилевскимъ, а иногда Могилевскимъ и Бѣлорусскимъ. А въ трактатѣ въ 1686 году, въ 9 пунктѣ, сія епархія названа Бѣлорусскою и Могилевскою. И въ сію Могилевскую епархію первый поставленъ епископъ Іосифъ Бобриковичъ, въ 1633 году; а въ Кіевъ митрополитомъ Кіевскимъ—Петръ Могила, отъ коего зависѣлъ и епископъ Могилевскій. А епископы православные въ Польшѣ, кои послѣ къ уніи пристали, были Полоцкій, Владимірскій, Луцкій, Хелмскій, Пинскій, Львовскій и Перемышльскій.

При патріархѣ Іоасафѣ архіепископъ Астраханскій Іосифъ учиненъ митрополитомъ, и вмѣсто ризъ даны саккосы митрополитамъ Ростовскому Іонѣ, да Сарскому и Подонскому Павлу.

При царѣ Алексіи Михайловичѣ вновь учреждены епархіи: 1) Бѣлоградская и Обоянская, при патріархѣ Іоасафѣ, въ 1667 году. А первый въ ней былъ митрополитъ Ѳеодосій сербянинъ. А та епархія, о коей поминается при Владимірѣ, была не въ семъ городѣ, но въ Бѣлгородѣ, на Украйнѣ, недалеко отъ Кіева. 2) Нижегородская и Алатарская въ 1672 году, при патріархѣ Питиримѣ. Первый архіерей былъ архимандритъ изъ Рождествено-Владимірскаго монастыря Филаретъ. Да еще устроена епархія Вятская и Пермская при патр. Никонѣ; а Пермская приписана къ Вологдѣ, и первый епископъ Вятскій былъ Кипріанъ.

При семъ же государѣ Малороссія, бывъ подъ Польшею, поддалась государю всероссійсскому чрезъ гетмана Богдана Хмельницкаго, по причинѣ утѣсненія въ вѣрѣ и насилія къ приведенію въ унію папскую отъ поляковъ. А потомъ завоеванъ и Кіевъ съ другими городами; а совершенно утвердился Кіевъ за Россіею при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Почему Кіевскіе митрополиты стали быть зависимы отъ патріарха Московскаго и всея Россіи, и первый, подшедшій подъ власть Россійскую, митрополитъ былъ Сильверстъ Косовъ. Но они еще посвящаемы были отъ Константинопольскихъ патріарховъ и отъ нихъ зависѣли, до митрополита Гедеона Четвертинскаго. Какіе же были изъ нихъ, начиная отъ Григорія Цимблака, о коемъ выше сказано, до нынѣшняго 1804 года митрополиты въ Кіевѣ, и кто изъ нихъ православный, кто уніатъ, и кто сомнителенъ,—прилагается при семъ описаніе.

Митрополиты Кіевскіе, бывшіе въ Польшѣ по раздѣленіи отъ Московской всероссійской митрополіи:

1. Григорій Цимблакъ, о коемъ въ повѣствованіи помянуто, былъ въ православіи сомнителенъ.

2. Григорій уніатъ, ученикъ Исидоровъ.

3. Герасимъ православный, бывый епископъ Смоленскій. Православные въ Польшѣ уніата митрополита не восхотѣли имѣть и избрали

сего Герасима, коего уніаты, яростію злобы воспламенившіеся, сожгли въ Витебскѣ.

4. Мисаилъ, или Михаилъ, сомнителенъ.

5. Спиридонъ, нарицаемый Сатана, похититель митрополіи Кіевской.

6. Симеонъ православный.

7. Іона Глезна, въ православіи сомнителенъ.

8. Макарій православный, убіенный отъ татаръ; и тѣло его почиваетъ въ престольной Софійской въ Кіевѣ церкви.

9. Іосифъ уніатъ, прозваніемъ Солтанъ, и потому въ Москвѣ не принятъ, хотя Польскій король склонялъ великаго князя Московскаго принять его.

10. Іона православный и благочестивый, поставленъ по ходатайству православной королевы Елены, дочери великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича; она устроила въ Минскѣ монастырь благочестивый.

11. Іосифъ, епископъ Полоцкій, православный.

12. Макарій, епископъ, бывый падворный вышепомянутой королевы Польской благочестивой Елены, родомъ Москвитинъ.

13. Сильвестръ Вилькевичъ, или Белькевичъ.

14. Іона Протасовичъ, епископъ Туровскій.

15. Илія Куча, православный.

16. Онисифоръ, прозваніемъ Дѣвочка; патріархомъ Іереміею Константинопольскимъ, какъ былъ двоеженецъ, отставленъ отъ престола.

17. Михаилъ Рогоза уніатъ: унію открыто принялъ и другихъ къ тому привелъ, и Церковь возмутилъ, разорвалъ, какъ Арій; и на соборѣ Берестинскомъ отъ православныхъ патріарховъ Константинопольскаго и Александрійскаго, чрезъ посланниковъ ихъ, и собравшихся православныхъ епископовъ проклятъ.

Послѣ сего нѣсколько лѣтъ не было въ Кіевѣ митрополитовъ православныхъ, а уніатскіе митрополиты безстыдно нарицались и Кіевскими митрополитами; и до нашего времени нагло сіе наименованіе себѣ присвояли, и жили въ Литвѣ, въ Вильнѣ.

Потомъ паки стали православные митрополиты.

18. Іовъ Борецкій православный, учительный и добродѣтельный, но жилъ при церкви Михаила Златоверха и оную обветшавшую обновилъ, гдѣ и погребенъ; а Софійскою каѳедрою обладали уніаты.

19. Петръ Могила, господаричъ земли Молдаванской, изъ архимандритовъ Кіевопечерскихъ, мужъ православный и учительный. Онъ отнялъ у уніатовъ Софійскую каѳедру и оную возобновилъ; основалъ академію въ Кіевѣ, поборалъ по православіи, и погребенъ въ Кіевопечерской лаврѣ. Многія полезныя книги изданы имъ.

20. Сильвестръ Косовъ—изъ епископовъ бѣлорусскихъ. При немъ

вся малая Россія воспріята подъ владѣніе государей Россійскихъ, въ 1654 году.

21. Діонисій Балабанъ.

22. Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій, изъ епископовъ Бѣлорусскихъ, но не допущенъ до престола Кіевскаго гонителями православія, а содержанъ отъ поляковъ подъ стражею, вмѣстѣ съ гетманомъ Хмельницкимъ, въ Маренбургѣ. Оттуда, по освобожденіи, паки уніатами былъ исканъ на убіеніе, но скрылся въ городѣ Чигиринѣ, гдѣ и скончался и погребенъ въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ.

23. Антоній Ватицкій, который также до Кіева не былъ допущенъ.

Въ сіе время гоненія митрополитовъ вѣдалъ престолъ Кіевскій и управлялъ духовенствомъ, православный архіепископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ, по изволенію государей царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича.

24. Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, бывъ епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, по избранію малороссійскаго духовенства въ митрополита, и чтобы митрополиту Кіевскому впредь не относиться къ патріархамъ Цареградскимъ, а къ Московскимъ, утвержденъ въ Москвѣ святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ.

Отъ сего времени митрополиты Кіевскіе начали быть подъ управленіемъ Московскихъ патріарховъ такъ, какъ и прочіе Россійскіе архіереи: поелику и Константинопольскіе патріархи присланною грамотою вѣчно отдали митрополію Кіевскую подъ область патріарховъ Московскихъ. Однако, митрополиты Кіевскіе до нашего времени писались и именовались: „архіепископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и малыя Россіи“. И почтенъ по патріархѣ Московскомъ первымъ Россійскимъ митрополитомъ.

25. Варлаамъ Ясинскій посвященъ патріархомъ Московскимъ Адріаномъ; при немъ возобновлена епископія Переяславская, которая издавна была безъ пастыря, и ему же, митрополиту, подъ управленіе она отдана такъ, какъ и Бѣлорусская въ Могилевѣ: ибо прочія всѣ епископства въ Польшѣ на унію превращены.

26. Іоасафъ Краковскій посвященъ въ митрополита Стефаномъ Яворскимъ, митрополитомъ Рязанскимъ, съ Россійскими архіереями, былъ мужъ ученый. Онъ же посвятилъ во епископа Кирилла, въ епархію Луцкую, отпадающую въ унію, и паки къ православію обратившуюся. Потребованъ онъ въ Санктъ-Петербургъ, но на пути скончался и погребенъ въ Твери, въ соборной церкви.

27. Варлаамъ Ванотовичъ посвященъ не въ митрополита, а во епископа,—не въ митру, но въ шапку; и клобукъ данъ черный, а не бѣлый. Онъ по несчатію взятъ въ Санктъ-Петербургѣ и лишенъ чина; однако,

при царствованіи императрицы Елисаветы чинъ ему возвращенъ, но онъ посхимился и умеръ и погребенъ въ Тихвинѣ монастырѣ.

28. Рафаилъ Заборовскій, бывшій епископъ Псковскій, учиненъ митрополитомъ.

29. Тимоѳей Щербатскій, митрополитъ изъ архимандритовъ Печерскихъ, а послѣ переведенъ на митрополію Московскую въ 1757 году, гдѣ и скончался и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ.

30. Арсеній Могилянскій, бывый архіепископъ Переславскій и Дмитровскій, и архимандритъ Троицкія лавры, а потомъ учиненъ митрополитомъ, бывъ прежде на обѣщаніи въ монастырѣ Новгородскомъ Сѣверскомъ.

31. Гавріилъ Кременецкій, бывый архіепископъ Санктъ-Петербургскій, и потомъ—митрополитомъ Кіевскимъ, въ 1770 году.

32. Самуилъ Мислављскій, бывый епископъ Бѣлоградскій, потомъ Крутицкій, послѣ Ростовскій. Онъ учиненъ и архимандритомъ Печерскія лавры.

33. Іерофей изъ епископовъ Черниговскихъ.

34. Гавріилъ грекъ, или болгаринъ сошелъ на покой.

35. Серапіонъ, бывый архіепископъ Казанскій въ 1804 году изъ велико-россіянъ *).

Въ Коломну произведенъ во епископа Симоновскій архимандритъ Мисаилъ патріархомъ Іоасафомъ съ архіереями.

Разсуждено особеннымъ епископамъ быть въ Архангельскомъ соборѣ для поминовенія царскаго рода, и назывались Архангельскими; однако, не посвящались къ собору, а готовые опредѣлялись, каковы и были—пріѣзжіе изъ Сербіи Ѳеодосій и Іоакимъ и Арсеній грекъ Галласійскій или Голосунскій, который поминается во время мятежей, и встрѣчалъ изъ Кремля, входящихъ въ Кремль россіянъ, по очищеніи отъ поляковъ Москвы.

При семъ же государѣ архіепископъ Сибирскій Корнилій переименованъ митрополитомъ Сибирскимъ и Тобольскимъ, и нацѣтъ на него саккосъ патріархами Макаріемъ Антіохійскимъ и Іоасафомъ Московскимъ.

Патріархъ Паисій Александрійскій благословилъ архіереевъ и монаховъ разговѣться на млеко, сыръ и яйца въ Петровъ день; а была середа.

---

*) Все то выписано мною вкратцѣ изъ имѣющагося при мнѣ каталога, за исправность коего во всемъ я ручаться не могу. Почему и предоставляю другому, какія есть погрѣшности, исправить, и всѣхъ митрополитовъ описать обстоятельнѣе; а особливо, кто изъ митрополитовъ, до митрополита Іова Борецкаго, былъ несумнительно православный, или уніатъ.

Рязанскаго архіепископа Иларіона переименовали въ митрополита и надѣли на него саккосъ и клобукъ бѣлый патріархи Антіохійскій и и Московскій.

Въ 1671 году поставленъ въ Смоленскъ въ архіепископа Симоновскій архимандритъ Варсонофій, святѣйшимъ Іоасафомъ патріархомъ.

Въ 7180, или въ 1672 году Коломенскій епископъ Мисаилъ переведенъ въ Бѣлгородъ въ митрополиты, и получилъ, вмѣсто ризъ, саккосъ.

ГЛАВА LXXIX.

Въ 1672 году преставился святѣйшій патріархъ Іоасафъ. А какія были его дѣянія,—въ лѣтописяхъ не обрѣлъ.

Между же патріаршествомъ, произведенъ въ митрополита въ Астрахань Пароеній, архимандритъ Юрьевскій изъ Новгорода; а посвящалъ его Питиримъ, митрополитъ Новгородскій.

Въ томъ же году сей Питиримъ возведенъ и на патріаршескій престолъ, и, недолго побывъ, скончался въ 1673 году. О дѣяніяхъ его мало извѣстно, кромѣ того, что въ угожденіе государю царю много противоборствовалъ на патріарха Никона, бывъ тогда митрополитомъ Крутицкимъ.

На мѣсто его въ 7182, или въ 1674 году избранъ и возведенъ на всероссійскій патріаршій престолъ Іоакимъ, бывый архимандритъ Чудовскій, а потомъ митрополитъ Новгородскій. А при поставленіи его были: митрополиты Корнилій Казанскій, Іона Ростовскій, Павелъ Сарскій и Подонскій,—Симонъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлоезерскій,—Іоакимъ, епископъ Сербославенскій и Архангельскій, и прочій священный соборъ.

По поставленіи патріарха скоро возведенъ на его мѣсто въ Новгородъ въ митрополита Казанскій митрополитъ Корнилій, не бывъ въ Казани, а жилъ въ Москвѣ. А на его мѣсто посвященъ въ митрополита Іоасафъ, архимандритъ Спасо-Евфимьевскій Суздальскій.

Въ томъ же году Іоакимъ патріархъ поставилъ въ митрополита въ Рязань архимандрита Новоспасскаго Іоакима, да на Вятку во епископа архимандрита Тихвинскаго Іону. Рожденную цареву дщерь Ѳеодору Алексѣевну крестилъ самъ патріархъ въ соборной Успенской церкви.

Въ 1676 году скончался государь царь Алексій Михайловичъ и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Достойна чтенія его духовная, которая при семъ полагается.

Списокъ съ духовной царя и великаго князя Алексія Михаѣловича всея Россіи.

„Дивное чудо поистинѣ, яко человѣческая выспрь и долу состояти никакоже могутъ, якоже рече Псалмистъ: „вкупѣ богатъ со убогимъ нищетствуютъ“; еще убо и чрезъ мене изъявляетъ мѣру. О лютѣ! ибо всегдашнему плачу виновна человѣка жизнь, все суета, по писанному, настоящаго вѣка сего красность и мѣры нѣсть. Увы мнѣ! увы мнѣ! каковую скорбь во убожествѣ дней достизаю, и малости мое отечество причаститися невольнѣ спѣшитъ. Егда же бѣхъ на престолѣ моего скипетродержавства, обладая славою паримъ, и высихся сице, яко, мню, вся вселенная невѣсть славнаго нашего царскаго титла, и тьмы темъ со страхомъ и благоговѣніемъ раболѣпно служаху намъ, и во всемъ, яко не смертна мя непщеваху. Нынѣ же познаваю въ себѣ не сладость охлаждающую мя, и не благовонныхъ ароматъ воню, но горести многія и плача неутѣшимаго исполненъ есмь. Понеже отъ лютыя болѣзни, аки копіемъ къ одру пригвожденъ, и смертный мечъ послѣдняго часа зритъ, въ оньже отъяти душу мою, и со убогими человѣки въ чину землею покрытися, ядозитіи же черви готовы дерзностно терзати мя и въ небытіе претворити мя.

О лютѣ мнѣ! лютѣ мнѣ! яко царь есмь, тако великій, малѣйшихъ червей боюся. Увы мнѣ! бѣдность жизни человѣческой, яко ничтоже суть радостно, вся бо радость моя въ сѣтованіе обратится. Токмо радость ми едина есть, яко вѣровахъ несумнѣнно во Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, и вѣрити готовъ есмь до послѣдняго моего издыханія. По отшествіи же моемъ вручаю душу мою славѣ Его во вѣки, плоть моя да погребется по обычаю нашему въ церкви великаго архистратига Михаила, воеводы небесныхъ силъ, при главѣ сродича нашего, царевича Димитрія Чудотворца, при ногахъ же отца моего, царя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи. Стяжаніе же Отца моего Небеснаго отдаю во власть всѣмъ земнымъ, да наслаждаются благихъ Его во вѣки. Мнѣ же къ тому не имать ничто же быти.

Скипетръ же державы моея вручаю сыну моему, царю и великому князю Ѳеодору Алексіевичу, всея Россіи самодержцу; да царствуетъ по степенямъ царствія отца моего, и съ непріятели брань да держитъ, уповая на Христа Царя вѣчныя славы.

Дѣти же мои, царевичъ и великій князь Иванъ Алексіевичъ, царевичъ и великій князь Петръ Алексіевичъ во всемъ да послужатъ и послушаютъ брата своего, царя и великаго князя, Ѳеодора Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

Предстоящей же одру моему и премного плачущей и жалостно вопіющей сожительницѣ моей, царицѣ и великой княгинѣ, Натальѣ Кирилловнѣ ничтоже ино, точію выну плачъ и неутѣшимое стенаніе, не имать бо къ тому радости видѣти, зане приспѣваютъ ей дни злополучія.

О лютѣ! Аще бы вѣдахъ сицево краткое житіе мое; не бы воспріяхъ на ся сугубыхъ слезъ. Лютѣ мнѣ, любезнѣйшая моя: ибо пронзаютъ душу мою плачевные глаголы твои, и вижду на лицѣ твоемъ море слезъ стоящее, и душу мою топящее. Горько мнѣ и плачливо время бысть, въ неже разлучихся первыя моея царицы, Маріи Ильиничны, лютѣйша же и неудобь сказуема болѣзнь моя и по смерти моей мнится ми быти, еже твоего разлученія и бѣднаго вдовства. Кто не восплачетъ лютаго сего разлученія? уже бо вижду не свѣтъ красоты сіяющъ отъ лица твоего, но опухлость и кровь текущу отъ очей твоихъ, и нелѣпое терзаніе и плесканіе объятіемъ твоимъ, и тощность вопля твоего, яко въ день чадородія. Унѣе бы мнѣ, дабы гробъ мой общъ съ тобою былъ, но не моя власть, но создавшаго насъ Бога.

Воспряни убо, воспряни, поне мало отъ рыданія и неутѣшимаго плача; не имаши бо никако пользоватися отъ слезъ, не слышиши ли глаголы моя, вѣсть бо Создатель души моея, яко азъ долженъ сугубо всяко рыдати, понеже на путь плача гряду, и не вѣмъ, что срящетъ мя, и кій отвѣтъ воспріиму отъ Создателя моего, велія бо бѣда моя належитъ, и не вѣмъ, что рещи, и како бы избѣжати вѣчныя муки.

Престани убо, и воспріими писаніе, еже вручаю тебѣ, да владѣеши по мнѣ во царствѣ моемъ, и да поживеши по воли своей свободна, черно нося во вѣкъ твой, яко имаши умрети, яко же и прочіе.

Сынъ же мой и твой, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, области къ тебѣ никако да имать. Аще ли къ тебѣ нѣкако неудобопріятно сотворитъ, далече нашего благословенія да будетъ, но во всемъ заповѣдую, яко къ рождшей его матери благопокореніе да стяжетъ. Еще же убо законополагаю тебѣ, да никтоже имать быти обладатель твой, но сломлевай плоть свою постомъ и всякимъ воздержаніемъ, во чернечество же вступить не скоро дерзни, но увѣждь силу терпѣнія ихъ, ибо лютѣ врагъ боретъ на иноки. Одѣяніе же свое продаждь и одежду устрой нищетствующимъ, и украси церкви Божія многія.

Сѣтованія же излишнія да не послѣдуютъ ти, понеже срамно христіаномъ имѣти скорбѣніе велико умершихъ ради, аще и союзъ естества понуждаетъ сицевы ради вины много плакати, но сопротивлятися радостію: вѣмъ убо, яко ина никая же причастна радостей тѣхъ; еще же и сіе вѣсть душа моя, яко инѣхъ скорби и плачъ не точенъ тебѣ.

По семъ же азъ прощенія прошу и разрѣшенія отъ Церкви Божія, и отъ слугъ ея, отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона іерарха и блаженнаго пастыря: аще и не суть нынѣ на престолѣ семъ, Богу тако извольшу. Такожде разрѣшенія прошу отъ святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, и пре-

освященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и у отца моего духовнаго, протопопа Андрея Савиновича, и у всего священнаго собора и монашескаго чина. Слугамъ же нашего величества, болярамъ окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и всякихъ чиновъ людемъ, миръ да умножится. Мене же, царя своего, прощенія да сподобите. Понеже въ необходимую бѣдность путемъ иду неволею. Зрю же убо страшную вещь, грознаго и смертнаго Ангела предстояща мнѣ, и умъ мой весь исчезе.

Но еще пріиди, пресладкая сожительнице моя, и любезнѣйшая паче всея твари сея! и воспріими на руцѣ свои изнемогшее все тѣло мое, да помолюся остатное Христу моему и препочію вѣчнымъ сномъ на рукахъ твоихъ.

МОЛИТВА.

Боже великій и дивный! Боже крѣпкій и безсмертный! Боже высокій и непостижимый! призри съ высоты славы Своея на грѣшнаго раба Твоего, и не отрини отъ мене въ конецъ великолѣпнаго зрака Твоего, и не погуби мене со беззаконми моими, зане Ты еси Богъ кающихся, яви и на мнѣ благость Твою во вратахъ смертныхъ. Кающагося пріими мя и въ сожитіи благихъ Твоихъ сопричти мя, и лика избранныхъ Твоихъ не разлучи мя, и со Ангелы Твоими и со всѣми святыми пѣти Тя выну, даруй ми, и да не похититъ мя рука князя тьмы на воздушныхъ мытарствахъ, и да не отторгнетъ славы Твоея присносущныя, зане азъ рабъ Твой есмь, и сынъ рабыни Твоей и славлю Тя во дняхъ живота моего, яко Ты еси Богъ мой, и въ руцѣ Твои пріими душу мою, и Твоя есть слава и держава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь".

ГЛАВА LXXX.

На родительское мѣсто, на всероссійскій престолъ вступилъ сынъ его, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, на 20 году отъ рожденія, и вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ, рукою святѣйшаго патріарха Іоакима и святымъ муромъ помазанъ.

Въ 1678 году нѣкоторые пишутъ, что былъ соборъ при патріархѣ Іоакимѣ, объ обрядѣ въ день Ваій, по коему патріархъ ѣздилъ на осляти на Лобное мѣсто, а царь держалъ за узду осляти его. Хотя сія почесть относилась, по тогдашнему благочестію царей, къ Божественному лицу Христову, однако, нѣкоторыми толковано было, что сіе для царя унизительно, а патріарху служитъ къ возвышенію предъ лицомъ народа.

Почему на семъ соборѣ и положено, чтобы сію церемонію во всѣхъ городахъ отмѣнить и на осляти не ѣздить, а только въ семъ ходу, гдѣ народъ потребуетъ,.носить образъ Христа, входящаго въ Іерусалимъ. А послѣ сей ходъ и въ Москвѣ отмѣненъ, когда толкованіемъ относили то не къ Христу Господу, но аки бы къ патріарху.

Еще при семъ же патріархѣ былъ соборъ противъ раскольниковъ, кои требовали состязанія о вѣрѣ, которое и дозволено, въ присутствіи самихъ царей, патріарха Іоакима и архіереевъ, гдѣ неистовые раскольники столько произвели буйства и мятежа, что не могло иначе прекращено быть, развѣ властію царскою и наказаніемъ за мятежъ, а не за вѣру.

Смотри о семъ предисловіе къ „Увѣту духовному“.

Государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, имѣя попеченіе о просвѣщеніи и самъ бывъ обученъ латинскому, а нѣсколько и другимъ языкамъ, и имѣя охоту къ математикѣ, къ стихотворству и музыкѣ,—основалъ въ Москвѣ училище духовное, подъ именемъ „Славено-Греко-Латинская Академія“, которая и нынѣ пребываетъ въ лучшемъ и благоуспѣшнѣйшемъ для Церкви состояніи; подъ тѣмъ же именемъ и дана ей отъ него грамата обширная съ учрежденіемъ, которая въ древней Вивліоѳикѣ напечатана.

Государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, возбуждаемый благочестіемъ и тщаніемъ объ устроеніи Церкви въ лучшемъ порядкѣ, съ совѣта патріарха Іоакима, устроилъ вновь епархіи. Первую Устюжскую и Тотемскую, въ 1682 году; первый былъ архіепископъ Геласій, изъ архимандритовъ Новогородскихъ, Духова монастыря. Вторую Воронежскую и Елецкую, въ томъ же 1682 году; первый въ ней былъ епископъ Митрофанъ, изъ игуменовъ съ Унжи, Макарьева монастыря. Третію, въ томъ же 1682 году, Холмогорскую и Важскую, которая послѣ переименована въ Архангелогородскую и Холмогорскую; первый въ ней былъ архіепископъ Аѳанасій, изъ крестовыхъ іеромонаховъ патріарха. Четвертую въ томъ же году Тамбовскую; и первый въ ней былъ епископъ Леонтій, который за мздоимство епархіи лишенъ,—а вторый Питиримъ изъ Вязьмы, архимандритъ Предтечева монастыря; третій Игнатій изъ архимандритовъ съ Рязани Солочинскихъ, который за вины соборомъ, при патріархѣ Адріанѣ, лишенъ епископства и сосланъ въ Соловки. А епархія Тамбовская отдана къ Рязанской епархіи попрежнему, но нынѣ паки возобновлена.

Сей государь, будучи благочестивъ, многихъ магометанъ и язычниковъ обратилъ въ христіанскую вѣру, искупилъ многія тысячи христіанъ изъ плѣну и, ісмѣрно стараясь о просвѣщеніи и возвышеніи Россіи, скончался въ цвѣтущей юности, будучи 26-ти лѣтъ, къ великой

горести и печали всея Россіи, обливавшейся слезами о лишеніи его. Да и подлинно было, о чемъ плакать и рыдать: ибо отъ сего благоразумнаго государя все просвѣщеніе и поправленіе происходило не вдругъ, но помалу и съ соображеніемъ свойства народа, что все было бы еще тверже и надежнѣе, яко онъ основывалъ то на благочестіи и утверждалъ своимъ благочестивымъ примѣромъ. Но сего благополучія непостижимая судьба Божія насъ не удостоила. Тѣло его погребено въ Архангельскомъ соборѣ, съ плачемъ и рыданіемъ всѣхъ.

ГЛАВА LXXXI.

Остались послѣ его два брата: одинъ старшій, и одного съ нимъ отца и матери, Іоаннъ Алексѣевичъ; а другой Петръ Алексѣевичъ, одного отца, но другой матери—Натальи Кирилловны, изъ рода Нарышкиныхъ. Покойный государь, зная немощь большого брата и неспособность къ правленію, объявилъ наслѣдникомъ послѣ себя, по его способности и дарованіямъ, меньшаго брата, царевича Петра Алексѣевича.

Почему въ 1682 году и объявленъ сей царевичъ Петръ, коему тогда было 10 лѣтъ, царемъ; а правительницею—мать его, Наталья Кирилловна,—въ чемъ ему всѣ и присягали. Но стрѣльцы присягать ему отреклися, по возмущенію царевны Софіи Алексѣевны, которая хотѣла, чтобы и большой братъ, царевичъ Іоаннъ, объявленъ былъ царемъ, дабы подъ именемъ одного, какъ слабаго, а другого, какъ младолѣтняго, ей самой управлять, что и воспослѣдовало.

По бунтѣ отъ стрѣльцовъ и по умерщвленіи многихъ изъ рода Нарышкиныхъ и другихъ, принуждены были приступить къ необыкновенному дѣлу: коронованы оба брата рукою патріарха Іоакима и объявлены въ Россіи два царя.

Какіе послѣ бунты происходили отъ сихъ же стрѣльцовъ, какъ оные укрощены, какъ царь Петръ, по смерти царя Іоанна, единъ вступилъ въ правленіе и какія дѣла производилъ, и что съ царевною Софіею учинено,—сіе надлежитъ до гражданской исторіи, въ коей все то, весьма пространно и обстоятельно описано.

А только скажу, что во время сихъ стрѣлецкихъ бунтовъ, стремившихся на жизнь Петра, сохранялъ онъ свою жизнь въ святомъ убѣжищѣ Троицкаго Сергіева монастыря, куда пріѣзжалъ и патріархъ Іоакимъ, и содѣйствовалъ государю къ утушенію бунтовъ.

При патріархѣ Іоакимѣ Кіевская митрополія весьма бѣдствовала и была гонима отъ папистовъ и уніатовъ; нерѣдко по нѣсколько лѣтъ не имѣла она своего православнаго митрополита, а сіе титло присвоили

себѣ живущіе въ Литвѣ, въ Вильнѣ, митрополиты уніатскіе. При сихъ обстоятельствахъ въ 1685 году собрались въ Кіевѣ православные, въ Польшѣ состоящіе, епископы и единогласно приговорили быть митрополитомъ Кіевскимъ Слуцкому православному епископу Гедеону, Святополку, князю Четвертинскому. Но сей избранный, вѣдая, что прежніе многіе митрополиты, посвященные патріархомъ Константинопольскимъ, не смѣли и показаться въ Кіевъ, ради гоненія на нихъ отъ папистовъ, не иначе соглашался стать митрополитомъ, развѣ, когда не отъ Константинопольскаго, а отъ Московскаго патріарха будетъ поставленъ.

На сіе спасительное средство всѣ архіереи согласились, и избранный отправился въ Москву, гдѣ, съ соизволенія царей, патріархъ Московскій Іоакимъ и утвердилъ его избраніе. А чтобы впредь не подать повода къ раздору съ Церковью Константинопольскою, отъ которой дотолѣ производствомъ и другими дѣлами митрополиты Кіевскіе зависѣли, — Россійскіе цари Іоаннъ и Петръ Алексіевичи въ 1686 году отправили къ патріарху Константинопольскому Діонисію боярина Никиту Алексѣева, объ уступкѣ съ его стороны Кіевской митрополіи Россійскому патріарху. На это патріархъ Діонисій въ 1687 году и прислалъ формальныя поступныя граматы.

Отъ сего времени митрополиты Кіевскіе стали зависѣть отъ патріарха Московскаго такъ, какъ и прочіе Россійскіе архіереи. И хотя еще нѣкоторыя православныя епархіи, въ Польшѣ состоящія, зависѣли отъ митрополита Кіевскаго; но всѣ онѣ отъ папистовъ совращены на унію, а оставалась въ наше время одна епархія Бѣлорусская съ малымъ числомъ церквей. Да въ Украинѣ, въ Волыни и въ Литвѣ оставалось немало церквей и монастырей къ уніи не приставшихъ, кои по духовному правленію относились до епархіи Кіевской и Переяславской. Но нынѣ все приняло тамъ новый видъ, когда, по Божіему благословенію, Польша большею частію присоединена къ Россіи.

Патріархъ Іоакимъ скончался въ 1690 году благочестиво и погребенъ патріаршескимъ, тогда бывшимъ въ обыкновеніи, погребеніемъ, которое состояло въ томъ, что мертвое тѣло патріарха во время литургіи на маломъ выходѣ вносимо было въ алтарь; а во время чтенія Апостола и Евангелія на горнее мѣсто, гдѣ мертвому, какъ живому надлежало, поклонялись и просили прощенія, и мира цѣлованіемъ испрашивали; послѣ же литургіи выносимо было въ церковь,—и отпѣвали по обычаю чиномъ монашескимъ, и читана была покойнаго духовная. А положено тѣло его въ Успенскомъ соборѣ, хотя онъ и завѣщалъ погребсти себя въ Новоспасскомъ монастырѣ; также завѣщалъ, что бы его тѣло опрятать не въ архіерейскомъ облаченіи, но въ монашескомъ одѣяніи.

Въ завѣщаніе же свое, довольно пространное, патріархъ и сіе, между прочимъ, не забылъ внести... „Да никако же они, государи цари, попустятъ кому христіанамъ православнымъ въ своей державѣ, съ еретиками иновѣрцы, съ латины, лютеры, кальвины, и злобными татары, ихъ же гнушается Господь, и Церковь Божія съ богомерзкими прелестями ихъ проклинаетъ, общенія въ содружество творити, но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ, тѣхъ удалятися да повелѣваютъ царскимъ своимъ указомъ. Отнюдь же бы иновѣрцы, пришедъ здѣсь въ царство благочестивое, вѣръ своихъ не проповѣдывали, и въ укоризну о вѣрѣ не разговаривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ, и по своихъ ересяхъ ихъ на прелесть христіанамъ не вносили бы, и сіе бы имъ запретить подъ казнію накрѣпко и мольбищныхъ бы по прелестямъ ихъ соборищъ еретическихъ строити не давати всеконечно, но которые и есть гдѣ близъ или между христіанскихъ домовъ и тѣхъ бы разорить годно и должно, яко дьявольская сонмища. Татарове бо зловѣрные, еретики же Церкви святыя отступные, и вси суть прокляти, зане апостолъ святый Павелъ, и въ единой вѣрѣ сущихъ братій, пьянствующихъ же и безчинствующихъ, отлучитися и не примѣшатися къ нимъ заповѣда, кольми паче таковыхъ еретиковъ, развратниковъ и хулителей святыя вѣры нашея отлучатися всячески подобаетъ. Еретики бо, яко лютеры, и кальвины, и латины не совѣтуютъ и не глаголютъ, яже церковная правая, но яже человѣческая новообрѣтенная и чуждая истиннаго благочестія: татарове же проклятые злобожники суть, въ нихъ же никоего добра обрѣтается, и живутъ въ державѣ царской, и между многихъ христіанъ и великихъ градѣхъ, ихъ же въ благочестивую вѣру всячески приводити, велій есть долгъ.

Паки ихъ царское пресвѣтлое величество, благочестивыхъ царей, молю и завѣщеваю предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, да возбранятъ по всякому образу, въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служивыми людьми во всемъ ихъ царствіи проклятымъ еретикамъ, иновѣрцамъ быти начальникамъ. Но да велятъ отставити таковыхъ враговъ христіанскихъ отъ таковыхъ дѣлъ всесовершенно. Понеже они, иновѣрцы, съ нами христіаны, православіе истинное имущими, въ вѣрѣ не единомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ не согласны, Церкви матери нашея чужды, и что таковые еретики проклятые воинству православному сотворятъ помощи? токмо гнѣвъ Божій наводятъ“, и проч.

ГЛАВА LXXXII.

На мѣсто патріарха Іоакима возведенъ на патріаршескій престолъ Адріанъ, митрополитъ Казанскій, въ 1690 году.

При немъ былъ соборъ на діакона Новомѣщанской въ Москвѣ Петропавловской церкви (что нынѣ, мню, Адріана и Наталіи) Петра, который, учившись у езуитовъ и напившись ихъ духомъ, училъ, что единъ папа есть истинный пастырь, и церковь Римская едина—не въ заблужденіи, а Греко-Россійскіая отступила отъ истины, и патріархи православные суть не патріархи, но растеряхи. Сего, безумнаго и съ ума сведеннаго езуитами, Петрушку лишили діаконства въ 1692 году и послали къ архіепископу Аѳанасію въ Холмогоры, для исправленія; но онъ и тамъ не исправенъ и ожесточенъ остался, а потому сосланъ въ Соловецкій монастырь въ заточеніе.

Какія были другія церковныя дѣянія сего патріарха,—сего не обрѣлъ, кромѣ, что онъ особенно любилъ Перервинскій, близъ Москвы монастырь, гдѣ и кельи для себя устроилъ, и церковь не малую, довольно красивую, и трапезную подъ нею церковь со службами, иконостасъ благолѣпный, и самъ сію церковь освятилъ, и въ монастырѣ семъ почасту, уединяясь, жительствовалъ. Гдѣ, по его святымъ и богоугоднымъ молитвамъ, основано училище для духовныхъ наукъ въ 1775 году, а кельи его посвящены на библіотеку. Скончался онъ христіански въ 1700 году, былъ пастырь благочестивый, добродѣтельный и кроткій.

Его блаженною кончиною окончалось и патріаршество, украшавшее почти цѣлый вѣкъ Церковь всероссійскую, съ великимъ ея назиданіемъ.

А съ кончиною сего святѣйшаго патріарха и патріаршества всероссійскаго и я оканчиваю сію мою церковную исторію.

Какія были причины упраздненія патріаршества,—оныя объяснены въ духовномъ Регламентѣ, въ испытаніи коихъ входить не должно. А о бывшихъ въ Россійской Церкви 10 патріархахъ, самая истина исторіи понуждаетъ сказать, что они были пастыри благочестивые, о пользѣ Церкви попечительные, ревностные любители отечества и его благосостоянія. А первые три—Іовъ, Гермогенъ и Филаретъ заслужили себѣ вѣчно быть прославляемы отъ Церкви и отечества, такъ что, ежели бы ихъ во время мятежей слушали, то едва ли бы таковое государства всего несчастіе приключилось. Но и прочіе всѣ патріархи ничего, кромѣ блага для Церкви и общества, противнаго не явили. Единъ патріархъ Никонъ выставляется, какъ противникъ государской

власти и возмутитель. Но, не дѣлая особое защищеніе его, скажу только, что онъ довольно оправданъ тѣмъ, что 1) самъ государь царь Алексѣй Михайловичъ, по волѣ коего онъ изверженъ, при кончинѣ своей, просилъ отъ него прощенія и разрѣшенія, именуя его „отцемъ своимъ духовнымъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ Никономъ, іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ". 2) Что сынъ его и наслѣдникъ, благочестивый государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, возвратилъ ему всю патріаршу честь и именованіе, погребъ его, какъ патріарха, и у вселенскихъ патріарховъ исходатайствовалъ ему разрѣшеніе и возвращеніе всѣхъ патріаршихъ преимуществъ.

Осмнадцатый вѣкъ начало свое въ Россіи воспріялъ тѣмъ, что отмѣнено числить новый годъ съ 1-го сентября, и оставлено особое празднество, бывшее въ тотъ день; а повелѣно числить съ 1-го января, что, по Божіимъ сокровеннымъ судьбамъ, было какъ бы нѣкоторымъ предзнаменованіемъ, что въ осмнадцатомъ вѣкѣ, теченіе всякихъ въ Россіи дѣлъ и вещей воспріиметъ видъ новый. Почему съ начала сего новаго вѣка теченіе и церковныхъ дѣлъ (оставаясь, какъ старикъ, при старыхъ дѣлахъ) предоставляю описывать другому изъ новыхъ, коему продолжить то будетъ тѣмъ удобнѣе, что все почти въ свѣжей еще памяти содержится, и письменныхъ о томъ извѣстій можетъ отыскаться неоскудное число.

Бывъ по судьбѣ Божіей пастыремъ царствующаго града Москвы и Московской епархіи, особеннымъ, до меня принадлежащимъ, обязательствомъ почитаю приложить малое что о Московской епархіи.

По упраздненіи патріаршества, Москва не имѣла собственнаго своего пастыря, до 1744 года. А управляема была епаршескими архіереями, случайно жившими въ Москвѣ и въ Конторѣ Сунодальной присутствовавшими, подъ главнымъ вѣдомствомъ Святѣйшаго Сунода.

1) А въ 1742 году опредѣленъ особый епархіальный архіерей, Іосифъ Волчанскій, архіепископъ, переведенный изъ Могилевскихъ епископовъ; преставился въ Москвѣ въ 1745 году, и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, который назначенъ быть каѳедрою Московскаго архіерея.

2) Платонъ Малиновскій, изъ Крутицкихъ архіепископовъ, переведенъ въ 1748 году архіепископомъ же; преставился въ Москвѣ въ 1754 году, и погребенъ въ Чудовѣ.

3) Тимоѳей Щербатскій переведенъ изъ митрополитовъ Кіевскихъ въ 1757 году; преставился въ Москвѣ въ 1767 году и погребенъ въ Чудовѣ.

4) Амвросій Каменскій, архіепископъ, переведенъ изъ архіепископовъ Крутицкихъ 1768 года, и въ 1771 году былъ убіенъ въ мятежѣ народномъ во время язвы, и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

5) Платонъ вторый, сей исторіи писатель, переведенъ изъ архіепископовъ Тверскихъ архіепископомъ же, въ 1775 году, января 21-го дня. И какъ въ Твери, такъ и въ Москвѣ оставлена при его управленіи и Троицкая лавра. Въ 1787 году, іюня 29 дня, провозглашенъ онъ митрополитомъ въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ, въ присутствіи императрицы Екатерины II, и доселѣ, то есть, до сего 1804 года, оною епархіею управляетъ *).

---

*) Такимъ образомъ, Церковная Россійская исторія митроп. Платона заканчивается 17-мъ вѣкомъ. Не взирая на нѣкоторые недостатки, свойственные тогдашнему времени, когда еще не установилась историческая критика, и зависѣвшіе отъ неизвѣстности источниковъ, впослѣдствіи открытыхъ, этотъ церковно-историческій трудъ, какъ первый замѣчательный на русскомъ языкѣ, достоинъ вниманія. И прежде всего, разсматривая русскаго, какъ гражданина и какъ христіанина, митроп. Платонъ одушевилъ исторію любовію къ отечеству и благочестіемъ. Его исторія достойна вниманія по оригинальнымъ взглядамъ на лица и событія, по остроумнымъ замѣчаніямъ и догадкамъ, оправданнымъ впослѣдствіи фактами, по безпристрастнымъ сужденіямъ о состояніи духовенства въ Россіи, объ іезуитахъ, о Лжедимитріи, какъ ихъ орудіи и пр. Не имѣя подъ руками историческихъ матеріаловъ, изъ коихъ для насъ очевидно, чьимъ произведеніемъ былъ самозванецъ, святитель Платонъ, руководимый единственно своимъ проницательнымъ умомъ, пришелъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, кои въ историческихъ матеріалахъ представляются какъ факты; и, помимо того, онъ выразилъ много другихъ замѣчательныхъ мыслей. Между прочимъ, въ Платоновой Церковной исторіи обнаруживается личное предубѣжденіе сочинителя противъ римскаго католицизма, такъ что онъ даже полагаетъ, что „папежство наиболѣе всего развратило христіанскую вѣру и для ней есть опаснѣйшая зараза“.

Въ свое время Платонова Церковная Россійская исторія была переведена на нѣмецкій языкъ, и ученый Штраль (1836 г.) призналъ ее „весьма важною для русской церковной исторіи по ея прямымъ основаніямъ“. Выше (см. т., стран. 22) нами были приведены сужденія Филарета, архіеп. Черниговскаго, проф. П. Знаменскаго и С. М. Соловьева о Церк. исторіи митроп. Платона. Къ этому слѣдуетъ присоединить слѣдующій отзывъ о Платоновой исторіи императора Александра I-го въ письмѣ его къ м. Платону, отъ 1806 г. января 2-го: „Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я писаніе ваше и приложенное при немъ сочиненіе, въ которомъ столь достойно изображаете произшествія Церкви Россійской. Будучи однимъ изъ знаменитѣйшихъ пастырей оныя, вы почтили память предшественниковъ, которыхъ славу раздѣляете. Исторія сохранитъ подвиги ревности вашей, между тѣмъ какъ краснорѣчивыя творенія ваши доставятъ потомству тѣ же утѣшенія, которыми услаждали они современниковъ“

Путевыя записки преосвящ. митрополита Платона, Московскаго и Калужскаго, въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому и Владиміръ, 1792 года *).

Выѣхали изъ Виѳаніи Августа 18 дня 1792 года, въ 6 часу пополудни, на почтовыхъ подводахъ; пріѣхали въ Переславль 19 дня, въ 6 часовъ по полуночи, нигдѣ не останавливаясь, а только перемѣнивъ на дорогѣ лошадей. Время было чрезъ всю дорогу ненастливое и холодное; поутру былъ дождь великій; дорога нѣсколько грязна и гориста, однако-жъ, горы не крутыя и потому незатруднительны; лѣсовъ по дорогѣ немало; земля плодородіемъ средственна и селъ знатныхъ по дорогѣ нѣтъ.

Въѣхавъ въ городъ, посѣтили монастырь дѣвичій Ѳеодоровскій, штатный, 3-го класса, который, съ пріѣзда города, стоитъ первымъ на мѣстѣ возвышенномъ и открытомъ; обширностію не малъ, ограда каменная и все почти строеніе каменное; иконостасъ въ придѣлѣ Адріана и Наталіи примѣчателенъ отличною фигурою, и весь вообще монастырь не худъ. Изъ сего монастыря поѣхали въ Даниловъ монастырь, мужескій; тутъ остановились и слушали раннюю обѣдню и молебенъ въ придѣлѣ настоящей церкви. Церковь старинная о двухъ столбахъ, величиною средственна; стѣнное писаніе обыкновенное старинное, въ ней—мощи преподобнаго Даніила, основателя монастыря, которыя положены недавно, сверхъ общаго обыкновенія, не въ землѣ, но на поверхности

*) Въ этихъ городахъ митроп. Платонъ посѣтилъ, въ августѣ 1792 г., святыя обители для поклоненія опочивающимъ тамъ свв. угодникамъ Божіимъ и чудотворнымъ иконамъ, для обозрѣнія достопримѣчательностей и отысканія въ монастырскихъ библіотекахъ матеріаловъ Русской Церковной исторіи, преподаваніе коей онъ хотѣлъ ввести въ духовныя училища и составить опытъ руководства къ оной. Съ такою же, между прочимъ, благочестивою и любознательною цѣлью было предпринято митроп. Платономъ и въ 1804 г. путешествіе въ Кіевъ, въ эту колыбель отечественнаго христіанства, гдѣ онъ надѣялся найти новые матеріалы для русской церковной исторіи. Здѣсь предлагаются записки святителя Платона о томъ и другомъ путешествіи.

оной. Потомъ смотрѣли трапезу, которая не мала и была бы гораздо болѣе и красивѣе, если бы настоятели, для расширенія своихъ келій, не уменьшили оной; келіи же настоятельскія сами по себѣ малы и не худы. Послѣ сего прохаживались по монастырю и за монастыремъ. Въ монастырѣ нашли старыя архимандричьи келіи, въ коихъ, въ одной сторонѣ отъ воротъ, нынѣ—Духовное Правленіе: способны и приличны для жительства, но онѣ запущены. Прочее зданіе каменное, немалое, но также не въ устройствѣ. За монастыремъ прудъ небольшой и лугъ, также монастырю принадлежащій, за монастыремъ же деревянная большая конюшня, которая развалилась и пуста, жаль что она брошена. Колоколъ большой болѣе 500 пудовъ, звука не худаго; вообще монастырь мѣстоположеніемъ на мѣстѣ возвышенномъ къ городу и половиною своею къ полю, а съ другой окруженъ строеніемъ; ограда каменная, обширностію, кажется, около 300 сажень. Въ нашу бытность монастырь сей назначенъ для пребыванія бывшему архіепископу Астраханскому Никифору греку; но его въ монастырѣ не было.

Въ сей монастырь игуменъ Никитскаго монастыря и священники городскаго собора приходили поздравлять насъ съ пріѣздомъ, но изъ гражданъ никого видѣть не имѣли удовольствія, можетъ быть, за весьма ненастливою погодою. Изъ Данилова монастыря, пообѣдавъ въ немъ, выѣхали въ пять часовъ по-полудни того же дня и были въ бывшемъ Горитскомъ каѳедральномъ соборѣ, который соборъ построенъ по новому вкусу и прекрасенъ отлично хорошимъ расположеніемъ и украшеніемъ и достоинъ быть каѳедрою епископскою. Въ нынѣшнемъ его положеніи нельзя на него смотрѣть безъ чувствительности. Жаль также, что Геѳсиманія, зданіе немалое, твердое и красивое, даже не покрыта и брошена; а потому удивительно, что никто изъ бывшихъ епископовъ не вошелъ, чтобы сіе зданіе окончить, тѣмъ паче, что она—не иное что, какъ назначена быть трапезою собора, и безъ нея соборъ представляется какъ бы неоконченнымъ, да и всей линіи, поелику она стоитъ въ срединѣ собора и дома архіерейскаго, дѣлаетъ безобразіе. Но нынѣ какъ каѳедра, такъ и домъ архіерѣйскій, упразднены и все въ обветшаніе приходитъ; удивленіе сіе уже мѣста не имѣетъ и сіе какъ будто бы было предвидѣно, когда Геѳсиманія не была отдѣлываема. Были также въ церкви въ архіерейскихъ каменныхъ покояхъ, кои не худы и веселы; въ ней иконостасъ не худъ и съ отмѣннымъ мудрованіемъ.

Монастырь Горитскій мѣстоположеніемъ весьма красивъ, стоитъ на высокомъ мѣстѣ, а городъ самый стоитъ внизу: въ немъ, говорили намъ, приходскихъ церквей 22; двадцать каменныхъ, изъ коихъ пять строенія не худаго, двѣ деревянныхъ. Въ городѣ соборная старинная церковь небольшая, и стоитъ, какъ сказывали, около 600 лѣтъ—вся

изъ бѣлаго камня; въ алтарѣ оной—гробница Димитрія, сына Александра Невскаго; за правымъ клиросомъ—Іоанна Димитріевича, его сына. Двѣ же новыя городскія церкви устроены изъ дѣвичьяго монастыря, который упраздненъ; но нынѣ и тотъ соборъ обращенъ въ приходскую церковь. Въ приходской церкви Андреевской, обращенной въ приходскую изъ дѣвичьяго монастыря, почиваютъ мощи князя Андрея Смоленскаго подъ спудомъ. Въ самомъ городѣ дѣлаетъ хорошій видъ заштатный, мужескій, Никольскій монастырь: ограда каменная хороша и церковь изрядная; впрочемъ, строеніемъ скуденъ. Озеро Клещино въ длину, какъ говорили, 10, а въ ширину 8 верстъ, подходитъ подъ городъ, и съ одной сѣверной стороны по немъ расположено городское строеніе; славится особливо сельдями и лещами; глубиною оно, какъ сказываютъ, мѣстами около 25 саженъ; вода въ немъ чистая.

Изъ Горитскаго монастыря поѣхали въ Никитскій монастырь, который отстоитъ отъ городского строенія верствы съ двѣ; были во всѣхъ церквахъ. Настоящая церковь, въ которой—мощи преп. Никиты подъ спудомъ, хороша и не мала; подалѣе къ западной сторонѣ—столпъ каменный, мѣрою такой, въ какомъ оный преподобный спасался; въ немъ лежатъ вериги желѣзныя, пуда въ два; трапеза въ ономъ монастырѣ и съ церковію хорошо прибрана и уютна; изъ нея прямой ходъ въ игуменскія кельи, которыя довольно выгодны. Монастырь на мѣстѣ высокомъ, открытомъ, веселомъ, надъ озеромъ, отъ жилья нѣсколько удаленъ и монашескому житію пристоенъ; ограда кругомъ каменная, не худа и келій каменныхъ довольно; обширностію, кажется, болѣе 300 саженъ. Переславль городъ—положеніемъ на ровномъ мѣстѣ, съ одной стороны къ озеру, посредственной величины и строенія; только фабрика одна каменная—великая и видъ хорошій дѣлаетъ; видъ имѣетъ не худой, жители не кажутся быть привыкшими къ людскости и незажиточны.

Выѣхали изъ онаго монастыря въ тотъ же день, въ 7 часу по-полудни, въ погоду средственную; до половины дороги лѣса были по обѣимъ сторонамъ небольшіе, а съ половины къ Ростову безлѣсно, дорога гладкая, грунтъ земли крѣпкій, только къ Ростову земля нѣсколько болотиста и потому въ ненастье грязна. На половинѣ дороги стоитъ новый городъ Петровскъ; но, по несчастію, мы проѣхали его въ полночь и потому не видѣли и ничего сказать объ немъ не можемъ. Въ Ростовъ пріѣхали прямо къ Яковлевскому монастырю, 21 числа, въ 6 часу по-полуночи, гдѣ, приложившись къ мощамъ, поѣхали въ бывшій архіерейскій домъ, гдѣ остановились. Въ Яковлевскомъ церковь величиною средственна: росписаніе по стѣнамъ старинное, иконостасъ новый, по новому вкусу, и потому древности не соотвѣтствуетъ; рака, гдѣ опочиваютъ мощи, серебряная, и надъ нею—клеймо съ образомъ

митрополита Димитрія серебряное же, новой фигуры и немалой цѣны по количеству серебра стоющія. Ризница въ немъ новыми облаченіями и утварями не худая. Ограда кругомъ каменная и кельи каменныя о двухъ ярусахъ, расположены порядочно и новой архитектуры, дѣлаютъ видъ красивый; окружностію монастырь, кажется, до 300 саженъ, на мѣстѣ низкомъ, на берегу озера, а съ другихъ сторонъ окруженъ строеніемъ градскимъ.

Въ соборѣ каѳедральномъ были у ранней обѣдни въ тотъ же день. По выслушаніи оной и по входѣ въ домъ, приходили съ поздравленіемъ многіе священники, городничій съ прочими судьями и гражданами, граждане приходили съ хлѣбомъ и солью. Послѣ сего ходили по оградѣ архіерейскаго дома, по церквамъ и по палатамъ, къ дому архіерейскому принадлежащимъ. А какія и какого строенія того архіерейскаго дома церкви и прочее зданіе, замѣчено: 1) соборная церковь Успенія Божіей Матери, немалая, саженей кажетъ около 15 въ длину; иконостасъ хорошій, рѣзной, великъ, стѣнное писаніе старинное же, но возобновлено нѣсколько по новому. Сказываютъ, что она построена около 600 лѣтъ; видъ имѣетъ величественный и древностію достопочтенный; каѳедрою епископскою быть достойна. Въ ней погребены, по повѣствованію тамошнихъ: 1) Іона митрополитъ, 2) Варлаамъ митрополитъ, 3) Кириллъ митрополитъ, 4) Іона митрополитъ, 5) Варлаамъ митрополитъ, 6) архіепископъ Ѳеодоръ, 7) между столпами, на той же сторонѣ—епископъ Аѳанасій. На лѣвой сторонѣ: 1) гробъ Іосифа митрополита, 2) Іоакима архіепископа. Подъ соборомъ, сказывали, погребены многіе владѣтельные князи; но мы того видѣть не могли, ибо входъ туда закладенъ

Въ архіерейскомъ домѣ—церквей: 1) при входѣ въ архіерейскій домъ, надъ св. воротами, церковь каменная и высокая, Воскресенія Христова, вокругъ съ папертями, о пяти главахъ. Въ той церкви и на паперти кругомъ росписано древнимъ стѣннымъ, хорошимъ, яркимъ и еще свѣжихъ красокъ письмомъ, и вмѣсто иконостаса самая стѣна росписана изображеніями святыхъ; только два мѣстные образа Спасителя и Богоматери, въ кіотахъ деревянныхъ раскрашенныхъ; она заслуживаетъ, по своей величинѣ и украшенію, почтена быть соборною. 2) Одигитріи Пресв. Богородицы у ограды, объ одной главѣ; внутри иконостасъ деревянный мѣстами золоченый, и вся подмазана штукомъ. 3) Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, на воротахъ, что къ конюшенному двору, о пяти главахъ, съ папертями вокругъ; внутри и на папертяхъ росписано древнимъ стѣннымъ хорошимъ письмомъ, и на немъ краски весьма ярки и нимало вида своего не измѣнили; вмѣсто иконостаса, стѣна росписана, а только двѣ мѣ-

стныя иконы Спасителя и Богородицы въ кіотахъ столярныхъ, раскрашенныхъ деревянныхъ, на мѣдныхъ точеныхъ столбахъ. Въ ней крылосы столярной искусной работы, покрытые шатромъ, на мѣдныхъ точеныхъ столбахъ. Примѣчанія достойно, что въ сей церкви предъ царскими дверьми, на двухъ кирпичныхъ золоченыхъ столпахъ, сѣнь со сводомъ, вся расписана хорошимъ письмомъ, и такая-жь точно сѣнь на горнемъ мѣстѣ въ алтарѣ: дѣлаютъ видъ отличный и хорошій; въ церкви появляются немалыя разсѣдины. 4) Св. Григорія Богослова, о пяти главахъ; въ ней иконостаса никакого нѣтъ и служенія не имѣется; только подмазана штукатуркой по стѣнамъ, съ клеймами, въ коихъ написаны праздники живописной работы. Сказываютъ, что тутъ прежде былъ монастырь, и въ томъ монастырѣ пребывалъ св. Стефанъ, епископъ Пермскій. 5) Всемилостиваго Спаса, что на сѣняхъ объ одной главѣ, церковь преузорочная, величины средственной, но высока. Вмѣсто иконостаса стѣна вся хорошо росписана; мѣстныхъ образовъ только два, въ кіотахъ, сѣнь предъ царскими дверьми и на горнемъ мѣстѣ, такъ-же, какъ и въ церкви Воскресенской вышеписанной. Сверхъ того, примѣчанія достойно, что мѣсто предъ царскими дверьми, во всю широту церкви, отъ царскихъ дверей, яко сажени на три, возвышено на 8 ступеней и представляетъ восхитительный видъ, и все то покрыто арками отрытыми; арки кирпичныя, всѣ росписаны прекрасно, поддерживаются столпами кирпичными, червоннымъ золотомъ сплошь вызолоченными. На семъ же мѣстѣ и крылосы покрытые, хорошо отработанные; около царскихъ дверей столбики и прочее украшеніе обито мѣдными листами, черезъ огонь золочеными. Церковь по всему достойна содержанія, яко нѣкая рѣдкость. Во всѣхъ оныхъ церквахъ, кромѣ Георгіевской, полы чугунные. 6) Церковь въ покояхъ архіерейскихъ деревянная, подвижная, невдавнѣ построенная. При Спасской церкви прежде была великая, называемая Столовая Бѣлая палата; въ срединѣ поддерживается большимъ столпомъ каменнымъ; вся внутри подмазана штукатуркою и убрана искуснѣйшею мелкою лѣпною работою. Къ сожалѣнію, оная лѣпная дорогая работа уже много отвалилась, и нынѣ та палата обращена на содержаніе значковъ цеховыхъ, коихъ до десятка стоитъ.

Также безъ всякаго уваженія оставлены настоящія зданія въ архіерейскомъ домѣ. Въ особомъ положеніи—корпусъ каменный; въ немъ великая палата, называемая Красная, поддерживаемая въ срединѣ большимъ столпомъ, расписана вся церковь древнимъ хорошимъ письмомъ, съ живыми красками, и все расписаніе весьма кажется ново. Въ сей палатѣ, сказываютъ, принимали государей; но нынѣ въ ней полъ чугунный выломанъ. Покои архіерейскіе деревянные, на каменномъ фун-

дамент'ѣ, невелики; въ нихъ пребываніе имѣли новѣйшіе. Домъ архіерейскій новый, изъ стараго передѣланный и въ вышину прибавленный, о трехъ этажахъ, саженяхъ на тридцати: былъ бы хорошъ и доволенъ, если бы онъ былъ оконченъ, онъ только отдѣланъ вчернѣ и покрытъ, а внутри не обработанъ и въ такомъ состояніи нынѣ остался. У архіерейскаго дома ограда каменная, съ переходами, по угламъ съ башнями, окружностію, кажется, до 250 саженъ.

Близъ собора колокольня, небольшая, но широкая; на той колокольнѣ колоколовъ: 1-й въ 2000 пудовъ, звонъ гвостовскій, 2-й въ 1000 пудовъ, 3-й въ 500, а всѣхъ 13 колоколовъ; звонъ удивительный и нигдѣ примѣра не имѣющій, ибо устроенъ по инструментальной музыкѣ; и пресладостно вызваниваютъ три порядочные концерта: первый называется Георгіевскимъ, 2-й Якимовскимъ, 3-й Арсеніевскимъ, и всѣ колокола къ тому прибраны способные, и звонари звонятъ со вниманіемъ другъ на друга и на удареніе колоколовъ смотрятъ. Соборъ обнесенъ каменною небольшою оградою. Приходскихъ церквей въ Ростовѣ 25, изъ коихъ, кажется, до 8 деревянныхъ. Монастырей въ городѣ 7. Первый Богоявленскій Авраміевъ, штатный, близъ города, посредственный величиною и строеніемъ, на мѣстѣ открытомъ низкомъ и невыгодномъ. 2-й Борисоглѣбскій, за 15 верстъ отъ Ростова, гдѣ мы не были; 3-й Яковлевскій монастырь, о коемъ прежде писано; 4-й штатный Петровскій, близъ города, строенія средственнаго, ограда кругомъ каменная, положеніемъ сходенъ съ Авраміевымъ; 5-й Бѣлогостицкій заштатный; въ оному не были, но, кажется, не худъ, и съ дороги виденъ былъ; отъ города отстоитъ верстахъ въ пяти; 6-й Троицкій заштатный; 7-й дѣвичій штатный монастырь, третьяго класса въ самомъ городѣ, строеніемъ средственъ, въ худомъ положеніи и окруженъ городскимъ жильемъ.

При самомъ городѣ Ростовѣ съ полуденной и западной сторонъ большое озеро, называемое Неро, а кажется, надлежитъ называть Меря, какъ видно изъ Лѣтописцевъ, которое, сказывали, верстъ 15 въ долготу, а въ ширину семь. Озеромъ протекаетъ рѣка Сара, и къ удивленію, услышали, что озеро столь великое, окружающее городъ, принадлежитъ все одной какой-то помѣщицѣ, а изъ гражданъ никто никакого участія въ немъ не имѣетъ; и въ немъ рыба вкусу не противна, только, кажется, дряхла и малосочна; городъ средственной величины, но больше Переяславля; положеніемъ на низкомъ и ровномъ мѣстѣ, строеніе весьма средственное и много пустырей, но много уже построено каменнаго строенія по новому плану и не одну улицу видѣли хорошо устроенную и прямую. Жители показывались намъ набожны и благонравны.

Пообѣдавъ, выѣхали мы изъ архіерейскаго дома Ростовскаго въ пять часовъ и заѣхали въ Богоявленскій Авраміевъ монастырь, гдѣ встрѣчены архимандритомъ съ братіею. Онъ отстоитъ отъ городскаго строенія версты съ двѣ: были въ церкви; изъ церкви посѣтили архимандричьи кельи, кои вновь построены и показались немалы, въ сравненіи монашескихъ скудныхъ келлій, въ коихъ живутъ монахи, именуемые архимандриту братья. Изъ сего монастыря заѣхали въ Петровскій монастырь; были въ церквахъ, гдѣ показываемы были золотыя деньги, называемыя Петра апостола, серебряныя же Павловыми, якобы отъ нихъ данныя Петру царевичу; онѣ похожи на старинныя копѣйки, и кажется, не золотыя, а золоченыя.

При выходѣ изъ монастыря, отправились въ путь въ Ярославль въ 7-мъ часу пополудни. Отъ Ростова до половины дороги нѣтъ совсѣмъ лѣсовъ и представляется степь, а съ половины дороги лѣса мѣстами есть небольшіе. Дорога ровна и горъ нѣтъ и не грязна. Погода въ дорогѣ была холодноватая и пасмурная. Въ три часа за полночь, 21 числа, въ Ярославль пріѣхали чрезъ каменныя, вновь построенныя ворота, и стали въ архіерейскомъ домѣ, который въ бывомъ Спасскомъ монастырѣ. Видъ города красивъ, ибо городъ положеніемъ ниже, а съ пріѣзда выше мѣсто. Въ самомъ монастырѣ смотрѣли церкви и ризницу. Настоящая церковь старинаго зданія не велика, о двухъ столпахъ, росписана обыкновеннымъ древнимъ письмомъ; другая возлѣ ея церковь также не велика, гдѣ обрѣтаются мощи благовѣрнаго князя Ѳеодора и чадъ его, въ одной ракѣ, открытыя. Ярославская ризница архіерейская, какъ и Ростовская, довольна старинными саккосами, особливо двумя алтабасными съ жемчугомъ. Панагіи древнія изрядныя и немалоцѣнныя и ихъ немалое число, да шапки двѣ или три хорошія и не малоцѣнныя. Монастырскую ризницу смотрѣть позабыли; еще не худы золотые сосуды не малаго вѣса, особливо хороши на потирѣ финифтяныя на золотѣ штуки и хорошо каменьями убраны. Весь монастырь не малъ, кругомъ около 350 саж.; ограда каменная; не мало въ немъ строенія, лучшее же въ немъ строеніе—архіерейскіе покои; при нихъ трапезная церковь велика была; но нынѣ отъ нея нѣсколько отдѣлено въ покои съ архіерейскими соединенные. Семинарская линія не худа и не мала. Положеніе монастыря не лучшее: ибо почти въ срединѣ города и окружено строеніемъ приватнымъ. Ѣздили въ городской соборъ слушать литургію раннюю. Пріѣзжали въ архіерейскій домъ господинъ губернаторъ и другіе чиновные поздравить съ пріѣздомъ. Граждане приносили хлѣбъ и соль и поднесли 9 живыхъ стерлядей. Обѣдали мы въ архіерейскомъ домѣ. Соборъ въ городѣ древній такой же, какъ и Ростовскій, только меньше; иконостасъ рѣзной, не худой.

При немъ старый архіерейскій домъ, каменный, не худъ былъ; но нынѣ запущенъ. Изрядный и довольно новый архіерейскій домъ, саженей до 30, о двухъ этажахъ, на красивомъ мѣстѣ и съ службами, который, соединивъ съ старымъ архіерейскимъ домомъ, былъ бы выгоднѣе нынѣшняго архіерейскаго дома въ Спасскомъ монастырѣ и притомъ пристойнѣе, яко близъ самаго собора состоящій; но онъ нынѣ такъ же, какъ и старый архіерейскій домъ, отданъ свѣтскому правительству. Въ семъ городѣ церквей, сказывали намъ, 42; всѣ каменныя, не худыя. Въ городѣ строенія много каменнаго новаго; гостинный дворъ, лавки и постоялые дворы каменные, хороши; прочее строеніе старое деревянное средственное. Весь городъ на мѣстѣ ровномъ и возвышенномъ: ибо на берегу Волги стоитъ; и положеніе мѣста хорошее. Волга мѣстами имѣетъ острова, близъ версты; въ ней ловятся стерляди, небольшіе осетры, бѣлая рыбица и прочая рыба. Городъ не столько великъ, какъ прежде мы слышали, ибо онъ по берегу имѣетъ длины до трехъ верстъ, а ширины отъ рѣки до двухъ верстъ, или съ половиною. Жители не такъ по наружности расположены, какъ бы отъ такого города ожидать надлежало. Извозщиковъ нигдѣ не видали столько нахальныхъ и мало стыда знающихъ. Ѣздили мы до обѣда въ Толгскій монастырь, верстъ 7 сухимъ путемъ; но какъ онъ стоитъ на другомъ берегу Волги, то не могли переѣхать рѣки, по причинѣ немалаго волнованія и сильнаго вѣтра. Шедши берегомъ, примѣтили мы, что по берегу растетъ, не саженое, называемое божье деревцо, что кажется въ другихъ мѣстахъ необыкновенно.

Выѣхали изъ Ярославля въ Кострому въ 6 часу того же дня, за полдень, переѣхавъ Волгу на паромѣ; проститься пріѣзжалъ господинъ губернаторъ, и провожали духовные и граждане. Дорога до Костромы очень хороша, ровна и горъ совсѣмъ нѣтъ; нѣсколько есть лѣсовъ по берегу Волги отъ Ярославля. Тутъ же примѣтили на берегу Волги посаженной капусты столь много, что, кажется, на три версты и болѣе капусту одну проѣзжали. Изъ Ярославля посланъ былъ чиновникъ изготовить намъ лошадей. Погода была хорошая и мѣсячно свѣтлая.

Въ Кострому пріѣхали въ три часа пополуночи; въѣхали прямо въ архіерейскій домъ, что въ бывомъ Ипатіевскомъ монастырѣ, который встрѣчается первымъ съ пріѣзда и отдѣленъ отъ города не малою рѣкою Костромою. Слушали раннюю литургію въ домовой церкви у преосвященнаго Костромскаго, который принялъ насъ любовно. Послѣ того пріѣзжали городничій и другіе чиновные и граждане; но граждане, хотя всѣхъ нами видѣнныхъ городовъ жителей достаточнѣе и приборнѣе, однако, обыкновенія, чтобы насъ почтить принесеніемъ хлѣба, неизвѣстно почему, соблюсти не разсудили за благо. Господинъ гене-

ралъ-губернаторъ Заборовскій присылалъ насъ поздравить; но самъ посѣтить отозвался болѣзнію, а потому и мы его въ болѣзни безпокоить не смѣли. Посѣтилъ насъ губернаторъ и другіе чиновники. Послѣ того, ходили по монастырю архіерейскаго дома и за монастыремъ. Настоящая церковь старинная, не худа и росписана по старинному, похожа на всѣ соборы старинные; иконостасъ старинный, рѣзной, не худой. На мѣстномъ образѣ Троицы вещи золотыя и похожи на лаврскія, что у Троицкаго образа; подъ нимъ висятъ три золотыя медали, съ изображеніемъ Карла девятаго, Шведскаго короля, привѣшены къ образу отъ царя Михаила Ѳеодоровича, какъ видно изъ надписи на золотой дщицѣ. Въ семъ соборѣ мѣсто царское деревянное, не вызолоченное, на коемъ, говорятъ, избранъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; но оно, кажется, работы новѣйшей, и по немалой рѣзьбѣ примѣчается, что въ такое короткое время, какъ тогда обстоятельства требовали, сдѣлано быть едва ли могло. Трапезная церковь не худа и не мала; строеніе и ограда каменныя и окружностію будутъ около 400 сажень. Ризница архіерейская, особливо новыми хорошими облаченіями, довольна и содержится въ порядкѣ. Монастырь съ одной стороны стоитъ по берегу рѣки Костромы, которая больше Москвы рѣки и впадаетъ, съ полверсты отъ дома, въ Волгу; положеніе красивое и возвышенное; домъ архіерейскій покоями доволенъ, конхъ будетъ до 30, и прочаго зданія каменнаго въ немъ не мало; но выгодъ хозяйскихъ имѣетъ весьма немного. Преосвященный угощалъ насъ обѣденнымъ столомъ; въ 5 часу ѣздили мы чрезъ Кострому, въ шлюпкѣ, въ городской соборъ; соборная церковь съ Ярославскою сходна фигурою, иконостасъ новый хорошій; въ немъ образъ, почитаемый чудотворнымъ, Ѳеодоровскія Богородицы, гдѣ не мало богомольцевъ бываетъ. Другой соборъ новый, зимній, пространенъ и хорошъ. Кромѣ сего, два монастыря въ городѣ самомъ; первый Богоявленскій, втораго класса; въ немъ мы смотрѣли церковь, ризницу и строеніе: монастырь, ризница и зданіе посредственные, въ положеніи невыгодномъ, ибо внутри жилья городскаго. Второй монастырь Крестовоздвиженскій, женскій, третьяго класса. Церквей приходскихъ, какъ сказывали, 30, одна деревянная. Каменнаго строенія новаго, по плану, выстроено не мало, особливо лавки не худо построены; весь городъ положеніемъ красивъ; расположенъ на берегу Волги.

Въ архіерейскомъ домѣ переночевавъ, выѣхали изъ Костромы въ Суздаль 23 числа, въ 8 часовъ; черезъ Волгу провожалъ преосвященный и купечество до села Никольскаго, которое на полверсты отъ Волги. Отъ господина генералъ-губернатора посланъ былъ капитанъ-исправникъ, проводить, чтобы не имѣли мы остановки въ лошадяхъ. Дорога была очень хороша и не гориста до самаго Суздаля, которая

простирается до 170 верстъ, чрезъ село Ивановское. Разстояніемъ отъ Костромы 40 верстъ стоитъ Нерехта городъ, хотя небольшой, но порядочно по плану весь выстроенъ, деревяннымъ строеніемъ, но порядочнымъ; улицы прямыя и сухія, ибо песчаныя, и церкви въ немъ, коихъ семь, всѣ каменныя, не худыя: положеніе видное и красивое и окружности пріятны. Духовенствомъ городскимъ съ чиновниками встрѣчены были, не доѣзжая города; у протопопа, человѣка лѣтъ въ сорокъ, половина уса бѣлая, а другая половина русая. Городничій провожалъ до села Ѳедоровскаго, которое отъ Нерехты разстояніемъ шесть верстъ; мы въ сей день на дорогѣ обѣдали. Примѣчено по той дорогѣ три села до Суздаля: село Писцово, князя Голицына, которое имѣетъ дворовъ до 500; домы крестьянъ очень хороши и болѣе походятъ на купеческіе; двѣ церкви каменныя; село Ивановское, графа Шереметьева, въ немъ домовъ до 1000, три церкви каменныя, колокольня съ часами, домы каменные и деревянные хорошіе и много въ немъ фабрикъ набойчатыхъ; село Лежнево, разныхъ помѣщиковъ, которое около 400 дворовъ; двѣ церкви каменныя; домы деревянные не худые; есть и каменные и имѣются фабрики набойчатыя. Заѣзжали, по дорогѣ, отъ Суздаля въ 30 верстахъ, въ пустыню Золотниковскую; ходили въ церковь и по монастырю; ограда каменная и церкви двѣ каменныя, средственныя; впрочемъ, пустыня недостаточная и въ неустройствѣ; въ ней—одинъ только строитель, да нѣсколько послушниковъ-бѣльцовъ. Не доѣзжая пустыни есть нѣсколько лѣсовъ; впрочемъ, болѣе мѣста безлѣсныя.

Въ Суздаль пріѣхали въ третьемъ часу пополудни 24 числа; сперва заѣхали въ Спасо-Ефимьевскій монастырь, который стоитъ въ сторонѣ восточной города къ полю; въ немъ ходили по церквамъ и по монастырю; церковь такая же, какая въ Ярославлѣ и Костромѣ, только меньше, а трапеза средственная; кельи архимандричьи старыя, а другія новыя, каменныя, не худыя; линіи монашескія и семинарскія каменныя, не малыя; монастырь окружностію 575 саженъ; положеніе мѣста при рѣкѣ и не худое. Въ немъ содержатся въ умѣ повредившіеся за особливою огородкою; въ монастырѣ нѣтъ ничего примѣчательнаго. Изъ него были въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ встрѣчены игуменьею съ монахинями; ходили по церквамъ, въ ризницу; настоящая церковь старинная, не велика, благолѣпіемъ посредственна: на мѣстныхъ образахъ есть нѣсколько жемчугу; на образахъ Богоматери серьги старинныя, жемчужныя, длиною почти вершковъ шесть. Въ ризницѣ есть нѣсколько утвари жемчужной; изъ оной лучшая есть плащаница; кельи всѣ деревянныя, простыя; ограда каменная небольшая, да трапезная церковь каменная, надъ воротами, средственны. Мона-

стырь лежитъ при небольшой рѣкѣ Каменкѣ, на низкомъ мѣстѣ, возлѣ него строеніе обывательское. Ходили въ церковь соборную, гдѣ гробницы разныхъ князей владѣтельныхъ и другихъ персонъ, коимъ есть особая опись, и тутъ встрѣтились съ пріѣхавшимъ Суздальскимъ преосвященнымъ Викторомъ. Изъ сего монастыря поѣхали въ монастырь Ризоположенскій, вмѣстѣ съ тамошнимъ преосвященнымъ. Въ Ризоположенскомъ монастырѣ встрѣчены были священникомъ со крестомъ и игуменьею съ сестрами. Священникъ, по входѣ въ церковь, гдѣ—мощи преподобныя Ефросиніи, говорилъ рѣчь. Церковь старинная малая; монастырь небольшой, ограда каменная, а кельи деревянныя и окруженъ строеніемъ обывательскимъ. Изъ монастыря поѣхали къ дому архіерейскому, были въ соборѣ. Церковь фигурою походитъ на Костромскую: ибо всѣ соборныя церкви въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Суздали, въ монастыряхъ—Даниловѣ, Никитскомъ, Яковлевскомъ, Авраміевѣ, Спасскомъ, Спасо-Евфимьевѣ, Покровскомъ и въ прочихъ, расположеніемъ и росписаніемъ стѣнымъ сходны на Успенскую Московскую и лаврскую Успенскую и также росписаны; только всѣ сихъ послѣднихъ двухъ меньше, и различествуютъ между собою только тѣмъ, что однѣ больше, а другія меньше. Въ соборѣ въ иконостасѣ образа мѣстные обложены мѣстами гладко серебромъ съ позолотою. Въ правой стѣнѣ лежатъ мощи Іоанна и Ѳеодора Суздальскихъ. Іоаннъ былъ первый епископъ въ Суздали. Евангеліе предъ иконостасомъ очень велико, писано очень хорошо, и большаго мы нигдѣ не видали: во всякомъ листѣ четыре листа склеены; обложено серебромъ и фигура простая, но соразмѣрная и хорошо расположена. Изъ собора пришли въ домъ архіерейскій, потомъ ходили смотрѣть ризницу архіерейскую; въ ризницѣ саккосовъ жемчужныхъ нѣтъ; парчевыхъ хорошихъ весьма не малое число: ибо двѣ ризницы, Суздальская и Владимірская, соединены; лучшая въ ней шапка жемчужная съ каменьями, съ золотыми образами, покрытыми финифтью, есть также старинныя, не худыя панагіи Суздальскія и немалое ихъ число. По осмотрѣніи ризницы, ходили кругомъ архіерейскаго дома; положеніе мѣста посредственное, окружено строеніемъ, но домъ старинный, не малый, и по древности представляетъ видъ важный и епископскому пребыванію приличный; покоевъ въ немъ довольно; зала въ длину 10 сажень, а въ ширину 8, безъ столпа каковой палаты величиною едва-ли гдѣ по древности есть; но жаль, что она перегорожена недавно и тѣмъ уменьшена, и что въ ней было особеннаго, чрезъ то отнято. Осмотрѣвъ все, что желательно было, ужинали у преосвященнаго и ночевали, 25-го числа слушали въ соборѣ раннюю литургію; потомъ, позавтракавъ, въ 9-мъ часу пополуночи отправились во Владиміръ. Преосвященный

Суздальскій, съ Спасо-Евфимьевскимъ архимандритомъ и игуменомъ, провожали за городъ. Въ Суздали, кромѣ собора и монастырей, приходскихъ, какъ сказываютъ, 24 церкви, и всѣ каменныя; мѣсто города не высокое, строеніе деревянное, средственное, и величиною городъ средственъ; новаго по плану строенія никакого еще нѣтъ; чрезъ городъ течетъ небольшая рѣка Каменка.

Во Владиміръ пріѣхали въ 1-мъ часу пополудни; дорога была не худа и лѣсовъ по ней почти нѣтъ. Верстъ за пять до Владиміра встрѣтилъ капитанъ-исправникъ, а при въѣздѣ во Владиміръ встрѣтилъ городничій съ прочими; два гусара верхами провожали до дома протопопскаго, въ которомъ мы остановились. Въ сѣняхъ покоевъ протопопа поставленъ былъ караулъ для чести. Изъ онаго дома поѣхали смотрѣть соборъ, гдѣ встрѣчены были всѣмъ того города духовенствомъ при собраніи многочисленнаго народа. Соборъ великъ и высокъ, о 16 столпахъ, въ длину 15 сажень, въ ширину 10; отличенъ тѣмъ, что со всѣхъ грехъ сторонъ, кромѣ восточной, сдѣланы высокіе хоры съ греческаго образца, для стоянія женамъ, или оглашеннымъ. У собора много отнимаетъ красоты церковь, на правой сторонѣ между столпами, въ углу недавно построенная, стѣною отгороженная, теплая, чтобы попамъ зимою не холодно было служить; онъ созданъ Андреемъ Юрьевичемъ, сыномъ Долгорукаго, Боголюбскимъ. Иконостасъ новой фигуры, рѣзной, хорошо вызолоченъ, высокъ и величественъ, но древности собора не соотвѣтствуетъ; образа писаны хорошо, алтарь особливо великолѣпенъ, высокъ, свѣтелъ, расписанъ по новому и величественнымъ, большимъ, деревяннымъ съ рѣзьбою, вызолоченнымъ балдахиномъ на столбахъ осѣняется; на горнемъ мѣстѣ поставлены большія золоченыя кресла, а надъ ними небольшой, высоко повѣшенный балдахинъ; много гробницъ, и съ открытыми мощами, какъ то: Андрея Боголюбскаго, и прочихъ, конхъ описаніе приложено будетъ при семъ. Соборъ подлинно достоинъ смотрѣнія и заслуживаетъ быть каѳедрою епископскою. Подлѣ собора другая церковь, Дмитровская, которая прежде придворною княжескою называлась; она—ни что иное, какъ сокращеніе собора, вся изъ бѣлаго камня; снаружи стѣны украшены самою старинною рѣзьбою, изображающею разныхъ птицъ, звѣрей и другія фигуры. Внутри на сводахъ въ паперти остатки изряднаго древняго стѣннаго росписанія, и на старинныя другихъ соборовъ росписанія не похожаго. Церковь сія есть драгоцѣнный остатокъ древности, и, кажется, изъ самыхъ древнѣйшихъ. Монастырь Рождественскій, гдѣ была каѳедра епископская, близъ собора; церковь въ немъ не велика, старинная; но нынѣ пуста, ибо иконостасъ сгорѣлъ. Домъ архіерейскій, который нынѣ обращенъ на пребываніе генералъ-губернатору, и мы въ немъ видѣли

не мало живущихъ женщинъ, не худъ и не малъ, но нынѣ еще пристроено къ нему строенія не старинаго, а новаго; стоитъ на мѣстѣ прекраснѣйшемъ, высокомъ, на берегахъ рѣки Клязьмы; зала въ немъ прелестнѣйшая, проспектомъ. Въ томъ домѣ другой напротивъ корпусъ небольшой, гдѣ была Консисторія. Впрочемъ, строенія въ томъ монастырѣ немного и окружностію не великъ; ограда каменная небольшая, и башень мы не примѣтили. Удивило насъ, что монастырь былъ изъ первѣйшихъ, а строеній въ немъ немного. Судебныя мѣста, вновь построенныя между соборомъ и архіерейскимъ домомъ, на берегу Клязьмы, весьма видны и огромны, на 60 саженяхъ, о трехъ этажахъ, съ тремя рядами колоннъ. Приходскихъ церквей, какъ говорили, во Владимірѣ 18; всѣ каменныя, средственнаго зданія. Строеніе города деревянное, обыкновенно въ нашихъ городахъ, и городъ не великъ, окружностію, кажется, верстъ на пять или на шесть; но на прекраснѣйшемъ стоитъ мѣстѣ, какого мы не видали, на высокомъ берегу, съ коего весьма далекій проспектъ; внизу течетъ рѣка Клязьма, шириною саженъ на 50, и отъ города по берегамъ луга пошли равноты удивительной: нигдѣ ни холмика, ни кочки, ни кустика не видно верстъ на пять, покрытыя зеленью. Видно, что сіе положеніе основателю понравилось, яко схожее съ положеніемъ Кіева. По высмотрѣніи всѣхъ сихъ мѣстъ, чрезъ три часа безъ отдыха, возвратились въ свою квартиру, гдѣ посѣтили насъ господинъ губернаторъ и другіе чиновники; духовенство и гражданство принесли хлѣбъ и соль. Скоро послѣ сего изъ Владиміра поѣхали въ Юрьевъ, въ три часа пополудни, того же дня. До Юрьева провожалъ капитанъ-исправникъ; до города Юрьева дорога круто горниста и безлѣсна.

Въ Юрьевъ пріѣхали во второмъ часу пополуночи, въ Архангельскій монастырь; предъ городомъ встрѣчены были городничимъ съ чиновниками, которые приходили въ игуменскія кельи поздравить; купцы принесли хлѣбъ и соль. Монастырь Архангельскій не богатый и не великъ, окружностію 250 саженъ съ небольшимъ, внутри городскаго строенія. Городъ стоитъ на низкомъ, ровномъ мѣстѣ и кругомъ его мѣста ровныя и безлѣсныя; въ немъ шесть церквей каменныхъ. Строеніе есть хотя и каменное, но посредственное, а прочее деревянное. Въ окружности версты три или четыре. Изъ Юрьева выѣхали въ Александровъ въ три часа пополуночи; дорога была не лѣсиста, но нѣсколько горниста, однако не такъ, какъ отъ Владиміра.

Пріѣхали въ городъ Александровъ въ 11-мъ часу 26-го дня. Іеромонахъ съ крестомъ, а игуменья съ сестрами встрѣтили въ воротахъ монастыря; были въ церквахъ и отслушали обѣдню. Настоящая церковь старинная, посредственна; на образѣ мѣстномъ Богоматери

окладъ и вѣнецъ золотые; въ вѣнцѣ вложенъ, между крупнымъ жемчугомъ, большой и хорошій брилльянтъ. Въ усыпальнѣ, подъ больничною церковью, гробницы Маргариты Алексѣевны и Ѳеодосіи Алексѣевны, сестеръ Петра перваго. По осмотрѣніи церквей, были у игумены, куда приходили городничій и судьи поздравить. Монастырь не малъ и ограда не худа, но ветха становится; кельи монашескія каменныя, въ двѣ линіи, весьма не малыя, но въ ветхость приходятъ Трапеза съ церковью не мала. Еще есть церкви двѣ или три, каменныя, не худыя. Положеніе мѣста не худо и одною стороною къ полю, а другою къ городу: въ немъ колокольня старинная, не худо построена По выходѣ изъ монастыря, купцы приходили съ хлѣбомъ и солью. Городъ Александровъ, по положенію, не худъ, но строенія каменнаго и виднаго нѣтъ, кромѣ государевыхъ конюшенъ, которыя не худы и придаютъ украшеніе городу. Окружностію меньше Юрьева. Изъ Александрова выѣхали въ 1-мъ часу пополудни того же числа; дорога была нѣсколько лѣсиста и весьма крутогориста и хуже всѣхъ дорогъ, какія мы видѣли. Не дай Богъ ѣхать тутъ въ ненастье и ночью! Въ Ивановію пріѣхали въ 5-мъ часу того же дня. Погода была, въ продолженіе пути отъ самаго Ярославля, очень благополучная. Земли, гдѣ мы ѣхали, нидѣ болѣе, а нидѣ меньше хлѣбородны, но вообще плодородіемъ средственны и гораздо болѣе открытыхъ полей, нежели лѣсовъ, и лѣса видимо переводятся.

Путешествіе высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита Московскаго, въ Кіевъ и по другимъ россійскимъ городамъ въ 1804 году, собственною рукою съ замѣчаніями его писанное.

Мая 22 дня, призвавъ Бога, дабы путешествующимъ намъ спутешествовалъ, отправились мы изъ Москвы по Можайской дорогѣ. Любовались на пути красотою мѣстъ, какова есть свойственна окружностямъ царствующаго града. Мѣста болѣе равныя подымались нѣкоторыми небольшими возвышеніями, на коихъ открывались то пріятныя рощи, то поля, различнымъ хлѣбомъ усѣянныя и зеленѣющія. Красоту сію умножали часто встрѣчающіяся каменныя, а нѣсколько и деревянныя, но хорошо устроенныя церкви, помѣщичьи домы съ регулярными садами. Проѣзжая безъ мала двѣ тысячи верстъ, хотя многія встрѣчались хорошія и красивыя мѣста, но чтобъ они превосходили окрестности Московскія красотою своихъ положеній, церквей, домовъ помѣ-

щичьихъ и поселянскихъ, нигдѣ сего видѣть не могли. Изъ селеній, по Можайской дорогѣ, наибольшія были два села: Перхунково и Вяземы; въ первомъ хорошая церковь каменная, съ немалымъ числомъ домовъ поселянскихъ, порядкомъ поставленныхъ, а второе отличалось каменнымъ господскимъ домомъ съ регулярнымъ садомъ и прекрасными окружающими селеніе рощами. А паче обратила на себя вниманіе наше въ Вяземахъ церковь каменная о двухъ ярусахъ, довольно великая, строенія еще царя Бориса Годунова. И снаружи и во внутренности ея, по счастію, вся древность соблюдена, даже внутри; хотя расписаніе возобновлено, но ничего не перемѣнено изъ древняго. Примѣчательнаго въ ней усмотрѣли мы, что въ церкви на стѣнахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на подмазкѣ, вырѣзаны, или начерчены были ножичкомъ, или какимъ другимъ острымъ орудіемъ, слова польскимъ языкомъ, а литерами латинскими, кои хотя мы разобрать не могли, однако, видны изображенные цифрою 1611, 1618 и 1620 годы, и нѣкоторыя имена польскихъ пановъ.

Разсуждая по годамъ и по именамъ, сіи надписи были во время мятежей отъ самозванцевъ, когда поляки подъ сими злосовѣстными предлогами причиняли Россіи величайшее разореніе, дѣлая по всѣмъ почти мѣстамъ Россіи пагубные набѣги и опустошенія. Сіи надписи мы поручили писать, и приложимъ стараніе, не можно-ли ихъ разобрать, что послужитъ къ нѣкоторому Россійской исторіи о времени мятежей отъ самозванцевъ объясненію. Дорога отъ Москвы до Можайска, по большей части, гладкая и ровная, и лѣсами страна сія не скудна. Земля плодородіемъ средственна; однако, можетъ быть плодородна, ежели хорошо обработана и обнавожена будетъ. Селенія крестьянскія не рѣдкія, прямыя и не малолюдныя, и вездѣ порядкомъ устроенныя, и своимъ наружнымъ видомъ доказываютъ, что жители не истощены и не бѣдны. Въ тотъ-же день вечеромъ пріѣхали мы въ Можайскъ, и стали въ монастырѣ, близъ города стоящемъ, Луженкомъ. Городъ посредственной величины; положеніе его на разныхъ возвышеніяхъ, или холмахъ. Строеніемъ еще не совершенъ, однако, выстраивается порядочными улицами и домами, и много уже хорошо построено,—и надежно, что чрезъ нѣкоторое время онъ откроетъ себя въ лучшемъ видѣ и устройствѣ. Церквей въ городѣ каменныхъ и деревянныхъ десять. Но особо примѣчательна соборная церковь, довольно вездѣ извѣстная изваяннымъ образомъ Святителя Чудотворца Николая, куда отъ ближнихъ и дальнихъ странъ не малое число богомольцевъ собирается, и собору доставляетъ нескудное къ содержанію снабденіе.

Теперь сія церковь, съ пристроеніемъ новой теплой церкви, изъ церковной казны обдѣлывается вновь бѣлымъ камнемъ, готическою

искусною архитектурою и не бѣдною рукою. И когда будетъ окончена, представитъ она видъ рѣдкой и необыкновенной узорчивости. Сія церковь стоитъ внутрь вала, который былъ окруженъ крѣпостною каменною стѣною, немалою и высокою, которую мы видѣли прежде, хотя уже обветшавшую; но она видъ придавала городу важный и пріятный.

Отслушавъ въ соборѣ Божественную литургію и осмотрѣвъ нѣсколько улицъ города, возвратились въ монастырь Лужецкій. Сей монастырь есть весь каменный, четыре въ немъ церкви, и кельи, и ограда каменныя довольно устроены, и внутри церквей благолѣпіе непостыдное. Стоитъ на высокомъ и красивомъ мѣстѣ, на берегу Москвы рѣки, откуда почти и весь городъ виденъ. Жители города, кажется, не очень имущественны, но къ благочестію христіански всѣ расположены, и насъ приняли усердно, и такимъ принятіемъ утѣшили и обязали насъ возслать благодареніе Богу.

23 дня, послѣ обѣда, мы изъ Можайска выѣхали, желая сему граду, чтобъ онъ благословеніемъ Божіимъ возросъ въ прежнее свое величіе, ибо въ древности былъ онъ изъ знаменитыхъ городовъ и имѣлъ свое особое княженіе.

Выѣхавъ, тотчасъ усмотрѣли мы какъ бы иную страну и какъ бы иной климатъ. Стали являться намъ селенія гораздо меньшія и малолюднѣе, и рѣдко, и наружностью своею доказывали бѣдность жителей, что до самаго Смоленска продолжалось, и далѣе, о чемъ упомянемъ послѣ. Изыскивали тому причины, и слышали отзывы, что много владѣльцевъ малопомѣстныхъ,—а что сіе значитъ, понять мы не могли. Дорога продолжалась ровная и гладкая; и мосты, и гати рѣдко гдѣ случались, даже до самаго Кіева, исправны, что дѣлаетъ честь правительству и доставляетъ ему благодарность отъ путешествующихъ.

На дорогѣ видѣли мы вершину Москвы-рѣки, и пожелали ей, дабы благословеніе Божіе всегда сей источникъ напоявало и умножало къ удовольствію и красотѣ царствующаго града. Вершина ея выходитъ изъ низкаго мѣста, яко родникъ, и дѣлаетъ небольшой ручей, и такъ далѣе, принимая въ себя ручьи и рѣчки, умножается.

На той же дорогѣ посѣтили мы Колоцкій монастырь, извѣстный почитаемымъ чудотворнымъ образомъ и бываемымъ при ономъ богомоліемъ. Строенія въ немъ не мало каменнаго, церковь посредственная, и величиною и утварію; оградою обнесенъ не малою каменною но живущими въ немъ иноками скуденъ.

Пріѣхавъ въ городъ Гжатскъ 24 мая, сверхъ чаянія нашего, поелику было позднее ночное время, нашли мы многихъ гражданъ и г. городничаго, вышедшихъ встрѣтить насъ. Мы, изъявивъ благодарность за таковое ихъ усердіе и признавая себя не заслужившими такой

почести, и сожалѣя, что они себя только отяготили, особливо въ такое время ночи, поѣхали въ городъ и взошли въ отведенный намъ хорошій и великій каменный купеческій домъ, котораго внутренній, новаго вкуса, уборъ еще превосходилъ самую его наружность, да еще и удивилъ насъ, поелику не весьма сходственъ былъ съ ихъ къ древности почтительною привязанностью. Въ домѣ нашли множество первостепенныхъ жителей, которые всѣ приняли насъ съ особеннымъ доброхотствомъ и усердіемъ. Много упрашивали насъ, чтобъ мы остались у нихъ ночевать, но какъ нашего путешествія планъ не дозволялъ намъ взять тутъ ночь, то мы чрезъ нѣсколько часовъ, возблагодаривъ имъ за любовное ихъ пріятіе, пустились въ свой путь, сожалѣя, что болѣе не могли воспользоваться любовнымъ ихъ къ намъ расположеніемъ. Гжатскъ, сколько мы по ночному времени видѣть могли, стоитъ на ровномъ мѣстѣ; посреди течетъ рѣка Гжать; хотя не великъ, но очень хорошо устроенъ, весь въ порядкѣ, домовъ много каменныхъ, и нескудною рукою воздвигнутыхъ; а гдѣ улицы есть и деревянныя, но домы порядочно и всѣ въ линію построены, и заслуживаетъ между хорошими городами помѣщенъ быть. Церквей каменныхъ только двѣ, что по пространству города и многаго числа домовъ кажется быть недостаточно; но уповательно, что время и со временемъ возрастающій вкусъ и образъ мыслей дополнитъ и сей недостатокъ. Сверхъ градскихъ, двѣ еще за городомъ каменныя для кладбищъ церкви.

Жители достаточны, извѣстнымъ при портахъ торгомъ. Выѣзжая изъ города, любовались красотою рощей, по разнымъ мѣстамъ, яко руками насажденныхъ и распоряженныхъ, и хорошею дорогою.

Въ тотъ же день предъ полуднемъ пріѣхали мы въ городъ Вязьму и стали въ Предтечевѣ монастырѣ, который при концѣ города къ Смоленску. Вязьма есть не малый городъ и многолюденъ, по большей части хорошо устроенъ. Много каменныхъ домовъ, и деревянные не худые. Улицы всѣ почти въ порядкѣ; церквей болѣе 20, всѣ каменныя, утварью украшены многія отлично. Соборная церковь на высокой горѣ, или крѣпостномъ валу, откуда весь городъ и окрестности его съ пріятностію взору представляются. Тутъ посѣтили мы господина городничаго, который принялъ насъ благопріятно. Среди города течетъ рѣка Вязьма; жители примѣчаются быть достаточны и въ довольствѣ, а паче богаты благочестіемъ и усердіемъ къ церквамъ Божіимъ и къ упражненіямъ благочестія. Приняли насъ съ любовію добродушною и вездѣ жадно тѣснились окрестъ насъ, яко свойственно добрымъ христіанамъ, увидѣвъ служителя Церкви Христовой. Городъ стоитъ въ срединѣ на ровномъ мѣстѣ, съ обоихъ концовъ съ нѣкоторымъ горъ возвышеніемъ. Извѣстенъ онъ торгомъ отличныхъ и вкусныхъ пряниковъ.

Монастырь Предтечевъ строеніемъ каменнымъ церквей и келій и ограды доволенъ и обширенъ, но святыми отцами скуденъ, и на то время по смерти настоятеля другаго не было. Жители, по набожности, привержены къ обители, и желаютъ лучшаго устроенія и вещественнаго и духовнаго. Богъ да исполнитъ ихъ желаніе, и да благословитъ градъ!

Пополудни обозрѣвъ по нѣкоторымъ улицамъ градъ, и въ монастырѣ почевавъ, поутру рано, 25 мая дня, отправились въ свой путь.

На пути насъ удивляло и въ сожалѣніе приводило то, что до Смоленска и далѣе видѣли мало селеній, а гдѣ рѣдко и встрѣчались, и то нѣсколько избушекъ бѣдныхъ: все доказывало и бѣдность, и малолюдность жителей, такъ что и въ окрестности, сколько взоръ объять могъ, мало селеній и помѣщичьихъ домовъ открывалось.

Дорога ровная и гладкая; земля плодородіемъ кажется средственна, однако, съ хозяйскимъ раченіемъ и при достаткѣ жителей, можетъ быть нескудною. Также мѣстами показывается въ лѣсахъ нескудость.

Отъ Можайска до Смоленска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представилось намъ необыкновенно, что и женщины пашутъ, а притомъ онѣ же вскачь яко летятъ верхомъ на лошадяхъ.

Около вечеренъ пріѣхали мы въ Дорогобужъ, который стоитъ на Днѣпрѣ, и мы сію славную рѣку, еще не доѣзжая Доргобужа, за нѣсколько верстъ встрѣтили, или она насъ встрѣтила. Дорогобужъ—городокъ небольшой, однако, устроенъ деревянными небольшими домами въ порядкѣ; встрѣчаются домы и каменные, и составляютъ одну улицу и долгую и пространную, которая лежитъ подъ высокою и крутою горою; но и на самой горѣ есть двѣ церкви, каменныя, хорошія, и нѣсколько тамъ домовъ. Внизу, въ слободѣ, церкви каменныя же хорошія, и за Днѣпромъ есть церкви, а всѣхъ шесть.

И здѣсь обыватели насъ приняли и любопытно и добродушно; не примѣчается, чтобы они были много достаточны, однако, кажутся, по веселому виду, состояніемъ своимъ быть довольны и благочестіемъ успокоенные. Принялъ и угостилъ насъ того-города протопопъ, человѣкъ благоразумный и почтенный.

Также снабдилъ насъ на одну станцію своими хорошими лошадьми того уѣзда и помѣщикъ и предводитель, г. Ваксель. Каковое пособіе было для насъ тѣмъ обязательнѣе, что лошади, конхъ намъ въ сихъ мѣстахъ на почтѣ давали, были слабыя и истощенныя, и съ трудностію насъ могли везти, не смотря на гладкую и ровную дорогу, каковое медленіе не столько трогало насъ, сколько въ жалость приводила бѣдность жителей.

Выѣхавъ изъ Дорогобужа предъ вечеромъ, съ пріятностію взирали мы съ возвышеннаго мѣста на положеніе Дорогобужа и на окрестность его, Днѣпромъ орошаемую. Какъ, напротивъ, трогались, находя по дорогѣ селенія скудныя, и то рѣдкія. Хотя земля къ плодородію казалась быть не способна.

По сему пути, влѣво, недалеко отъ проѣзда, увидѣли мы монастырь Болдинъ, третьеклассный; разсудили его посмотрѣть. Онъ огражденъ стѣною каменною, нехудою, и церковь въ немъ немалая и пространная, другая трапезная, каменныя, видъ имѣютъ хорошій. Кельи деревянныя, есть и каменныя. Монастырь сей, для жилища Богу себя посвятившихъ, приличенъ, яко стоитъ въ уединеніи и окружается водою, и близь протекаетъ рѣка Уфа. Но живущихъ въ немъ число скудное. Пожелавъ лучшаго сему святому мѣсту устройства и продолжая путь, увидѣли въ правой сторонѣ отъ дороги, яко верстъ на седмь, на возвышенномъ мѣстѣ бѣлѣющійся Бизюковъ монастырь, который въ сіе самое время уже былъ упраздненъ, и архимандритъ тоя обители, сдавъ монастырь, по случаю встрѣтился съ нами, и съ нами вмѣстѣ продолжалъ свой путь до Смоленска. Сожалѣли объ упраздненіи сего монастыря тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, самая скудость живущихъ въ немъ и несоотвѣтственное ихъ святымъ обѣтамъ благоустройство подали къ тому случай.

Въ продолженіе пути перевозились мы чрезъ рѣку Днѣпръ въ ночной темнотѣ, и поутру рано возсіявшее солнце открыло намъ лице Смоленска. Къ Смоленску за нѣсколько верстъ встрѣтили насъ немалыя горы. Но путь продолженъ между горами, по большей части, по берегу Днѣпра. Между горъ на низкихъ мѣстахъ трудности проѣзда облегчили хорошо обдѣланныя гати; и мы, проѣзжая между высокими горами, изъ сихъ ущелинъ, яко изъ окна, прежде всего усмотрѣли обширную по высокой горѣ устроенную каменную крѣпость. Въѣхавъ въ городъ 26 дня поутру, въ седьмомъ часу, нашли въ немъ строеніе деревянное, мелкое, и то, по большей части, обветшалое; только, близь самой крѣпости, ряды торговые не худо устроены: ибо вообще примѣчается, что жители въ немъ не весьма достаточны.

Въ крѣпость въѣхали по мосту, чрезъ Днѣпръ, по весьма крутой горѣ, съ которой внизъ спуститься не безъ опасности, и стали въ Троицкомъ монастырѣ, близъ самаго архіерейскаго дома, который монастырь строеніемъ не худъ, и церквами и оградою каменными, и числится третьеклассным.

Увидѣвшись съ духовнымъ того града хозяиномъ, преосвященнымъ епископомъ Димитріемъ, который насъ принялъ ласково и благопріятно, пошли въ соборъ и слушали въ немъ Божественную литургію. Собор-

ная церковь строенія огромнаго вида, величественнаго и веселаго, и хорошо убрана, и едва ли гдѣ, и въ самомъ Кіевѣ лучше ея обрѣсти можно. Много въ укрѣпленіи и украшеніи ея потрудился блаженныя памяти преосвященный епископъ Пароеній, мужъ благочестивый, добродѣтельный, и намъ по духовной любви и дружбѣ извѣстный. Усладившись зрѣніемъ ея, смотрѣли и другую соборную церковь каменную, для зимняго времени теплую, устроенную преосвященнымъ же Пароеніемъ, довольной обширности и хорошо украшенную, имѣющую царскія врата среброкованныя; а потомъ и третью церковь, домовую архіерейскую, немалую, отъ строенія отдѣльную, гдѣ показывали намъ и ризницу архіерейскую, весьма нескудную и многими дорогими и древними утварями отличную.

Архіерейскій домъ великъ, высокъ, на высокомъ мѣстѣ, и не мало обширенъ и не худо убранъ. Въ немъ есть еще домовая церковь. Кромѣ сего, есть и деревянные архіерейскіе покои, близь сада, гдѣ преосвященный и жительствуетъ, гдѣ онъ и насъ прежде привѣтствіями семинаристовъ почтилъ, а потомъ и обѣденнымъ столомъ любовно угощалъ. Послѣ обѣда, отъ пути отдохнувъ, ѣздили мы по крѣпости, въ которой, по обширности ея, много строенія и улицъ, и домы новые, каменные, немалые и красивые; всѣ почти изъ казны въ порядкѣ устроенные, и для государственныхъ дѣлъ и правительствующихъ лицъ опредѣленные. Мало тутъ домовъ партикулярныхъ, а которые есть, и тѣ также хорошо и по регулѣ устроены; но есть же противу собора овраги глубокіе, въ коихъ есть еще нѣкоторое старинныхъ деревянныхъ домовъ число, и съ плодовитыми садами. Въ сей крѣпости посѣтили мы Аврааміевъ второклассный монастырь, который и церквами и строеніемъ каменнымъ довольно снабденъ.

Возлѣ сего самаго монастыря, особымъ дворомъ устроена и семинарія, каменная, немалая, гдѣ обучающихся духовнаго чина дѣтей немалое число. Пожелавъ имъ благоуспѣшнаго просвѣщенія, къ пользѣ Церкви и отечества, возжелали посмотрѣть и женскаго Вознесенскаго монастыря. Въ немъ—церковь каменная изрядная, высокая, вверху лѣтняя, а внизу зимняя; кельи, по большей части, деревянныя, однако, содержатся опрятно. Посѣтили игуменію и послушницу, по фамиліи Воеводскую, искусную въ шитьѣ художницу, и, нашедши ихъ житіе набожное и добродѣтельное, возблагодарили Бога, что таковою драгоцѣнною добраго житія утварію благословилъ мѣсто сіе.

Потомъ, паки посѣтивъ преосвященнаго и простившись съ нимъ, препроводили мы ночь въ Троицкомъ монастырѣ.

Стѣна около крѣпости весьма великая; говорятъ, что окружности имѣетъ около 7 верстъ, что, смотря на нее, и кажется быть вѣроят-

нымъ; довольно высока и со многими башнями; строенія царя Бориса Годунова, которую онъ самъ, бывъ еще боярином и правителемъ государства, закладывалъ. Стѣна построена, какъ требовало положеніе горы. Возвышается ли гора или понижается, то и стѣна потому же возвышается или съ наклонностію горы ведена сходственно. Сожалѣніемъ трогались, что сія огромная стѣна не поддерживается и во многихъ мѣстахъ уже разваливается. Желательно, чтобы хоть она въ цѣлости осталась, какъ монументъ древности, для удовольствія любопытствующаго потомства; а можетъ быть, преображеніе временъ, столь свойственное вѣку сему, когда-либо пользу и нужду въ ней возъимѣетъ.

Жители сего града примѣчены нами ко благочестію быть усердны. Они тѣснились около насъ и, съ любовію взирая, добродушно испрашивали отъ насъ благословенія Божія, каковое призвавъ, мы отъ горячія души на благочестивый градъ сей, и чтобы они, храня древнюю святую набожность, новостями различными не были заражены, — выѣхали изъ Смоленска мая 27 дня, поутру рано. Проѣхавъ послѣдній городокъ Смоленской губерніи, небольшой новоустроенный, называемый Красный, который ничего примѣчательнаго въ себѣ не заключаетъ,—вступили въ губернію Могилевскую, бывшую прежде подъ владѣніемъ польскимъ.

Скоро въ сей губерніи усмотрѣли мы мѣстечко, называемое Ляды, и удивились, нашедши, что оно наполнено жидовъ, чего мы прежде никогда не видали. Домовъ ихъ немалое число, смѣшаны съ малымъ числомъ домовъ христіанскихъ, и одни отъ другихъ удобно можно было отличить: ибо жидовскіе, хотя деревянные, но снаружи не худо выстроенные, а внутри неопрятны и нечисты; христіанскіе же домы весьма бѣдны.

Увидѣвъ церковь христіанскую деревянную, среди селенія стоящую и окруженную со всѣхъ сторонъ въ самой близости домами, пошли, желая разсмотрѣть церковь, и спросили, гдѣ—священниковъ домъ? Намъ сказали, что онъ живетъ за симъ селеніемъ далѣе въ полѣ, а сіи домы, окружающіе церковь христіанскую и почти прикосновенные, всѣ суть жидовскіе. Услышавъ сіе, мы вздохнули съ прискорбіемъ. Перемѣнивъ лошадей и поѣхавъ далѣе, остановились въ мѣстечкѣ, называемомъ Дубровна. Мѣстечко сіе очень хорошо и порядочно устроено, и многими домами и улицами и лавками наполнено; расположено на подобіе города. Принадлежитъ оно князю Любомирскому, а нынѣ—его сыну, по фамиліи матерней Нарышкину. Жители въ немъ почти всѣ жиды и промышляютъ свойственнымъ жидамъ торговли проворствомъ; а христіане бѣдны, однако, есть и церкви христіанскія православныя нехудыя. По предубѣжденію ли какому, или по самой истинѣ, не могли мы на жидовъ смотрѣть безъ отвращенія: ибо намъ казалось, что на лицахъ ихъ написаны злость

и хитрость, и они представлялись намъ виновниками бѣднаго состоянія тамошнихъ крестьянъ, какъ отъ сихъ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ таковые отзывы мы вездѣ съ прискорбіемъ слышали *).

Выѣхавъ оттуда и пріѣхавъ въ Оршу, нашли другаго рода людей. Орша—малый городъ и скудный, и строенія немного, а весь почти городъ состоитъ изъ монастырей папистическихъ, разныхъ ордъ, или орденовъ: яко то—езуитовъ, доминикановъ, францискановъ, кармелитовъ, бернардиновъ, тринитаріевъ и прочихъ двухъ базиліанскихъ, мужскаго и женскаго; всѣхъ 8 монастырей, всѣ строеніемъ каменные, очень немалые, а нѣкоторые могутъ почесться и великими, яко—то езуитскій. Изъ нихъ нѣкоторые разсудили посмотрѣть, яко тринитаріевъ, езутскій, базиліанскій и бернардинскій. Люди почти всѣ молодые и дородные, живутъ, кажется, въ довольствѣ, поелику имѣютъ деревни; кромѣ нѣкоторыхъ церковныхъ краткихъ обрядовъ, другаго упражненія у нихъ не примѣтили; развѣ, можетъ быть, есть нѣкоторыя сокровенныя, коихъ не можете видѣть, развѣ око примѣчательное. На сіе смотря, сожалѣли: 1) что терпимы монастыри базиліанскіе, которые суть не что иное, какъ бывшіе наши православные монастыри, но, подъ владѣніемъ польскимъ, насиліемъ и хитростію въ унію превращенные; 2) что есть и наши два православные монастыря, мужескій и женскій, въ сравненіи папистическихъ бѣдные, да и тѣ стоятъ за городомъ къ лѣсу. Однако нынѣ, по крайней мѣрѣ, наши подъ нашимъ правительствомъ не терпятъ болѣе явнаго отъ папистовъ гоненія и ругательства. Есть же двѣ небольшія православныя церкви, которыя мы посѣтили съ пролитіемъ слезъ, ибо православныхъ жителей мало и бѣдны, а болѣе жидовъ. Испросивъ отъ Бога лучшаго благоустроенія, выѣхали и на дорогѣ проѣхали славное мѣстечко Шкловъ, но онаго смотрѣть не могли, ибо то было въ самую полночь, а только слышали, что зрѣніемъ таковыхъ жителей оскорбились бы и взоръ и духъ нашъ. Итакъ, достигли града Могилева, куда пріѣхали весьма рано, мая 28 дня. Дорога отъ Смоленска до Могилева и отъ Могилева почти до самаго Козельца весьма ровная, крѣпкая и гладкая, и никакихъ почти и малыхъ горъ не имѣетъ. Она отлична тѣмъ, что по обѣимъ сторонамъ въ два ряда обсажена березами, которыя, уже довольно возросши, дѣлаютъ яко нѣкоторую садовую аллею, и по большей части проведена въ прямую линію. Мы, любовавшись ея зеленью и тѣнью, осмѣлились дѣлать нѣкоторое на оную примѣчаніе, что она сдѣлана узка, и березы посажены между собою

*) Впрочемъ, митроп. Платонъ имѣлъ презрѣніе не ко всѣмъ жидамъ; между прочимъ, у него былъ изъ евреевъ архимандритъ Ираклій, коего Платонъ любилъ и по самую свою кончину при себѣ держалъ.

очень часто, почему проѣзжающаго держатъ яко взаперти и препятствуютъ видѣть окрестности дороги. Сіе, думаемъ, есть причина, что уже далѣе къ Козельцу и къ Кіеву начали дорогу гораздо шире противу той и деревья сажать также рѣже, что, когда выростетъ, думаемъ, будетъ лучше и удобнѣе.

Въѣхавъ въ Могилевъ, остановились въ Братскомъ Крестоносномъ монастырѣ, близь архіерейскаго дома, почти въ срединѣ города. Городъ Могилевъ средственной величины, однако и не малъ, на гористомъ положеніи, нѣкоторыя улицы прямыя и съ хорошимъ строеніемъ, особливо казенныя зданія. А другія къ полю и позади за рѣкою Днѣпромъ еще не въ совершенствѣ устройствѣ. Наиболѣе городъ отличенъ римскими монастырями разныхъ орденовъ и церковію съ домомъ римскаго архіепископа. Соборная наша церковь довольно обширна, но внутри украшеніемъ средственна. Возлѣ собора архіерейскій домъ немалый, вновь выстроенный, каменный, и при немъ семинарія каменная, довольная, на высокомъ и красивомъ положеніи, на берегу Днѣпра.

Духовный града хозяинъ преосвященный Анастасій принялъ насъ ласково въ своемъ загородномъ небольшомъ деревянномъ домѣ, гдѣ онъ, по большей части, живетъ, яко въ уединеніи. Въ городѣ много папистовъ, уніатовъ и жидовъ; но не мало и православныхъ и благочестивыхъ, церквей въ городѣ каменныхъ и деревянныхъ до 16, да вновь устроенъ соборъ императрицею Екатериною, въ коемъ внутреннее украшеніе и расположеніе очень хорошаго вкуса.

Примѣтить могли, что православные жители, чѣмъ болѣе находятъ вокругъ себя сопротивниковъ, тѣмъ горячѣе ревнуютъ по благочестіи. Потребенъ только для нихъ добрый и благоразумный руководитель.

Примѣчательно, почему монастырь, въ коемъ мы пристали и съ коимъ смеженъ езуитскій, называется Братскій Крестоносный. По объясненію архимандрита того монастыря Іоасафа, онъ названъ Братскимъ для того, что во время владѣнія Польскаго, когда унія сильно возставала и гнала православныхъ, тогда въ семъ монастырѣ согласились и въ согласіе привели многихъ и мірскихъ, чтобъ всякими образцы противиться наглости и гоненію папизма. И сіи согласившіеся составили общество и назвали себя Братствомъ и вписывали свои имена въ книгу, а чтобъ себя ознаменовать и союзъ свой соблюсти, носили на себѣ кресты, каковый крестъ изъ многихъ одинъ архимандритъ подарилъ и намъ. А потому и монастырь названъ Братскимъ Крестоноснымъ, и достоинъ уваженія за таковую ревность и защищеніе вѣры своея противу усилія и хитростей.

Въ семъ монастырѣ церковь весьма великая и обширная, и внутри хорошо расположена и больше соборной; и другого въ монастырѣ ка-

меннаго и деревяннаго строенія не мало; однако, требуетъ поправленія и подкрѣпленія.

По сей-ли самой причинѣ и въ Кіевѣ, какъ мы думаемъ, и другіе утверждаютъ, монастырь, гдѣ—Академія, называется Братскимъ.

Переночевавъ въ монастырѣ, рано поутру мая 29 дня отправились въ путь, который былъ весьма хорошъ.

На дорогѣ ничего не встрѣтилось, кромѣ окружающихъ дорогу аллей густыхъ; а селеній, верстъ на двадцать, никакихъ или очень мало, и то состоящихъ въ невеликомъ числѣ избушекъ бѣдныхъ на дворѣ, плетнемъ покрытыхъ.

На дорогѣ отъ Могилева къ Чернигову слушали мы Божественную литургію въ селѣ Куткѣ, яко въ шестую недѣлю по Пасхѣ; священникъ отправлялъ службу порядочно и пѣли не худо. Прихожане крестьяне стояли благоговѣйно. Похваленъ обычай и достоинъ примѣчанія. Усмотрѣли мы, что священникъ, послѣ отпуска литургіи, въ царскихъ дверяхъ возгласилъ народу, что въ слѣдующій четвертокъ—праздникъ Вознесенія Господня, и „вы, православные, должны въ тотъ день приходить на службу Божію“. Мы посѣтили священника. На сей же дорогѣ въ селѣ Рабовичахъ мы нашли церковь уніатскую съ попомъ ихъ. Крайне желалось посмотрѣть отправленіе уніатской обѣдни, но уже не застали; попъ ихъ и волосы стрижетъ и бороду брѣетъ, ходитъ онъ въ сюртукѣ, а не въ рясѣ. Поговоря съ нимъ и съ прихожанами, примѣтили, что они недалеки отъ соединенія съ нами, но опасаются своихъ владѣльцевъ поляковъ, кои всемѣрно удерживаютъ ихъ при уніи, а въ противномъ случаѣ угрожаютъ. Сіи отщепенцы тамъ называются уніатами, а наши православные—благочестивыми. И утѣшало насъ, что когда уніатовъ спрашивали, что такая-то церковь не уніатская-ли? они отвѣчали: „нѣтъ“! и живутъ-де не уніаты, но благочестивые. Столько-то они отъ насъ не удалены, еслибъ только препятствіе къ тому было отнято.

Отъ сего села Рабовичъ до самаго Чернигова началась и продолжалась дорога, мѣстами песчаная.

Продолжая путь, нашли мы немалое селеніе, называемое Пропойскъ.

Тутъ наиболѣе уніаты и жиды; однако церковь православная, каменная хорошая, устроена бывшимъ помѣщикомъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Другое, называемое Чечерскъ, принадлежащее Графу Захару Григорьевичу Чернышеву, а нынѣ супругѣ его. Устроено весьма хорошо и многолюдно, со многими правильными улицами, и можетъ быть сравнено съ нехудыми городами.

Домъ господскій и другія господскія строенія во вкусѣ. Соборная церковь и другая церковь каменная построены вновь въ хорошемъ

вкусѣ, ибо извѣстно, сколько покойный графъ къ строенію былъ охотенъ и въ томъ искусенъ. Но насъ удивило то, что имъ же построена такая же, какъ и соборная, церковь, въ самой близости и прямо противъ нея, и для езуитовъ; и езуитовъ нѣсколько, говорятъ, содержатся на его коштѣ. Сію противорѣчивость мы не могли рѣшить иначе, какъ что сіе произошло отъ новомоднаго образа мыслей, называемаго терпимостью, чтобы, т. е., всѣ вѣры смѣшать воедино и утѣшаться, когда онѣ, яко на театрѣ, представляются въ разныхъ, но совокупныхъ явленіяхъ. Духъ Евангелія никого, особливо за вѣру, гнать не дозволяетъ, однако, по тому же Святому Духу должно быть видимое отличіе истинной православной вѣры отъ другихъ заблуждающихъ. Впрочемъ, покойный графъ заслуживаетъ похвалу, что, какъ намъ сказывали, и ежели то справедливо, не потерпѣлъ онъ въ своемъ немаломъ владѣніи быть уніатамъ, а объявилъ свою волю, чтобъ имъ всѣмъ ходить въ православныя церкви, что они охотно и исполнили. Однако, жидовъ и въ семъ мѣстѣ не мало, и управляющіе намъ говорили, что они ни къ чему болѣе не служатъ, какъ къ истощенію крестьянъ.

Оставляя Чечерскъ, не можемъ забыть тамошняго отца протопопа, человѣка благоразумнаго и честнаго, и по благочестіи ревностнаго. Проѣзжая путемъ далѣе, въѣхали въ другое мѣстечко, называемое Гобля (или Гомель), принадлежащее Его Сіятельству, графу Николаю Петровичу Румянцеву. Мѣсто обширное, многими улицами правильно раздѣленное, хорошими деревянными домами украшенное и торжищемъ снабденное, хотя и здѣсь большая часть торговли, къ сожалѣнію, предана въ руки жидовскія. Домъ господскій вновь выстроенъ каменный, изрядною архитектурою, на прекрасномъ мѣстѣ, на высокомъ берегу большой рѣки Сожи; но, къ удивленію, узрѣли возлѣ самаго сего дома деревянный монастырь уніатскій, а съ нимъ смежна православнея наша церковь. Разсуждали, почему бы терпѣть сей монастырь, зная, что онъ былъ прежде православный, а однимъ насиліемъ и хитростію похищенъ на унію; и одной помѣщичьей воли довольно, чтобъ имъ оставить унію, а принять православіе. Кольми же паче крестьяне его, коихъ, сказываютъ, въ его владѣніи уніатовъ весьма немалое число, и они удобно могутъ унію оставить, ежели только на то будетъ воля помѣщика. Restituat id optimus, quod abstulit pessimus. Слышали мы и, ежели то правда, порадовались, что нѣкто, въ недальнемъ оттуда разстояніи, выгналъ жидовъ изъ своихъ владѣній, да также едва ли и уніатовъ, какъ нѣкоторые увѣряли, не расположилъ ходить въ церкви православныя, за что благодарили Бога.

Послѣ таковыхъ размышленій выѣхали мы изъ Гомля хорошимъ мостомъ чрезъ рѣку Дожъ, и съ другой стороны берега любовались

красотою мѣстечка Гомля. И скоро въѣхали въ новоучрежденный городъ Бѣлицу, который только что порядочно устроивается и населяется раскольниками, почему и церкви тутъ нѣтъ. Поговоривъ мало съ раскольниками, скоро выѣхали въ другую большую слободу, называемую Добрянка, которая вся весьма многолюдная; въ ней дворовъ до 800, населена раскольниками, и имѣютъ церковь, и служатъ въ ней папы наши бѣглые. И здѣсь побесѣдовавъ съ сими заблуждающимися, и пожелавъ имъ христіанскаго съ нами соединенія, продолжая путь, окончили губернію Могилевскую и вступили въ губернію Черниговскую.

Доѣхавъ дорогою ровною до древняго града Чернигова, поутру, мая 30 числа, въ седьмомъ часу, усмотрѣли множество около города кургановъ, сколько нигдѣ почти не видали. Какъ по исторіи извѣстно, что при Черниговѣ было браней и битвъ несмѣтное число, то и почли, по вѣроятности, что сіи курганы не иное что, какъ могилы побіенныхъ на разныхъ битвахъ и тутъ погребенныхъ, и сіи остались памятники несчастія человѣческаго рода. Остановились мы въ монастырѣ Елецкомъ, близъ города, въ концѣ онаго къ Кіеву стоящему.

Скоро посѣтилъ насъ духовный хозяинъ города, преосвященный Михаилъ, принявъ со всѣми знаками искренняго усердія; поѣхали мы съ нимъ въ соборъ и слушали въ немъ Божественную литургію. Соборная церковь каменная, великая и внутри довольно уборна; построена безъ столбовъ, а вокругъ, начиная отъ иконостаса, къ полуденной странѣ, и по западной и по сѣверной сторонамъ, основаны на аркахъ съ перемычками и съ сводами, называемые хоры, а самою вещію они суть украшеніе или мѣсто для женскаго полу, ибо, по древнему восточныхъ церквей обычаю, мужчины стояли внизу, а жены на таковыхъ хорахъ вверху. И сіи хоры отъ полу весьма возвышены и придаютъ особую церкви красоту; по сему образцу и вездѣ, начиная отъ Смоленска, и въ Могилевѣ, и въ лаврѣ Печерской, и въ Кіевѣ, и въ Кіусарѣ Софійской, и въ монастыряхъ большія церкви устроены. Нѣтъ нигдѣ столбовъ, какъ въ большихъ велико-россійскихъ церквахъ, кромѣ, что мы подобныя же видѣли въ Новѣ-городѣ, и во Владимірѣ, и въ Переславлѣ Залѣсскомъ; сказываютъ, что и въ Царьградѣ славная Софійская церковь, нынѣ въ мечеть обращенная устроена таковымъ же образомъ, и можно заключить, что какъ вѣра къ намъ перешла изъ Царьграда, то и церкви наши были устрояемы по образцу Софійской Цареградской церкви. О Черниговской соборной церкви для того мы особенно здѣсь помнимъ, что она едва-ли не древнѣе всѣхъ въ Россіи церквей, ибо заложена, по Несторовой повѣсти, великимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровымъ сыномъ, въ 1024 году, и въ ней сей князь погребенъ. А Кіевская Софійская, по тому же Нестору,

въ слѣдующемъ 1025 году основана. Съ пристойнымъ къ древности сей церкви уваженіемъ осмотрѣли ее и другую соборную же церковь, возлѣ ея стоящую, не столь великую, которая также почитается древнею и въ которой есть среброкованныя царскія двери и съ финифтью, работы древней и хорошей. Въ ней есть склепъ, въ коемъ погребены нѣкоторые бывшіе Черниговскіе епископы, въ числѣ коихъ почитается, по святости житія, бывшій епископъ Ѳеодосій, прозываемый Углицкій. Потомъ осматривали крѣпость, окруженную высокимъ валомъ, который, къ сожалѣнію, раскапывается, и мѣсто сравнивается. Съ сего валу—пріятный видъ на окружности града и на протекающую большую рѣку Десну. Въ крѣпости—нехудой каменный домъ, бывшій архіерейскій, но нынѣ взятый въ казенное вѣдомство. Другихъ казенныхъ строеній есть нѣсколько, но не много.

Изъ крѣпости выѣхавъ, были въ семинаріи, которая въ концѣ города съ сѣверной стороны, гдѣ насъ почтили ученики привѣтствіями на разныхъ языкахъ. Строніе каменное; но для семинаріи, имѣющей немалое число семинаристовъ, потребно большее пространство.

Нѣсколько посмотрѣли и на загородный бывшій домъ архіерейскій и съ великимъ садомъ близъ самаго города, съ восточной стороны; но нынѣ онъ взятъ въ употребленіе свѣтскихъ правительства особъ.

Потомъ поѣхали въ Троицкій Ильинскій монастырь, который стоитъ близъ града съ западной стороны, гдѣ Преосвященный и пребываніе имѣетъ. Монастырь довольно обширенъ и строеніемъ каменнымъ доволенъ, особливо архіерейскій домъ, и не малъ, и хорошо убранъ, и на красивомъ мѣстѣ, ибо стоитъ монастырь на горѣ, откуда окрестность далеко видна, и великая рѣка Десна увеселяетъ зрѣніе своими стремленіями. А паче въ монастырѣ семъ достойна похвалы церковь соборная, великая и хорошимъ иконостасомъ и утварію довольно украшена, и сдѣлана такимъ же образомъ съ хорами, какъ и городская соборная. Не оставили осмотрѣть и ризницы архіерейской, которая, хотя небогатая, однако довольная, и нѣкоторыя вещи по своей рѣдкости примѣчаніе заслуживаютъ. Хозяинъ угостилъ насъ обѣдомъ усердно. Пѣніе пѣвчихъ его при столѣ обратило наше вниманіе, ибо согласіе ихъ и искусство заслуживаютъ особую похвалу и предъ другими преимущество.

По обѣдѣ, желали мы осмотрѣть близъ Ильинскаго монастыря въ городѣ пещеры, ископанныя преподобнымъ Антоніемъ Кіевскимъ, но не удалось, а, возблагодаря хозяина, возвратились мы на свою квартиру въ Елецкій монастырь. Монастырь весьма обширный, и стѣна и другія строенія почти всѣ каменныя, но особо церковь, и велика, и красива, и хорошо и внутри и извнѣ украшена, и устроена, похожа во всемъ

на соборную Ильинскую. Только прочее строеніе монастыря требуетъ немалаго поправленія. Простившись въ семъ монастырѣ съ преосвященнымъ Михаиломъ и возблагодаривъ за его одолжительное принятіе, препроводили ночь въ монастырѣ, а поутру рано въ свой путь пустились.

Городъ Черниговъ—средственной величины; одна его часть на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ крѣпость и гдѣ не мало улицъ порядочныхъ и съ хорошими деревянными и каменными домами; а другая часть за небольшою рѣкою еще устроивается, и надежно, что чрезъ нѣсколько лѣтъ весь въ совершенномъ устройствѣ будетъ. Церквей въ городѣ каменныхъ и деревянныхъ 8.

Жители города благочестію привержены, и насъ вездѣ провожали съ видимыми знаками любви христіанскія. Но по имуществу, кажется, не могутъ они почесться вообще достаточными.

Г. Губернаторъ одолжилъ насъ, что далъ приказаніе, дабы для насъ лошади на станціяхъ были изготовлены, и мы посему вездѣ находили лошадей готовыхъ и хорошихъ, за что мы Его Превосходительству чувствительно благодарны.

Выѣхавъ изъ Чернигова за нѣсколько верстъ отъ города перевозились чрезъ большую рѣку Десну паромомъ; здѣсь увидѣли мы большія лодки, называемыя дубы, изъ одного дерева выдѣланныя, на коихъ можетъ помѣститься человѣкъ до 50, а есть, говорятъ, и такія, на коихъ помѣщается человѣкъ до 100, и на нихъ перевозятъ повозки и кареты. Удивлялись мы величинѣ таковыхъ деревъ, и на таковыхъ, конечно, лодкахъ древніе россіяне Чернымъ моремъ подъ Царьградъ плаваніемъ доходили, какъ точно о томъ въ исторіи пишется, и потому они и по-гречески называются μονοξύλον (одно деревко), а Могилевская губернія, особливо къ Полоцку, лѣсами изобильна. На дорогѣ начали намъ нерѣдко встрѣчаться песчаныя мѣста, которыя еще до Чернигова, отъѣхавъ верстъ съ 80 отъ Могилева, стали показываться.

По Черниговской дорогѣ до Козельца мало что примѣчательнаго видѣли, кромѣ, что дорогу, березами обсаженную, по коей, какъ по садовой аллеѣ, ѣхали; одно село Чемерь попалось, принадлежащее Г. Будлянскому, которое строеніемъ домовъ сельскихъ не мало и не худо; особливо хороша церковь, хотя деревянная; земля кажется плодородна; но примѣчается, что недостаетъ рукъ, могущихъ обработывать оную, ибо селенія вездѣ очень рѣдко, и малолюдны, и бѣдны. Заставило насъ замѣчать и то, что по всей дорогѣ, начавъ отъ Можайска до Кіева, хотя встрѣчались нерѣдко большія рѣки, но малыхъ рѣчекъ, ручьевъ и родниковъ очень рѣдко, такъ что иногда верстъ по 20 и болѣе никакой воды нѣтъ, и по большой части употребляютъ воду колодезную или прудовую, или изъ малыхъ озеръ.

Пріѣхавъ въ Козелецъ, приняли насъ чиновники града съ учтивостію; и мы были въ соборной церкви, гдѣ насъ встрѣтили протопопъ со священниками градскими, кои намъ показались, по пристойной осанкѣ и ученію, званія своего достойными. Церковь не малая, каменная и довольно хорошо украшена, строенія новаго; и другія есть церкви не худыя каменныя и деревянныя, коихъ всѣхъ шесть.

Городъ не великій, строеніемъ деревяннымъ средственъ, мѣсто ровное; на рѣкѣ, которая запружена плотиною, на коей мельницъ до пяти, и сія спруда составила не малое разлитіе воды, яко небольшаго озера.

По перемѣнѣ лошадей, продолжали мы путь, по большей части песчаный, почти безъ всякихъ селеній и доѣхали до села Бровары, гдѣ двѣ церкви; село не малое, бывшее Печерской лавры; отселѣ дорога почти голый песокъ до самаго Кіева, безъ мала за 20 верстъ, по обѣимъ сторонамъ кустарникъ и мелкій сосновый или дубовый лѣсъ, и видъ представляетъ не веселый, и на коемъ никакого селенія, ни воды нѣтъ. Верстъ за 20 увидѣли мы колокольню Печерской лавры, но какъ было время къ вечеру и нѣсколько мрачно, то она казалась намъ нѣкоторымъ высокимъ столбомъ. А прочаго ничего не видно было.

Предъ Кіевомъ за 5 верстъ стоитъ трактиръ, гдѣ насъ встрѣтили нѣкоторые духовные отъ преосвященнѣйшаго митрополита Кіевскаго, а отъ г. губернатора чиновники.

Пріѣхавъ къ рѣкѣ Днѣпру въ 3 часа пополуночи, съ помощію одного чиновника, для сего присланнаго, перевезлись мы чрезъ сію большую и славную рѣку паромомъ. А между тѣмъ взирали на городъ, котораго на Подолѣ мало видно было, а все взираніе наше обнимала Печерская лавра, прямо противу перевоза на высокой горѣ стоящая и возвышающая свою величественную главу надъ всѣмъ тамошнимъ положеніемъ высокихъ горъ, или высокаго весьма крутаго берега.

Пробравшись на другой берегъ, ѣхали мы подъ самою подошвою горы, дорогою самою затруднительною и для повозокъ опасною, болѣе версты; однако, между тѣмъ съ удивленіемъ усматривали нѣкоторые маленькіе по мѣстамъ домики, обмазанные глиною и выбѣленные, на крутизнѣ береговой горы отъ подошвы ея саженей на 4 или на 5 возвышенные, и яко птичьи гнѣзды въ горѣ прилѣпленные.

Проѣхавъ трудный подъ горою путь, поѣхали въ крѣпость Печерскую, между горъ дорогою уже уровненною, однако, еще довольно крутою; и такъ въѣхали въ крѣпость, и скоро въ Печерскую лавру, въ 5 часовъ утра іюня 2 дня, въ самый Вознесеньевъ день.

Тутъ обрадовались, узрѣвъ давняго знакомца и друга, преосвященнѣйшаго Сераѳіона, митрополита Кіевскаго, и другъ друга обняли

съ лобзаніемъ святымъ. Причемъ и отъ другихъ духовныхъ, его преосвященству подчиненныхъ, привѣтствованы, и мы взаимно ихъ благодарили и воспривѣтствовали; отведены намъ спокойныя келіи, и мы тутъ на нѣсколько дней расположились со всякимъ нашимъ удовольствіемъ.

По приспѣяніи времени къ литургіи, пошли мы въ соборную Успенскую церковь, гдѣ оную и слушали, и монашествующіе крылошане пѣніемъ своимъ доставили намъ пріятное слышаніе.

Приложились ко главѣ святаго Владиміра, просвѣтителя крещеніемъ Россіи и къ мощамъ блаженнаго перваго митрополита Михаила, и перваго вѣры и ученія христіанскаго наставителя, и къ мощамъ преподобнаго Ѳеодосія, основателя со святымъ Антоніемъ сея обители и пещеръ.

Церковь великая и высокая съ куполомъ красивымъ и веселымъ, довольно пространная; но пространство ея, особливо въ ширину, умножалось двумя немалыми придѣльными церквами.

Иконостасъ рѣзной, хорошій и самъ собою и окладами многими сребропозлащенными, также и многими паникадилами и лампадами серебряными. Вся церковь и алтарь расписаны по мѣстамъ съ позолотою. Столповъ въ ней нѣтъ, но вмѣсто того хоры, или гинекіонъ, со всѣхъ трехъ сторонъ, съ перилами чугунными, позлащенными, возвышенными, стоящими на аркахъ со сводами, на коихъ хорахъ многіе довольно пространные храмы устроены. Пріятно во время служенія взирать на хоры, наполненные народомъ. Алтарь также пространенъ и свѣтелъ, утваріею украшенъ. Престолъ и жертвенникъ—среброкованные, и на престолѣ дароносица, брилліантами убранная, не малой цѣны стоющая. Горнихъ мѣстъ въ Кіевѣ, и нигдѣ, начавъ отъ Смоленска, нѣтъ; а вмѣсто того два ряда окруженныхъ лавокъ, и все почти полукружіе алтаря иконостасомъ украшено. Прочая утварь ему соотвѣтствуетъ.

Осмотрѣвъ сіе, пошли въ покои архимандрита, гдѣ насъ съ преосвященнымъ митрополитомъ посѣтили господа военный и гражданскій губернаторы, съ многими знаменитыми особами въ Кіевѣ, особыя должности имѣющими. Также и духовенство Кіевское почтило насъ привѣтствіемъ чрезъ отца каѳедральнаго протоіерея Леванду *), коего имя

---

*) Въ Кіевопечерской лаврѣ духовенство почтило митроп. Платона, чрезъ каѳедральнаго протоіерея Леванду, слѣдующею рѣчью:

„Преосвященнѣйшій Владыко! Слава всегда писала и на нашемъ сердцѣ то, что писала на всѣхъ, и именно, что ты, для Христа и Церкви Его, во днѣхъ пастырской жизни своей творилъ и твориши. Коль громкою ушамъ, коль любезною ты истину Христову очамъ и сердцу содѣлалъ!

къ отличности его достоинства и просвѣщенія, намъ и прежде было извѣстно. Имѣли же мы удовольствіе видѣть и г. Кіевскаго войта съ нѣкоторыми гражданами, и ихъ посѣщеніемъ признавали себя быть обрадованными и одолженными. Послѣ сего почтенный хозяинъ угостилъ насъ щедро изобильнымъ столомъ, за коимъ были почти всѣ отличные духовные Кіевскіе. Послѣ обѣда отдохнувъ, ходили на ближнюю и дальнюю пещеры, гдѣ, исходивъ всѣ пещеры и отдавая почтеніе подвижникамъ святымъ, тутъ тѣломъ опочивающимъ, разсуждали, что сколько бъ имъ ни воздавать намъ почитанія, но мало онаго для тѣхъ, „ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ“. Проходы въ пещерахъ тѣсные, только что человѣку пройти, и вышиною только что съ человѣка средственнаго. Сырости въ ближней пещерѣ не видно и не слышно, но въ дальней нѣсколько есть, и хотя кажется воздухъ запертъ, но въ пещерахъ не душно, и никакой воздушной противности не чувствовали. Есть въ пещерахъ нѣсколько малыхъ церквей, изъ той же земли выдѣланныхъ. Свойство земли есть желтоватое и нѣсколько яко каменистое, сушительное, при легкомъ трѣніи перстами разсыпается въ мелкую желтоватую пыль.

Исходивъ пещеры около двухъ часовъ, посѣтили кельи тѣхъ пещеръ начальниковъ: ибо надъ пещерами есть особыя, не малыя каменныя церкви и кельи для братіи, и составляютъ яко особые небольшіе монастыри. Восхитила насъ келія начальника ближнія пещеры, ибо она стоитъ на крутой высотѣ горы, и подъ нею весьма глубокій ровъ, или дебрь, а напротивъ другая высокая гора; и она и дебрь обросли ило-

---

Коль любезенъ ты самъ пстинѣ, народамъ, Царямъ, Христу! Коль радовалась и радуется тобою Церковь! Коль награждались подвиги твои на земли! Съ какими наградами ждетъ тебя вѣчность! Мы не такъ удалены, чтобы не знать сего; зная и бывъ счастливы лицезрѣніемъ твоимъ, позволимъ ли быть себѣ нѣмыми, и чувствій своихъ не сказать? Мы и то, что ты по слѣдамъ Царей—слѣдамъ, коль ни древнимъ, но всегда для насъ новымъ и неизгладимымъ, грядешь видѣти у насъ безсмертіе смертныхъ, нетлѣніе тлѣнныхъ—относимъ къ ревностной любви твоей къ Богу и Святымъ. Да наградитъ же и сей подвигъ твой Богъ нашъ милостями Своими, да испросятъ тебѣ у Бога долготу дней! Дни твои Церкви нужны; ея надежды не всѣ свершились. Она, по десяти талантамъ, много ждетъ отъ тебя. Да возмутъ и приложатъ небожители воздыханія нашихъ сердецъ къ воздыханіямъ своимъ. Вышній человѣколюбивъ! Да свѣтится еще и не угасаетъ съ жизнію свѣтъ твой предъ человѣки, да видятъ еще сіи дѣла твои и да прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ, толико намъ въ пастыряхъ, толико въ храненіи тебя милосердствующаго о Церкви Своей“. Это сердечное слово знаменитаго Кіевскаго витіи столько понравилось архипастырю Платону, что онъ просилъ повторить его.

довитыми и другими деревьями, и виденъ оттуда Днѣпръ. Положеніемъ своимъ сія келія и величественна и уединенна; къ восторгу и веселому и унывному восхищаетъ.

Другое, что насъ усладило, есть кладезь на ближней пещерѣ, обрубъ сверхъ земли аршина на два вышины,—въ немъ, яко въ чашѣ, стоитъ вода чистая, и видно дно. Вода втекаетъ изъ ближняго источника черезъ деревянную трубу, среди обруба стоящую, изъ которой вода всегда льется и вытекаетъ, но никогда не убываетъ. Вода сладкая и пріятная.

Окончивъ такимъ образомъ сей день и успокоившись на другой день, іюня 3 дня, слушали литургію въ больничной церкви, которая не мала и хорошо убрана иконостасомъ и расписаніемъ.

Только кельи больничныхъ монаховъ не соединены съ церковію, но особо, кои мы посѣтили, и строителя, и церковь надъ вратами входными въ лавру не малую, съ пятью главами позлащенными, также утварію и расписаніемъ убранную, которая стоитъ возлѣ самой больничной церкви.

Потомъ возжелали посмотрѣть и ризницу лаврскую, которая различною утварію весьма довольна и богата, а особливо шапками, панагіями, крестами, сосудами златыми и серебряными, изъ коихъ и не малой цѣны стоятъ, и нѣкоторые рѣдкостію примѣчаніе заслуживаютъ; изобильна также и ризами и облаченіями церковными, изъ коихъ много матерій самыхъ лучшихъ, а есть нѣсколько и жемчугомъ унизанныхъ. Видѣли и библіотеку, и хотя она не мала, но никакихъ древностей не заключаетъ, а книги болѣе латинскія и греческія, болѣе духовныя и классическія, и то печатныя.

Въ сей день ѣздили мы предъ обѣдомъ въ близъ лавры стоящій Николаевскій монастырь, положеніе коего на набережной Днѣпра высотѣ горы столь возвышенно, что кажется выше всѣхъ мѣстъ на горахъ Кіевскихъ. По немъ высотою можно почитать Андреевскую церковь, а Андреевской Печерскую лавру. Въ монастырѣ Николаевскомъ церковь не малая и внутри довольна украшеніемъ, и похожа на лаврскую, только величиною и утварію ей уступаетъ. Монастырь обширенъ, есть строенія деревянныя и каменныя. Внизу монастыря, по наклонности набережной Днѣпровской крутизны, есть малая каменная церковь, уже къ ветхости склонна, однако, строенія не стариннаго. Объ ней сказываютъ, что тутъ была Оскольдова могила, на которой еще при жизни святой Ольги построена церковь во имя святого Николая. Слѣдовательно, на семъ мѣстѣ бывшая церковь должна почитаться первою въ Россіи христіанскою, что намъ, соображая всѣ обстоятельства и мѣстоположеніе, показалось быть вѣроятнымъ. Почему и Николаевскій мона-

стырь можно почитать древнѣе самой лавры. Поелику преподобный Несторъ поминаетъ о многихъ монастыряхъ къ Кіевѣ, прежде нежели воздвигнутъ Печерскій монастырь. Принадлежитъ къ Николаевскому монастырю и другая на дорогѣ въ старый Кіевъ стоящая каменная церковь, гдѣ и служба празводится. Полюбовавшись изъ архимандричьихъ келій высотою и красотою крутого берега Днѣпровскаго, и рѣкою и дальнимъ видомъ за Днѣпромъ, возвратились въ лавру.

Въ ней отъ пыли вымывшись и пообѣдавъ, слушали въ домовой церкви вечерню и утреню, готовясь къ служенію въ ближней пещерѣ, въ которой на другой день, іюня 4 дня, и сподобилъ насъ Богъ совершить литургію и Святыхъ Таинъ причаститься въ пещерномъ храмѣ Введенія Пресвятыя Богородицы, поутру рано. Послѣ обѣдни посѣтили любимую келію начальника ближнія пещеры.

Послѣ сего, мы вмѣстѣ съ его преосвященствомъ, митрополитомъ Кіевскимъ, отправились въ его митрополитскую каѳедру, куда пріѣхавъ, во-первыхъ: осматривали сей древній въ Россіи храмъ, устроенный великимъ княземъ Ярославомъ, Владимировымъ сыномъ, и нашли: 1) Входныя двери мѣдныя позлащенныя. 2) Церковь обширна, весьма сходна съ Печерскою во всемъ, но въ ширину пространнѣе, прибавкою многихъ придѣловъ, коихъ внизу и наверху на хорахъ считаютъ до 18; но вмѣсто того, кажется, нѣсколько короче Печерской, и пристройкою многихъ придѣловъ по сторонамъ—темновата. 3) Иконостасъ такой же, какъ и въ Печерской, великъ и хорошею древнею рѣзьбою украшенъ, и на образахъ мѣстныхъ оклады серебряные, не бѣдные. 4) Храмовый праздникъ Софіи Премудрости Божія представленъ во образѣ Богородицы съ храмомъ седмистолпнымъ, въ Премудрости Соломоновой поминаемымъ. Но тотъ же образъ Софіи, въ храмѣ соборномъ Софійскомъ въ Новѣгородѣ, представленъ символическими знаками, изображающими Премудрость Божію; а что изъ сего есть сходственнѣе, представляется богословамъ на разсужденіе. 5) Алтарь, въ немъ престолъ, такъ, какъ и въ другихъ церквахъ, весьма широкъ, болѣе кажется трехъ аршинъ, но въ длину короче, и въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, вверху, на сводѣ, достойна зрѣнія и примѣчанія древняя мусія или мозаика. Она составлена и въ клейкую матерію вдѣплена, состоитъ изъ маленькихъ четвероугольныхъ камешковъ позлащенныхъ, кои кажутся быть составъ, на подобіе стекла прозрачнаго, и сими камешками убрана земля, а гдѣ лица и одежды, изъ нихъ же составлены, и тѣ подведены подъ цвѣтъ, какой для сего потребенъ былъ. Такой же мусіи остатокъ примѣчается и выше иконостаса, подъ куполомъ, на четырехъ его изгибахъ, гдѣ Евангелисты изображены. Сія мусія и нынѣ есть, только въ остаткахъ, а всего цѣлаго нѣтъ. Не время, ибо она

крайне тверда, а какая-нибудь хищная рука все то повредила; можно себѣ представить, что великую красоту сія мусія дѣлала, когда она была вся цѣла и нова; и нынѣ, кажется, можно сыскать такихъ художниковъ, кои таковую же мусію сдѣлать и недостатокъ дополнить могутъ. 6) Смотрѣли гробъ, или пагробный камень великаго князя Ярослава; онъ находится въ придѣлѣ соборной церкви, по лѣвую сторону; онъ достоинъ зрѣнія и примѣчанія. Вышины отъ полу около двухъ аршинъ, а въ длину до трехъ, изъ одного камня крѣпкаго, синеватаго, съ нѣкоторыми нещринами бѣлыми; однако, кажется, не мраморъ; сведенъ остротою. На немъ по всему камню вырѣзаны кресты съ словами ІС. ХС. ни—ка, птички, деревья, яко елки, и другія фигурки. Хотя сія рѣзьба грубою рукою дѣлана, но весьма доказываетъ древность и вкусъ древній. Жаль, что почти цѣлая сего камня половина вдѣлана въ стѣну. Мы совѣтовали, чтобъ его, коли можно, весь открыть, нѣтъ ли и съ другой стороны какой рѣзьбы и надписи; а сей камень почитается гробомъ, въ коемъ Ярославово тѣло положено, или только надгробнымъ камнемъ, сего узнать мы не могли. 7) Въ соборѣ есть мощи, открытыя, священномученика митрополита Кіевскаго, отъ татаръ убіеннаго. 8) Въ соборѣ же есть склепъ подъ поломъ, гдѣ открытые гробы бывшихъ митрополитовъ Кіевскихъ: Рафаила, Арсенія, Гавріила, Самуила и Іерофея. Всѣ изъ недавно бывшихъ; а древнихъ митрополитовъ гробовъ никакихъ нѣтъ. Сказывали, что они погребены въ Софійскомъ соборѣ, что и по исторіи извѣстно, а иные въ Печерской лаврѣ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ ни гробовъ, ни надписей никакихъ нѣтъ; къ сожалѣнію, время все сокрыло. 9) На хорахъ есть иконостасъ, который состоитъ изъ одного по рѣзьбѣ корня Іессеева, съ надлежащими къ тому по рѣзьбѣ расположенными лицами, что намъ показалось изобрѣтеніемъ ума несредственнаго. 10) Весьма примѣчательно, что хотя церкви Софійская, Печерская, Николаевская и прочія, не только въ Кіевѣ, но и въ Черниговѣ, и въ Могилевѣ, и въ Смоленскѣ, суть древнія, и иныя болѣе 700 лѣтъ, и гдѣ бы мы ожидали найти слѣды древности, но явно видимо, что во всѣхъ тѣхъ церквахъ образа, иконостасы, расписанія стѣнныя — всѣ не показываютъ древность, а представляютъ, что они или недавно писаны и дѣланы, или въ XVII или въ XVIII столѣтіи. Много въ Москвѣ и въ другихъ городахъ около Москвы можно найти образовъ, иконостасовъ и расписаній, которыя болѣе изъявляютъ древность, нежели всѣ оныя, гдѣ было колыбель вѣры. Видно, что разныя вражескія разоренія все древнее уничтожили и заставили все вновь сооружать, особливо, когда подъ благословенную державу Россіи подошла Малороссія. Одну только нашли приходскую церковь, каменную, небольшую, стоящую близъ вход-

ныхъ воротъ Печерскихъ, называемую Спаса на Берестовѣ *), гдѣ въ церкви расписаніе греческое, алфрескомъ, и подписи надъ святыми греческіе; сію церковь можно почесть остаткомъ древности Кіевскія; да она же своимъ именованіемъ явно доказываетъ, что мѣсто, гдѣ теперь—Печерская лавра и Николаевскій монастырь, и окружность ихъ, было то Берестово, о коемъ въ лѣтописцѣ Несторѣ часто упоминается. 11) Осмотрѣвъ все въ соборѣ, введены и въ палату ризницы архіерейской. Она очень не бѣдна и облаченіями, и панагіями, и шапками, и есть между ними не мало утварей древнихъ, по фигурѣ и работѣ достопамятныхъ. Помнить будемъ мы орлецъ архіерейскій большой и омофоръ, шитые греческимъ древнимъ искусствомъ, и зрѣнія достойные. 12) Вышедъ изъ собора, обозрѣли мы митрополичій домъ, каменный, къ коему недавно пристроены покои деревянные,и другія связи строенія каменнаго, и церковь монастыря бывшаго каѳедральнаго Софійскаго. Все, хотя составляетъ довольное къ нынѣшнему прожитію, но величію древнихъ всероссійскихъ митрополитовъ не весьма соотвѣтствуетъ. Новгородскій и Ростовскій, а также и Смоленскій, и нѣкоторые другіе архіерейскіе домы едва ли не превосходятъ своимъ обширнымъ зданіемъ. Все зданіе метрополіи окружено небольшою каменною стѣною, и вокругъ валъ земляной, составляющій крѣпость Софійскую. И сей окруженный валъ дѣлаетъ, что Софійскій соборъ и домъ митрополитскій мало видны издали, такъ какъ и изъ дома обозрѣніе не дальновидное.

Приглашены были преосвященнымъ митрополитомъ въ домъ его, угощены изобильно столомъ, со многими отличными духовными. А послѣ обѣда взялись паки за любопытное обозрѣніе. 1) Смотрѣли близъ каѳедры стоящую, св. Григорія, что близъ златыхъ вратъ, приходскую

*) Обозрѣвая церковь Спаса на Берестонѣ, ея древнюю иконопись и надписи, Архипастырь Московскій Платонъ сказалъ провожавшимъ его лаврскимъ монахамъ: „Все у васъ на древнихъ развалинахъ—новое, выключая сей церкви; она только остатокъ временъ Св. Благовѣрнаго Князя Владиміра, и достойна всякаго сохраненія“. (См. Кіевъ въ началѣ своего существованія и пр. соч. Н. Самойлова. М. 1834. 8.—Златыя врата Ярославовы. Его-жъ. М. 1834. 8). Въ эту церковь митрополитъ Платонъ, между прочимъ, въ память тридцатилѣтняго служенія своего на московской паствѣ, и въ самый день, какъ вступилъ на нее, сдѣлалъ вкладъ, а именно: Св. Евангеліе, обложенное серебромъ, съ собственноручною на немъ надписью: „Въ Кіевскую, состоящую при Кіевопечерской Лаврѣ, называемую Спаса на Брестовѣ церковь, яко древнѣйшую въ Кіевѣ и въ древнихъ лѣтописцахъ поминаемую, посылаетъ сію книгу священнаго Евангелія вкладомъ смиренный Платонъ, Божіей милостію митрополитъ Московскій“, 1805 г. января 21. Москва.

церковь небольшую, строенія новаго; да и врата близко въ валу видѣли, о коихъ намъ говорили, что на нихъ стоялъ ангелъ позлащенный, что было, и нынѣ есть, гербъ Кіевскій. 2) Десятинную церковь, недалеко же отъ каѳедры стоящую. Она небольшая низкая, каменная, съ пристройкою деревянною, никакого ни внутренняго, ни внѣшняго великолѣпія не имѣетъ, да и строеніе кажется не самое древнее. А потому она ли есть десятинная оная славная, и на семъ ли мѣстѣ была, предоставляемъ другимъ тамошнимъ ученымъ любопытнѣе въ сіе взойти. На полуденной внѣшней ея стѣнѣ нѣкоторыя слова есть славянскія, не соединенныя, но довольно одно отъ другого отстоящія, выдѣланныя выпуклостію. Что они значатъ, разобрать не могли, и просили тамошнихъ ученыхъ, чтобы они о разбиранія ихъ стараніе употребили. 3) Въ семъ же мѣстѣ неподалеку есть Васильевская приходская церковь, о коей тамошніе думаютъ, что на семъ мѣстѣ былъ Перунъ идолъ, и что на семъ мѣстѣ Владиміръ, сокрушивъ идола, воздвигъ церковь во имя св. Василія, своего ангела. Сходственно ли сіе съ истиною, утвердить не можемъ. Несторъ пишетъ, что Перунъ былъ поставленъ на холмѣ, а тутъ теперь таковый высокій холмъ не примѣчается. 4) Выходили на гору—видѣть новопостроенную Андреевскую церковь, гдѣ, по преданію, апостолъ Андрей воздвигъ крестъ съ пророчествомъ. Сія гора выше всѣхъ, кромѣ—гдѣ Николаевскій монастырь. Церковь немалая, въ новомъ вкусѣ, изрядным иконостасомъ украшена, и откуду видъ весьма дальновидный на всѣ стороны, и Подолъ стоитъ яко подъ ногами ея. Откуду видѣли нѣсколько мѣста, гдѣ былъ Межигорскій монастырь и Вышгородъ. 5) Съ горы на Подолъ по крутизнѣ сходили пѣши. Подолъ, гдѣ есть жилище гражданъ Кіевскихъ, состоитъ изъ строенія деревяннаго, весьма мало гдѣ Каменнаго, невиднаго, тѣснаго, еще въ порядокъ не приведеннаго, по низкости мѣста и по тѣснотѣ улицъ по мѣстамъ грязнаго; нѣсколько отличнѣе строеніемъ каменнымъ ратуша, на башнѣ которыя сдѣланъ ангелъ съ копіемъ, который, сказываютъ, ударяя копіемъ, означаетъ часы; но при насъ сего не случилось. Подолъ стоитъ по набережному и низкому мѣсту Днѣпра. 6) Тутъ посѣтили мы Ѳедоровскій женскій монастырь. Стоитъ въ тѣснотѣ, окруженъ строеніями. Кельи деревянныя, небогатыя, но церковь каменная не худа*). 7) Противъ его бывшій Петропавловскій нынѣ греческій монастырь; въ немъ строенія мало, кромѣ церкви, которая

*) Путешествіе митрополита Платона въ Кіевъ уничтожило опредѣленіе Синода, чтобы женскій монастырь перенести въ Николаевскій, въ угожденіе тещѣ графа Кочубея, госпожи Васильчиковой (?), жившей въ Кіевскомъ монастырѣ Ѳеодоровскомъ.

строеніемъ довольна, и говорятъ, что тутъ былъ Доминиканскій монастырь. 8) Посѣтили мы и Братскій монастырь: церковь не малая каменная и не худо убрана. Академія имѣетъ видъ хорошій, своими особливо переходами съ колоннами. Величиною въ два этажа, длиною до 35 саженъ, съ церковію. Бывъ приглашены въ академію, почтили насъ тамъ привѣтствіемъ на разныхъ языкахъ, прозою и стихами, съ инструментальною музыкою. Чѣмъ бывъ обязаны, изъявляли свое обрадованіе, что узрѣли ту академію, которая столько учеными людьми прославилась, и особливо почли себя одолженными возблагодарить на самомъ томъ мѣстѣ, откуда, по большей части, были взимаемы учители въ Московскую академію, отъ коихъ и мы имѣли счастіе нѣкоторое получить просвѣщеніе.

Такимъ образомъ возблагодаривъ и посѣтивъ покои ректора той академіи и архимандрита Братскаго, видѣли и жилища префекта и учителей, кои показались намъ гораздо меньшими, нежели древность и заслуги сей академіи требовали. 9) Выѣхавъ изъ академіи, не оставили осмотрѣть и кладезь Крещатикъ, который стоитъ во рву, между двумя крутыми горами, и куда мы сходили пѣши. Нынѣ недавно сей Крещатикъ обдѣланъ камнемъ и надъ нимъ поставленъ монументъ: во образѣ обруба поставленъ столпъ, изъ коего, яко изъ трубы, течетъ проведенная изъ источника вода, и послѣ изливается малымъ и мелкимъ ручьемъ въ Днѣпръ, ибо онъ очень близокъ къ Днѣпру стоитъ. Крещатикомъ называется потому, что по преданію, въ немъ крещены дѣти Владиміровы. По нынѣшнему положенію погрузиться тутъ почти невозможно, развѣ что онъ тогда или былъ болѣе, или яко купель изъ сей воды на семъ мѣстѣ была ископана; однако, преданіе сіе древнее нельзя не уважить. 10) Рѣка Почайна, о коей Несторъ поминаетъ, что въ ней происходило крещеніе кіевлянъ, нынѣ составляетъ за Подоломъ внѣ города, къ сѣверу, малую рѣку, которая течетъ въ Днѣпръ. 11) Послѣ сего заѣхали мы и въ Михайловскій монастырь, который стоитъ въ такъ называемомъ старомъ Кіевѣ, окруженномъ особымъ валомъ. Здѣсь пребываніе имѣетъ преосвященный викарій Кіевскій. Церковь въ немъ лучшая по Печерской и Софійской, но меньшая, однако такимъ же образомъ сдѣланная. Посреди церкви, съ лѣвой стороны, стоятъ открытыя мощи Святыя Великомученицы Варвары. Строенія въ монастырѣ не мало, и покои преосвященнаге деревянные, хорошо обдѣланные, гдѣ насъ преосвященный и принялъ благопріятно. Мало у него побыли, ибо утомились, особливо я, по старости, отъ хожденія по многимъ мѣстамъ; но и преосвященный митрополитъ Кіевскій, хотя мы крайне его упрашивали, чтобы онъ себя симъ, намъ принадлежащимъ, любопытствомъ не отягощалъ; но онъ, по особенному

БИБЛИОТЕКА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ. Одиннадцатый г. изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Журналу присуждены слѣдующ. награды: Grand Prix (Парижъ 1913 г.), 3 бол. зол. мед., 1 средняя зол. мед. и 2 больш. серебр. мед. Изд. П. П. Сойкинъ. Ред. П. Н. ШТЕЙНБЕРГЪ.

Еженедѣльный журналъ практическаго садоводства и огородничества.

52 №№ ЖУРНАЛА, съ многочисленными иллюстраціями. Въ теченіе года помѣщается около **1,500** практическихъ статей и обстоятельныхъ отвѣтовъ практиковъ и спеціалистовъ на вопросы по всѣмъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Описаніе новинокъ по садоводству. Въ составѣ сотрудниковъ—**лучшія силы русскаго садоводства и огородничества.**

12 книгъ САДОВАЯ БИБЛІОТЕКА съ рисунками и чертежами.

Каждый выпускъ «Библіотеки» представляетъ собою вполнѣ законченное иллюстрир. руководство.

1) Какъ выращивать сильный, здоровый посадочный матеріалъ. Инструкт. по садов. *Я. М. Пенегрета.*
2) Исправленіе старыхъ плодов. садовъ, съ цѣлью поднятія урожаевъ плод. деревьевъ. *М. С. Балабанова.*
3) Культура душистыхъ фіялокъ въ саду, въ теплицѣ и въ комнатахъ. Руководство для любителей и промышленниковъ *І. Барфусса.*
4) Какъ вырастить въ комнатахъ лимоны, апельсины и померанцы. Съ ориг. рисунк. *Н. Н. Шаврова.*
5) Какъ увеличить урожаи плодоваго сада безъ поливки. *М. С. Балабанова.*
6) Размноженіе лучшихъ кустарниковъ черенками. Составилъ *Г. В. Черабаевъ.*
7) Культура персиковъ и винограда въ суровыхъ по климату мѣстностяхъ. *Н. Н. Шаврова.*
8) Доходная культура орѣховъ. *Т. Квараухеліи.*
9) Устройство недорогого ковроваго цвѣтника. *П. Н. Штейнберга.*
10) Устройство комнатныхъ парниковъ и тепличекъ. Практич. руководство *А. А. Смирновскаго.*
11) Культура лучшихъ цвѣтущихъ кустарниковъ въ грунту. *А. Н. Макарова.*
12) Культура рѣдкихъ (новыхъ) многолѣтниковъ въ грунту. *С. А. Соколова.*

6 книгъ ДОМЪ и САДЪ

предназначаются въ помощь хозяйкѣ по украш. дома, сада и по загот. самыхъ разнообразн. консервовъ.

Главные отдѣлы этого пр[illegible]ложенія: 1) Украшеніе растеніями комнатъ, балконовъ и верандъ. 2) Устройство эффектнаго фи[illegible]рнаго [illegible]тника. 3) Комнатная культура лучшихъ лѣтниковъ. 4) Здоровый (вегетаріанскій) столъ. [illegible]иготовленіе домашнихъ конф[illegible]ъ изъ плодовъ и ягодъ. 6) Домашніе консервы изъ плодовъ, [illegible] и овощей 7) Ис[illegible]ты.

6 книгъ ОГОРОД[illegible]А съ многочисл. иллюстрац.

[illegible]подъ

1) Культура капусты [illegible]вѣтъ [illegible]ыращивается салатъ кочанный, рѣзной, роменъ, [illegible] [illegible]говъ и баклажановъ. 4) Культура лука рѣпчатаго [illegible]ъ получаются лучшіе корнеплоды (морковь, рѣпа, [illegible] [illegible]въ.

4 полныхъ и[illegible] руководства:

1) Огородное сѣ[illegible]ен[illegible] [illegible]нъ огородныхъ растеостав. *М. В. Рытовъ.*
2) Ранняя выгонк[illegible] [illegible]теплицахъ. Для любивилъ *А. И. Мятликъ.*
3) Роза. Культура ея въ [illegible] [illegible]зѣйшее богато-иллюстрированн[illegible] ру[illegible] с[illegible]
4) Раціональное пл[illegible]одств[illegible] [illegible]ду за плодов. садомъ. [illegible]ост. *Н. И. Кичуновъ.*

КАЛЕНДАРЬ РУСС[illegible] на 1914 годъ

СЪ [illegible]СОБЫ[illegible] ПРИ[illegible]ТЪ

НОВАЯ ОБИ[illegible]ОДНАЯ [illegible]РЕЦ[illegible] САДОВОДА

Необходимые практ[illegible]ческіе совѣты и ре[illegible]цепты [illegible]всѣхъ о[illegible] [illegible]м садоводства, плодоводства и огородничества. На[illegible]льная книга каждаго садо[illegible]ва. Сост. [illegible]ел[illegible]кц. *П. Н. Штейнберга.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на [illegible]оръ со[illegible]ѣми прило[illegible]ями, съ доставкой и пе[illegible]ссылкой по всей Россіи **4 руб.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 мая остальные 2 руб.

Главная Контора журнал[illegible] [illegible]етербургъ, [illegible] [illegible]я ул., № 12, собств. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г. (29-й г. изданія).

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Духовно-литературный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Издается съ 1885 года. ПРОБНЫЙ № БЕЗПЛАТНО. Одобренъ всѣми вѣдомствами.

52 №№ ЖУРНАЛА, въ изящныхъ цвѣтныхъ обложкахъ, до **2.000** ст. текста извѣстныхъ духовн. и свѣтскихъ писателей, свыше **800** иллюстрацій, отражающихъ духовно-нравств. жизнь прошлаго и настоящаго.

Въ теченіе 1914 г., кромѣ 52 №№ журн., г.г. подписчики получатъ безплатно:

12 КНИГЪ (Свыше 3.000 ст. большого формата.) НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛЪ **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**

8 КНИГЪ (большого формата четнаго шрифта.) СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ **СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО**

6 КНИГЪ (большого формата крупнаго текста.) **ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ** Извѣстное ИЛИ произведеніе ПОСЛѢДНЯЯ УЧАСТЬ ЧЕЛОВѢКА. Е. Тихомірова

Сочиненіе ***Е. Тихомірова***, посвященное вопросамъ о загробномъ мірѣ и, будучи дѣйствительно замѣчательнымъ, удостоилось неоднократныхъ лестныхъ отзывовъ печати, разошлось уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ и теперь въ продажѣ не существуетъ.

12 КНИГЪ (крупнаго шрифта съ мн. иллюстрац.) СОЧИНЕНІЯ ИЗВѢСТН. ДУХОВНАГО ПИСАТЕЛЯ **Е. ПОСЕЛЯНИНА** **СВЯТАЯ ЮНОСТЬ** (разсказы о свят. дѣтяхъ и о дѣтствѣ и отрочествѣ свят.)

Сверхъ сего, **за доплату 1 рубля**, г.г. подписчики могутъ получать:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ**

Главные отдѣлы этого приложенія: **Болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы г. г. подписчиковъ.**

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ ЖУРНАЛУ РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ежемѣсячный духовно-литературный журналъ.

Это новое наше приложеніе ставитъ своей цѣлью—1) представить читателямъ, въ интересной художественной формѣ, великія и малыя событія давней минувшихъ, 2) напомнить имъ лучшіе завѣты «лѣтъ древнихъ» и 3) провести предъ ними, въ живыхъ впечатлѣніяхъ современниковъ, рядъ лицъ духовнаго и свѣтскаго міра, которыми «крѣпка Русская земля». Каждая книга журнала «Историческая Лѣтопись» будетъ выходить въ началѣ мѣсяца художественно отпечатанной и заключать въ себѣ массу увлекательнаго матеріала по самой разнообразной программѣ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ ЖУРНАЛУ РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

СВЯТАЯ ЮНОСТЬ

(разсказы о святыхъ дѣтяхъ и о дѣтствѣ и отрочествѣ святыхъ)

Въ этихъ сочиненіяхъ ярко и живо нарисованы полные высокой христіанской поэзіи облики святыхъ, пламенѣвшихъ духомъ еще въ юности, отмѣченныхъ перстомъ Божіимъ еще въ дѣтствѣ. Въ наше время вѣрующіе озабочены вопросомъ о воспитаніи вѣры въ своихъ дѣтяхъ. На помощь и приходимъ мы, давая сочиненія извѣстнаго всей благочестивой читающей Руси духовнаго писателя ***Е. Поселянина***, въ которыхъ авторъ старается привязать дѣтей къ свѣтлому міру святыхъ и вызвать подражаніе имъ. Книга эта явится настольной въ каждой семьѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» со всѣми приложеніями безъ дост. въ СПБ. 5 руб. Съ дост. и перес. по всей Россіи **6 РУБ.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальныя.

Редакторъ Е. А. Поповицкій. **Главная контора и редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д.** Издатель П. П. Сойкинъ.

ТИП. П. П. СОЙКИНА.